

НАУМ
ГРЕБНЕВ

**ИСТОКИ
И
УСТЬЯ**

ПЕРЕВОДЫ
ИЗ УЗБЕКСКОЙ
ПОЭЗИИ

Ташкент
Издательство литературы и искусства
имени Гафура Гуляма
1983

Уз
Г 79

Гребнев, Наум.

Истоки и устья: Пер. из узб. поэзии. — Т.: Изд. лит. и искусства, 1983. — 360 с.

Н. Гребнев — человек, посвятивший всю свою жизнь переводу стихов. За три с лишним десятилетия им издано более ста сборников народной поэзии, классиков, современных поэтов.

В книгу «Истоки и устья» вошло лучшее, что перевел Н. Гребнев из узбекской поэзии.

Уз2

4702010200—15
М352 (04)—83 88—83

© Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма 1983 г. (Составление, оформление, произведения, отмеченные в содержании знаком*).

НАРОДНАЯ
ПОЭЗИЯ

Песни эти сложены в разное время, но сложены давно.

Авторы их — безвестные певцы, не знавшие грамоты, не читавшие книг: крестьянин, проклинающий своих угнетателей; ремесленник, состарившийся на непосильной работе; бедняк, отправляющийся в далекое странствие в поисках лучшей доли; бедный юноша, полюбивший дочку богача; девушка, проданная замуж за нелюбимого; мать, укачивающая младенца; женщина, оплакивающая убитого мужа, и т. д.

Горе, породившее эти песни, ушло, но сами песни остались, потому что в них истинная поэзия, потому что так бывает всегда: горе проходит — песни остаются.

ПЕСНИ ЛЮБВИ

* * *

Эти горы, что за горы?
Там есть зверь, да нет ловца!
Это горе, что за горе?
Есть начало, нет конца!

Горе нам с моею милой:
Любим вместе, плачем врозь.
Быть с любимой до могилы
Думал я, да не пришлось.

Ах, цветок мой, ах, цветок мой,
Нераскрывшийся бутон.
Час последний недалек мой,
Слышишь мой тяжелый стон?

Горы, горы, что за горы —
Нет на них ни деревца.
Горе, горе, что за горе —
Есть начало, нет конца!

Что за реки, у которых
Волны есть, а брода нет.
Горе, горе, что за горе —
Есть исток, исхода нет!

* * *

Человек, с любимой разлученный,
Словно желтая солома, желт,
Парень, с нелюбимой обрученный,
Словно белая бумага, бел.

Я, навеки с милой разлученный,
Словно желтая солома, желт,
Я, с другой, с постылой обрученный,
Словно белая бумага, бел.

МАМОЧКА

— Плачу, плачу я навзрыд,
Мамочка,
Голова моя болит,
Мамочка.

— Чем помочь тебе, мой свет,
Доченька?
Есть лекарства или нет,
Доченька?

— Есть лекарство, видит бог,
Мамочка.

Называется — платок,
Мамочка.
То лекарство мудрецы
Не толкут,
А базарные купцы
Продают.

— Жизнь моя — крошечный ад,
Мамочка.
Ушки у меня, болят,
Мамочка.

— Чем помочь тебе, мой свет,
Доченька?
Есть лекарство или нет,
Доченька?

— Есть лекарство, видит бог,
Мамочка,
Пара золотых серег,
Мамочка.
То лекарство не мудрец
В ступе трет.
В лавке ювелир-купец
Продает.

— Жжет глаза мои слеза,
Мамочка.
Пропадут мои глаза,
Мамочка.

— Чем помочь тебе, мой свет,
Доченька?
Есть лекарство или нет,
Доченька?

— Есть, ты знаешь и сама,
Мамочка.
Называется сурьма,
Мамочка.
То лекарство мудрецы
Достают,
А заезжие купцы
Продают.

Я ГЛЯЖУ НА ДОРОГУ

Говорят, что путь к Кашгару труден,
Люди там, как муравьи, снуют.
Говорят, на той дороге люди
За табак и душу продают.

Ты, кто был милее всех и чище,
Торговать душою не спеши,
Дам тебе проклятый табачище,
И не надо мне твоей души.

Ты ушел, все сжег, лишь прах оставил,
Но во прахе пламенеет жар.
Боль и стыд в моих глазах оставил,
Ты, пропавший на пути в Кашгар.

Никому я не открою тайны,
Как жила я, так и буду жить,
Но ведь сердце не казан, не чайник,
Чтоб его на углях кипятить.

Плачу я тайком, молюсь я богу,
Чтобы вновь послал мне счастье в дар,
Я гляжу на пыльную дорогу,
На дорогу, что ведет в Кашгар.

КАК МНОГО ЯБЛОК

Как много яблок и как много яблонь
В далеком городе Алма-Ата.
Не рвать мне яблок, не видать мне яблонь,
Я обездоленный, я — сирота.

Глаза любимые горят, как уголь.
Они давно меня сожгли дотла,
Глупец, я думал, ты мне будешь другом.
Ты, может, и хотела — не могла.

Доколе мне скитаться одиноко,
Шататься одному в пыли дорог?
Со мною был бы хоть ученый сокол,
И то не так я был бы одинок.

Ах, эти горы, горы так высоки,
Они скитальцу закрывают путь.
Об одиноком плачет одинокий,
Заплачет ли по мне хоть кто-нибудь?

Зачем на птицу надевать оковы?
На серну цепи надевать зачем?
И если ты — любимая другого,
Тебя любить, тебя искать зачем?

ДУДОЧКИ

Камышины на песке растут,
Камышины ждут, чтоб их срубили.
И невесты в кипляке растут,
Ждут, чтоб их джигиты полюбили.

Камышины ждут, что срубят их,
Сделают из них свирели-дудочки,

Ждут девчонки, что полюбят их,
Ничего не понимают, дурочки.

Дуют в дудочку — она дудит;
Дудочка, бедняжка, надрывается.
Полюбил красавицу джигит,
Что ж она слезами обливается?

Так оно идет из года в год,
Трудно на чужой беде учиться,
Плачут девушки, камыш растет,
В дудочки мечтает превратиться.

В ВАШЕМ ГОРОДЕ

Странные обычаи в вашем городе,
Он не как другие города,
У людей, живущих в вашем городе,
Слезы на глазах блестят всегда.

Год я жил напрасно в вашем городе,
Может, зря опять туда иду.
Есть цветок прекрасный в вашем городе,
Он растет не знаю в чьем саду.

Вновь сбиваюсь с ног я в вашем городе,
Вновь спрашиваю горожан,
Все ищу цветок я в вашем городе,
Чтоб носить его как талисман.

Я не стану жечь тебя укорами,
Но себя ты от меня не прячь,
Может, счастье мне и в вашем городе
Улыбнется после неудач.

* * *

Коль рубить, так тополь, а не иву.
Очень тень от ивы хороша.
Коль любить, так девушек красивых,
А не вдов: у них темна душа.

Тополь не сажал и не рубил я.
Почему ж рука моя болит?
Никаких красавиц не любил я,
Почему ж душа моя горит?

В летний день летят по небу птицы,
Песни сладкозвучные поют,
Шепчутся соседские девицы,
По ночам уснуть мне не дают.

НЕТ ЛУЧШЕ ГОРОДА, ЧЕМ ФЕРГАНА

Нет лучше города, чем Фергана,
Хоть там и не бывала я, а хочется,
Нет влаги слаще горького вина,
Его хоть не пивала я, а хочется.

Тебя не увидеть мне, Фергана,
Так говорю, хоть я и не пророчица,
И не пивать мне горького вина,
Не суждено нам делать то, что хочется!

* * *

Брови милой густо почернила
Черная-пречерная усма,
Ты меня к себе приворожила
Тонким станом, тонким, как тесьма.

Мне бы поплясать бы, поплясать бы,
Отдохнуть и поплясать опять.
Мне на нашей свадьбе погулять бы,
Жаль, что нашей свадьбе не бывать.

Не черни своих бровей усмою,
Не противься ты своей судьбе,
Не шепчись весь день с муллою Хаджою,
Я и так приворожен к тебе.

Мне бы поплясать бы, поплясать бы,
Отдохнуть и поплясать опять.
Мне на нашей свадьбе погулять бы,
Жаль, что нашей свадьбе не бывать.

Меж бровей, окрашенных усмою,
Стать бы черной родинкою мне,
Мне с тобой не быть — тебе со мною.
Нам не угодить твоей родне.

Мне бы поплясать бы, поплясать бы,
Отдохнуть и поплясать опять.
Мне на нашей свадьбе погулять бы,
Жаль, что нашей свадьбе не бывать.

* * *

— На базар не сходить ли, дочка?
Не купить ли тебе платочка?

— Не старайся, отец, не надо.
Я платочку не буду рада.

— Побегу покупать я, дочка,
Шелк и бархат на платье, дочка.

— Не старайся, отец, не падо.
Я в платьям не буду рада.

— Объясни мне на милость, дочка.
Что с тобою случилось, дочка?

— Я любила, а ты не видел.
Я просила, а ты не выдал.

Коль должна без любви пропадать я,
Для чего мне платки и платья?

* * *

Если кормишь, дай коню пшеницы,
Если пойшь — ключевой водицы.
Если дочку отдаешь из дому,
Отдавай джигиту молодому.

Правда ль, что на мне лежит проклятье
И должна в отрепьях увядать я?
Правда ль, что на мне решил жениться
Человек, что мне в отцы годится?

Всех платков платок мой шелковистей.
Мне на лоб с платка спадают кисти.
Мне тринадцать лет, а предо мною
Встанет муж с седою бородою.

Звонкие браслеты и запястья...
У меня, несчастной, нету счастья.
Было б у меня, несчастной, счастье
В пронасть не мечтала бы упасть я.

В ТОПОЛЬ СИНИЙ МОЛНИЯ ПОПАЛА

В тополь синий молния попала,
В сердцевине молния застряла.
Ствол подрубят — тополь упадет
Молния из тополя уйдет.

Мне любовь попала прямо в сердце,
У меня застряла в самом сердце.
Небо, пощади, убей меня.
От любви спаси скорей меня.

* * *

Не покупайте риса темноватого,
Ведь в нем крупинки черные и сор,
Не выходите замуж за женатого,
Ведь у него детишек полон двор.

Крестом не вышивайте тюбетеечки,
Не то подкараулит вас беда.
Цветами украшайте тюбетеечки,
И мпльй не уедет никуда.

Теперь искать не стоит виноватого,
Я виновата лишь одна во всем,
Сама купила риса темноватого
И тюбетейку вышила крестом.

АМИНАХОН

Утопилась в речке Амина
Вместе со своими близнецами,
Не всплывет она теперь со дна
Вместе со своими близнецами.

Перед тем как бросилась она,
Мать за ней ходила боязливо,
Мать не пожалела Амина,
Прямо в воду прыгнула с обрыва.

Люди много сделали ей зла,
Но Аминахон им все простила,
В реку бросилась и не всплыла,
Только туфли к берегу прибило.

Может, правоверный наш народ
Добрым словом их помянет души.
Может, Амина в воде найдет
Тот покой, что не нашла на суше.

Как она лежала в тишине
Некогда с дружкой своим проклятым,
Так она лежит теперь на дне
Рядом с серым камнем воздреватым.

Утопилась в речке Амина,
Волны серые сошлись над нею.
Не всплывет Аминахон со дна.
Смерть страшна, а жизнь еще страшнее.

Ах, яли-яли, ялла-ялла.
Дно реки теперь — ее могила,
Люди много сделали ей зла,
Но Аминахон им все простила.

АХ. ЧЕРНАЯ КОСА

Там, на горе, арча, она стара, как мвр.
А ветви той арчи скупает ювелир.
Скупает он арчу, чья высока цена.
Я милую ищю — не знаю, где она.

Ах, черная коса, ах, белая рука!
Ты, о моя краса, близка иль далека?

Искал я много дней, шагал в пыли дорог.
Искал среди степей, да отыскать не мог.
В пустынях, где пески, в долинах, где сады,
Поникший от тоски, искал твои следы.
Ах, черная коса, ах, белая рука!
Ты, о моя краса, близка иль далека?

Но вдруг на той горе, где выросла арча,
Увиделась мне ты, прямая, как свеча.
Так встретиться с тобой нам было суждено.
Во сне иль наяву — не все ли мне равно.
Ах, черная коса, ах, белая рука!
Ты, о моя краса, близка иль далека?

* * *

Не задувай, мой милый, свечку.
Задуешь — будет темень сплошь,
Украдкой не сжимай мне ручку,
Не то мне сердце ты сожжешь.

Ты погасил рукою свечку —
И надо мной стустилась мгла.
Украдкой мне погладил ручку,
И сердце сжег мое дотла.

* * *

Вышла я на дорогу,
Все окутала мгла,
Хоть жила я немного —
Жизнь почти что прошла,
Никогда ты не видел,

Как я слезы лила,
Раз меня ты увидел,
Сжег мне сердце дотла.

Ест траву олененок
На вершине горы,
Он и гибок, и тонок
До поры, до поры.
Возле серого камня
Расцветает тюльпан,
То, что ты обещал мне,—
Все обман, все обман.

Рыбку в речке бурливой
Догоняет змея,
Ах, была я красивой,
Ах, состарилась я.
По земле по горячей
Протекает арык,
Я зову тебя, плачу —
Ты молчишь, ты привык.

Я НЕ НАДЕНУ АТЛАСНОЕ ПЛАТЬЕ

Я не надену атласного платья,
Мама моя.
Лучшее платье боюсь разорвать я,
Мама моя.

Я за жепатого замуж не выйду,
Мама моя.
Может и мне причинить он обиду,
Мама моя.

Персик к земле наклонился, бедняжка,
Мама моя.

Много плодов, и от них ему тяжко,
Мама моя.

Вот и мой милый склонился невесел,
Мама моя.
Много он милых на шею повесил,
Мама моя.

За старика меня, мама, не сватай,
Мама моя.
Моль у него на груди волосатой,
Мама моя.

ДРУГИЕ СЛОВА

Золотник железа бросишь в воду —
Не удержит тяжести вода.
Никакому золоту в угоду
Сердце не полюбит никогда,
Сердце не полюбит никогда.

Выпал снег на склоны гор крутые,
На деревья и на глину крыш.
Чтоб увлечь, нужны слова другие,
А не те, что ты мне говоришь,
А не те, что ты мне говоришь.

ПОТРАСЯТЕ ЯБЛОНЮ

Проходишь ты, спешишь
Неведомо куда,
Ты в сторону глядишь,
А не глядишь сюда.

Ах, потрясите яблоню,
Садовники умелые,

Зеленые останутся,
Осыпятся лишь зрелые.

Проходишь ты, бела,
Мне не махнешь рукой,
Как будто не была
Ты сроду сиротой.

Ах, потрясите яблоню,
Садовники умелые,
Зеленые останутся,
Осыпятся лишь зрелые.

Проходишь ты, горда,
Не двинешь головой,
Как будто никогда
Тебе не быть вдовой.

Ах, потрясите яблоню,
Садовники умелые,
Зеленые останутся,
Осыпятся лишь зрелые.

* * *

Пролетают по небу вороны,
В город Маргилап они летят,
Против нас и люди, и законы,
Плачем мы который год подряд.

Между нами горы и границы,
Их преодолеть мы не вольны.
Как птенцы одной несчастной птицы,
В разных клетках мы заключены.

Безуспешны наши все усилия,
Птицам певчим, нелегко нам петь,

От неволи ослабели крылья,
В небо нам уже и не взлететь.

Вряд ли о судьбе плывущих в море
Кто-то знает лучше их самих,
Вряд ли о великом нашем горе
Кто-то знает лучше нас двоих.

Сам я расскажу о нашем горе,
Сам отвечу на любой вопрос,
Рыбы плавают в огромном море,
В море из горячих наших слез,

Раньше мы с тобой цветами были,
Да на разных ветках мы цвели,
Мы с тобою соловьями были,
В разных клетках жизнь мы провели.

НАМАНГАНЕЦ

Город Наманган тенист и тих,
Улицы пустыньны в Намангане,
Невелик росточком мой жених,
Он — моя беда и наказание.

Город Наманган тенист и тих,
В Наманган, невесты, не ходите,
Невелик росточком мой жених,
Лучше наманганцев не любите.

Ну, а если все ж настанет час —
Наманганца вам любить придется, —
То, пожалуй, жеп счастливей вас
На земле огромной не найдется.

У меня атласных платьев нет,
Небогатой девушкой была я,

Проклинала я весь белый свет,
В Намангане счастье обрела я.

К Намангану был мой путь тяжел,
Почему же от меня куда-то
Милый наманганец мой ушел,
За кушак заткнув полу халата?

НИКОМУ Я НЕ НУЖНА

Синий бархатный халат
Шила я семь дней подряд...
Мать пойти бы мне проведать —
Муж и свекор не велят.

Мамочка, со мной беда.
Я заплакана всегда.
Я тебя, родную, вспомню —
Не идет мне в рот еда.

Зол хозяйин, я — жена.
Я чужая, я одна.
Некому меня утешить,
Никому я не нужна.

Чтоб коня увидеть прыть,
Надо в степь его пустить.
Чтоб узнать печаль и горе,
Надо замужем пожить.

ЗДЕСЬ РАСТЕТ ШИПОВНИК

Здесь растет шиповник и усма.
Рву зачем — не знаю и сама...
Господи, прибавь хоть понемпогу
Мне терпенья, милому — ума.

Чем чадить свече и тлеть свече,
Лучше вовсе не гореть свече.
Чем любить и быть в любви неверным,
Лучше не любить нам вообще.

НЕ ГОРЮЮ

Почему ты сумрачный такой?
Все осталось: ивы над рекой
И Гуласалхон с косою тугой,
Блещущая неземной красой.

Не горюй, еще заблещет свет.
Не печалься, погляди вокруг.
Может быть, на свете правды нет,
Но друзья на свете есть, мой друг.

ВОЙ ДОДЭЙ

От густых его бровей
Темен день и ночь темней,
Ночь темней.
Лекарей скорей зови:
Умираю от любви,
Вой додэй!

Знают все: из тех парней
Мой, который всех стройней,
Всех стройней.
Средство есть от всяких бед —
От любви лекарства нет.
Вой додэй!

ПЕСНЯ О ПЕРЕЖИТОМ

Я в поле расту, нерасцветший цветок,
Хоть мне распустится пришел уже срок.
Но смят я тобою,
Неверною, злою,
Клонюсь я к земле, я совсем одинок.

Я красный цветок, что растет у реки.
Я боль претерпел от нечуткой руки.
Тобою забытый,
Травую обвитый,
Я вяну, теряю свои лепестки.

Я тонкий кувшин, я китайский хрусталь.
Тебе хрусталя дорогого не жаль.
Неласково тронешь
И наземь уронишь,
Я, наземь упав, уцелею едва ль.

Я сдавлен бедою и горькой тоской,
И нет мне покоя от жизни такой.
Бурлит мое горе,
Большое, как море.
И мне на роду не написан покой.

* * *

Гроздь черную, гроздь белую
С тяжелых лоз сорвали.
Сок виноградный сделали,
В одной бадье смешали.

Ах, милый, что мы делаем,
Оставь меня, не надо,
Ты черный, а я белая,
Как грозди винограда.

* * *

Из-под казана огонь убрали,
— Пусть, — сказали, — чай никто не пьет.
Мне любить любимого не дали.
— Пусть, — сказали, — горюшка хлебнет!

Кто я есть, чтобы меня срывали,
Словно яблоко или джиду?
Кто я, чтоб меня вы продавали
Тем, к кому добром я не пду?

Шла я, вдруг дорога задымилась,
И затмило пылью белый свет.
Сколько горя, сколько бед свалилось
На меня в мои пятнадцать лет!

Я была свечой, да отгорела,
От огня растаяла давно.
В доме богача я пожелтела,
Как солома, стала я давно.

Яблоня была когда-то белой,
Да теперь давно уж не бела.
Что ты, злобный мир, со мною сделал:
Я, не распутившись, отцвела.

* * *

За рекою, за большой рекою
Дед живет,
Он атлас и гладкий, в с каймою
Продает.
Деньги на обновку я копила
Целый год.
Гладкого атласа я купила,
Мне пойдет.

Видно, зря я денежки копила
Целый год.
Видно, зря обновку я купила —
Пропадет.
Видно, зря я милого любила —
Все обман,
Распрошася, ускакал мой милый
В Андижан.

ПУСТЬ СПРОСЯТ

Пусть комар, летящий в вышине,
Скажет про того, чью пил он кровь...
О моем страданье, обо мне
Спросят пусть тебя, моя любовь!

Сам я не отвечу на вопрос,
Как живу я, что я перенес.
Обо мне спросите рыб, живущих
В озере пролитых мною слез.

ЯЛЛАМА

Задел тюльпан на крыше,
У него печали нет.
Я покорнее и тише,
Мне всего пятнадцать лет.

Ах, ёрим, ах, яллама,
Виповата я сама.

Думала, что ты мужчина,
Будешь не любим, так мил,
Ты ж постлал матрац из глины,
Небом ты меня укрыл.

Ах, ёрим, ах, яллама,
Виновата я сама.

Ты на крыше крышу строи,
На полу постлал ты пол,
Ты меня второй женою
В свой богатый дом привел.

Ах, ёрим, ах, яллама,
Виновата я сама.

* * *

Брови, брови черные, как тьма,
Что чернит их: ночь или усма?
Кто из лекарей найдет лекарство
Для меня, сошедшего с ума?

Мне твои глаза пронзили грудь.
Убежать бы, да отрезан путь.
Только тот и мог в тебя влюбиться,
Кто собой не дорожит ничуть.

* * *

Арык в саду прорыла я весной,
Помыла руки, пожелтила хной,
От матери с отцом я отказалась,
Всему я предпочла тебя, родной.

Луна, что так светла и молода,
Пусть с неба не уходит никуда.
Пусть в ночь, когда ко мне придешь ты,

МИЛЫЙ,

Рассвет не наступает никогда.

* * *

С черной бородой, в халате черном,
Сев на черного, как смоль, копя,
Кто приехал к нам и так упорно
Черным взглядом смотрит на меня?

За рекой кричит сова почная,
Увидав змею в своем гнезде,
Что мне делать, я сама не знаю!
Крикнуть? Кто поможет мне в беде?

БУРЛИТ ВОДА

Бурлит вода, а ты на дальнем берегу.
Доплыть туда к тебе с конем я не могу.
Об остря камней мой конь копыта сбил.
Меня на много дней любовь лишила сил.

Стоит твой белый дом на берегу крутом,
Но только не на том, где я стою с конем.
Так что ж тебе идет: парча иль хапатлас?
Кто лучше: я иль тот, кого ты ждешь сейчас!

НЕ МУЧАЙ

Я камушек бросала ввысь,
Чтоб скрылся за высокой тучей.
Писала милому: «Вернись
Здоровый и живой, не мучай.
Не мучай, мой родной, не мучай!»

Косынку, что сейчас на мне,
Соткал твой брат из пряжи лучшей,
Я слышу голос в тишине:

«О милый мой, не пой, не мучай,
Не мучай, мой родной, не мучай!»

Желаю розе, чтоб была
Всегда цветущей и пахучей.
О мой орел, о сын орла,
Хоть взглядом удостой, не мучай.
Не мучай, мой родной, не мучай!

БЕЛАЯ ЗМЕЯ

Белая-пребелая змея, очень уж ты, белая, бела.
От меня, плохого, ты ушла, где же ты хорошего нашла?
Если любишь ты его, люби; не завлек тебя я, не зажгет.
Поперек дороги никогда я тебе не встану, видит бог,
В час недобрый на беду свою полюбил я белую змею.
Если любишь, я любовь твою все равно цепями не скую.
Родинка над алою губой, родинка под золотой серьгой.
Я тебя любил, я жил тобой, у тебя любимый был другой.
Может быть, я плох, а он хорош, на себя теперь я
не похож.
Ты пройдешь — меня бросает в дрожь, тянет в сторону,
где ты живешь.
Был веселым — стал я грустным вдруг, выпустил я
соловья из рук.
Выпустил я соловья из рук, чей теперь он гость и чей
он друг?

ПУСТЬ ОНИ ТОЖЕ ГОРЯТ

У меня есть запястье и камень на нем.
С милым нет у нас счастья, судьбу мы клянем.
Аксакалы, что с милым меня разлучили,
Пусть страдают, как мы, пусть пылают огнем.

Косу я распустила, да не заплела.
Я джигита любила — судьба развела.

Пусть сердца аксакалов, что нас разлучают,
Как сердца разлученных, сгорают дотла.

НЕ ВЫХОДИ, ГУЛЬДЖАН!

Я все пряла, пряла, со лба стирала пот.
От прялки отошла и встала у ворот.
Я на дорогу вдаль гляжу и горько плачу.
Дорога не пылит, мой милый не идет.

Рычаг скрипит-скришит, верблюд бредет-бредет.
Вода бежит-бежит, холодная, как лед.
Скажите, для кого я поднимаю воду?
Мой милый не идет, воды моей не пьет.

«Не выходи, Гульджан, — мне люди говорят, —
Тебя ведь украдут, не отдадут назад.
А если отдадут, побьют тебя камнями.
Не выходи, Гульджан, там за тобой следят!»

Дырявый на тебя, мой друг, халат надет.
На поясе твоём камней, жемчужин нет.
Рыдает мать моя, рыдает, ищет дочку,
А дочки нет и нет, и затерялся след.

БРОВИ ЧЕРНЫЕ

Брови, брови черные вразлет,
Я не крашу их, и так сойдет.
Без того хватает мне забот,
День мой длинен, словно длинный год.

То, что ем я, — не еда, а яд.
Я иду — кругом крошечный ад.
И похож на саван мой наряд.
Да меня могила не берет.

НА БАЗАР, ПОДРУГИ, НЕ ХОДИТЕ

На базар, подруги, не ходите,
А пойдете, тоже не беда,
Если спросят обо мне, скажите,
Что в слезах глаза мои всегда.

Это дерево других не хуже,
Забралась — не слезу, как на грех.
Изю всех бывших моих подружек
Оказалась я несчастней всех.

Телом тощая, лицом плохая.
Выхожу я, брови не черня,
Слезы на глазах не просыхают
Из подружек только у меня.

Если масла внутрь не наливаешь,
Так твоя и лампа не горит,
Если никого не вспоминаешь,
Так твоя душа и не болит.

* * *

Я сижу, играю на дутаре,
О тебе я думаю, любимый,
Я сижу, играю на дутаре,
Ты рассеяй тоску мою, любимый.

Для тебя играю на дутаре,
А подруги надо мной смеются,
Для тебя играю на дутаре,
Только струны слишком часто рвутся.

С
Хочется мне вышить тубетейку,
А носить на голове не хочется,

Хочется мне вышить тюбетейку,
Выйти замуж за тебя мне хочется.

Дверь моя украшена резьбою,
На двери алеет роза красная,
Дверь моя украшена резьбою,
А за дверью плачу я, несчастная.

ТВОЯ МАХАЛЛЯ И МОЯ МАХАЛЛЯ

Твоя махалля и моя махалля,
Меж ними есть ли дорога?
Сердце мое пронзила стрела,
Дай лекарство мне, ради бога!
 Ах, здесь махалля и там махалля,
 Сердце мое пронзила стрела.
Три голубя было, стало их пять,
И все они скрылись где-то,
Соседка пришла, чтобы сито занять,
Мне сита не жалко, да нету!
 Три голубя было, а стало пять,
 Нет сита и негде его занять.
Недавно еще я на крыльях летел
К тебе, о моя дорогая,
Я пел, я быть голосистым хотел,
Словно птенец попугая.
 Но ты, дорогая, меня не ругай,
 Орлу не запеть, как поет попугай.
Только и есть у меня из добра
Песни да сладкие речи.
Нет у ни золота, ни серебра,
Тебя одарить мне печем.
 Что же мне делать, коль нету добра,
 Коль нет ни золота, ни серебра.
Стареющий тигр лежит, не дает
Дороги льву молодому,

Проклял меня за тебя весь мой род,
Прогнали меня из дому.
Ах, старые тигры рычат и ревут,
Льву молодому житья не дают.
Крупными хлопьями падает снег,
Кишлак в снегу затерялся,
С тобой меня разлучили навек,
Навек я один остался.
С тобою нас разлучили навек,
Легли между нами горы и снег.

БРАСЛЕТ

— Эй, джигит на берегу реки,
Мы теперь с тобою далеки.
Ты не снял ли мой браслет с руки?
Возврати браслет — подарок это.

По горам помчишься ты звеня —
Стану я подковою коня.
Ты рабою сделаешь меня,
Возврати браслет — подарок это.

Буду я подковой скакуну,
Алой розой у тебя в плечу,
Я рабой к ногам твоим прильну.
Возврати браслет — подарок это.

— Все подковы есть у скакуна,
Есть и роза у меня одна.
И, рабу, раба мне не пужна.
И не брал я твоего браслета.

* * *

Не позвал отец мой птицы-сокола,
Ни о чем он не спросил меня.

Гордый сокол покружился около,
Красоты моей не оценя.

Но зато позвал отец мой ворона,
Воронье в наш сад слетелось вмиг.
Я кричу на все четыре стороны,
Ворон врет, и мой не слышен крик.

* * *

Мне быть бы голубем, что всех белей,
Летать бы мне со стаей голубей,
От стаи вдруг отбиться, покружиться
И устремиться к дорогой моей.

Но голубем не стать мне, хоть убей,
Мне не летать со стаей голубей,
Мне не кружиться, не соединиться
С голубкою возлюбленной моей.

АХ, МИЛЫЙ МОЙ, ЛЮБИМЫЙ МОЙ!

Не увлекай меня ты в сеть, любимый мой,
Мой милый, не толкай меня на путь дурной,
Мой милый, не играй моими волосами
И не сжимай моей руки своей рукой.
Ах, милый мой, любимый мой!

И так я при тебе сижу, едва дыша,
Возьми меня с собой в шалаш из камыша,
Возьми меня с собой и успокой мне душу,
В вечерний час моя волнуется душа,
Ах, милый мой, любимый мой!

Я думала что ты честней и лучше всех,
Так для чего ж и ты берешь на душу грех?

К красавицам другим не подходи, не надо,
То слезы для меня, что для кого-то смех.
Ах, милый мой, любимый мой!

Ах, волосы мои стекают, как вода,
На голову мою обрушилась беда,
Ах, если б и беда, словно вода, стекала б,
Но, к бедным, к нам беда приходит навсегда.
Ах, милый мой, любимый мой!

* * *

В твоём саду цветок увидел я,
В твоём саду я слышал соловья,
Сегодня ночью я во сне увидел,
Что ты пришла, любимая моя.

Есть озеро у дома твоего,
Не обойти, не переплыть его,
Тебе послал я весть и ждал ответа,
В ответ ты не сказала ничего.

Ты снова промолчала мне в ответ,
Так ты молчишь уже немало лет,
Есть для меня в тебе одна загадка,
И есть одна беда — отгадки нет.

* * *

Ах, бутоны, — в цветнике их море —
Распустились все мне на беду,
В сердце у меня бутоны горя
Распустились, как цветы в саду.

Я не плачу, все терплю я молча,
Только стала желтой, как шафран,

Сглазили меня, наслали порчу,
Хоть я и носила талисман.

Ветер из засушливого края
Засушил и сжег цветы мои,
Что поделать: я жена вторая,
Стали пеплом все мечты мои.

Милый, у тебя такие брови,
Что под ними жарким летом — тень,
У тебя глаза полны любовью,
Глянешь — и согреешь в зимний день.

Милый, дом высок твой и просторен,
Есть там место, чтоб плясать и петь,
Принеси дутар, забудем горе
Хоть на час пред тем, как умереть.

* * *

У ворот — овца. Глаза овечьи
Смотрят и грустят по-человечьи,
Опьянили глупую меня
Моего возлюбленного речи.

Через луг на речку путь короче,
Я пошла, теперь жалею очень,
Встретила тебя и речь твою
Слушала три дня, четыре ночи.

Как с луною схожи звезды эти,
На буран походит этот ветер,
Тюбетейка друга моего
Схожа с черным куполом мечети.

Воду в озере мутить не надо,
Летом возле озера — прохлада.

Ты нарочно накрутил чалму,
Чтобы мучила меня досада.

Быть бы мне голубкой белокрылой,
Не ходить бы по земле постылой,
Для твоей бесчувственной души
Быть бы мне единственной милой.

Я тому, что говоришь, не верю.
Что бровей ты не чернишь, не верю,
По тебе я плачу и грущу,
Что и ты по мне грустишь, не верю.

* * *

На базаре продают фисташки,
Продавцы снуют, корзины тяжки.
Где мой милый, где любимый здесь?
Люди, укажите мне, бедняжке.

На базаре горы винограда.
Люди покупают, если надо.
Объясните, где любимый мой.
Побыстрее его найди мне надо.

На земле все шатко, все туманно,
Я была любима и желанна.
Покажите, где любимый мой,
Плохо вижу я из-под чачвана.

* * *

Еслиходишь в яблоневый сад,
Разветянешьруку за айвою?
Разветна другую бросишь взгляд,
Еслимилаятвоя с тобою?

Зеркалом для твоего лица,
Для волос твоих расческой буду.
Скажешь — буду верен до конца,
Скажешь — прочь уйду, но не забуду.

Вот я в яблоневиый сад вошел,
Только яблочко сорвать боюсь я.
Влез на самый высоченный ствол
И тебя зову — не дозовусь я.

Как бы в чистом поле дождь ни лил,
Все ж насквозь он камня не промочит,
Милую не тронешь, коль не мил,
Хоть свои прожжешь слезами очи.

Перепрыгнул я через дувал,
Так немного путь домой короче,
Яблоко я для тебя сорвал,
Почему ж ты взять его не хочешь?

Косы у тебя, как ручейки,
На тебе сиреневое платье.
Если хочешь — голову секи,
Если нет — раскрой свои объятья.

* * *

Ветви дуба среди двора большого
Веют холодком, листвою шуршат,
Сверстник деда моего седого
Жепихом мне будет, говорят.

Вы мне заплели косички, девушки,
Вот и приглянулась старику.
Стану я женой седого дедушки,
Не узнавши счастья на веку.

Не задобрит он меня подвесками
И браслетом, где горит алмаз.
Я невестой буду и невесткою,
Потекут жемчужины из глаз.

На огне стоит кумган облупленный,
Все никак не закипит кумган,
За курганом мой грустит возлюбленный,
Путь туда лежит через курган.

Все узнает милый и расстроится,
Загрустит он, что увял цветок,
Пусть повяжет милый вместо пояса
Мой зеленый шелковый платок.

У меня есть пиала зеленая,
Пить я буду из нее бузу,
Я, со старым дедом обрученная,
Не забуду своего Мирзу.

СОЦИАЛЬНЫЕ, ТРУДОВЫЕ, БЫТОВЫЕ ПЕСНИ

Я УХОЖУ ИЗ ЖИЗНИ, ПОЛНОЙ ГОРЕЧИ

Прощай, моя семья, мои друзья.
Я уйду из жизни, полной горечи.
Жизнь ваша пусть не будет, как моя,
Я уйду из жизни, полной горечи.

Пот проливая, я на свете жил,
Я выбивался из последних сил.
Я слезы лил, я кровью дань платил,
Я уйду из жизни, полной горечи.

Был мой домишко жалок и убог,
Ко мне входило горе на порог,
Добра оставить сиротам не мог
Я, уходя из жизни, полной горечи.

Мне в жизни не сопутствовал успех,
Я был несчастней и беднее всех,
За что, какой такой великий грех
Свершил я в этой жизни, полной горечи?

Я был в смятенье, шла за мной беда,
Шло унижение, голод и нужда,
Любви и уваженья никогда
Не знал я в этой жизни, полной горечи.

Над головой моей свистела плеть,
Лишь об одном мечтал я — умереть,
Сбылась мечта, не долго мне терпеть:
Я уйду из жизни, полной горечи.

Я никогда не пел, о чем хотел,
Я никогда не ел, чего хотел.
Терпел, терпел весь век, но вот — предел,
Я уйду из жизни, полной горечи.

По каплям вытекает кровь из жил,
Хочу подняться — не хватает сил.
С бедой боролся я, но отступил.
Я уйду из жизни, полной горечи.

Плеть до кости прошла на этот раз,
Друзья мои, я покидаю вас,
Слагайте плачи, плачьте, пробил час,
Я уйду из жизни, полной горечи.

Хан выпил кровь мою и отнял честь,
Не мне жалеть о том, что в жизни есть,
Лишь боль и горе оставляю здесь
Я, уходя из жизни, полной горечи.

НИЗКИЙ ПОКЛОН

Тебе, элликбаши наш мрачный,
Кому подвластен люд кишлачный,
Тебе, Ахмад-бай,
Низкий поклон!

Тебе, и знахарке, и свахе,
Весь бедный люд держащей в страхе,
Диларам-апа,
Низкий поклон!

Тебе, что грешных поучает днем,
А ночью промышляет грабежом,
Махамадкул-ходжа,
Низкий поклон!

Тебе, чья беспредельна сила,
Чей рот — бездонная могила,
Уралван-мулла,
Низкий поклон!

Тебе, погрязнувшему в пьянстве,
Чей синий нос, как плуг крестьянский,
Тебе, Насыр-бай,
Низкий поклон!

Так кланяемся мы всем сущим,
И богачам, и власть имущим...
Низкий поклон!
Низкий поклон!

СТРАДАЕМ МЫ ОТ ГНЕТА

Этал править нами сам тиран Асфандиёр.
А стало хуже нам, чем было до сих пор.
Для матерей — печаль, для дочерей — позор.
Рыдаем мы, страдаем мы от гнета.

Попробуй в воду брось — жемчужина всплывет.
Мы, люди, мы на дне, мы терпим ханский гнет.
Обиду прячем мы — боимся: хан убьет.
Рыдаем мы, страдаем мы от гнета.

Я на подстилке сплю — она из камыша.
Я доченьку люблю — она моя душа.
На горе мне она уж больно хороша...
Рыдаем мы, страдаем мы от гнета.

Я доченьку ищу три ночи и три дня.
Туда иду пешком, туда гоню кося.
Я плачу, но никто не слушает меня.
Рыдаем мы, страдаем мы от гнета.

В случившейся беде есть и моя вина.
Я, дочь свою любя, порой не зная сна,
Молилась, чтоб была красавицей она...
Рыдаем мы, страдаем мы от гнета.

Я, доченька, хочу стоять на ветерке,
Стоять с тобой, дышать цветами в цветнике
И рученьку твою держать в своей руке...
Рыдаем мы, страдаем мы от гнета.

Мой розовый кувшин — на розовом песке.
Нам не стоять с тобой на легком ветерке.
Мне не держать твоей руки в своей руке.
Рыдаем мы, страдаем мы от гнета.

КАК МНОГО ВСЕГО НА СВЕТЕ

Как много воды на свете,
Но не у всех она есть,
Как много еды на свете,
А тебе хочется есть.

Как много воды на свете,
Как много еды на свете,
Как много нужды на свете,
Как много беды на свете!

КРОВАВЫЙ ТИРАН

Устал я клясть тебя, устал рыдать я,
Будь проклят, кровавый тиран!
Переживут тебя мои проклятья,
Будь проклят, кровавый тиран!

Пусть будет дом твой хуже наших хижин,
Пусть каждый глаз слезою будет выжжен,
Да будешь посрамлен ты и унижен,
Будь проклят, кровавый тиран!

Ходил я по путям родного края,
Под кровом чайной, караван-сарая,
Я плакал, я кричал не уставая:
«Будь проклят, кровавый тиран!»

Пусть ты моим пророчествам не внемлешь,
Но солнце озарит и нашу землю,
Падешь, тиран, и ты, и твой преемник,
Будь проклят, кровавый тиран!

ОТ ГНЕТА ПРОКЛЯТОГО БАЯ

Вол запряжен в арбу после долгого сна,
Хорошо ему: торба соломой полна.
А похлебка моя не жирна, не вкусна,
Я страдаю от гнета проклятого бая!

Ты, хозяин, мой враг, ты приносишь мне зло,
Стан мой согнут, от голода ноги свело.
Чтоб вместить мои горести — сердце мало.
Я страдаю от гнета проклятого бая!

Батрака своего ты уж лучше убей,
Чем давать ему хлеб из одних отрубей
Да лапшу из муки, что соломы грубей.
Я страдаю от гнета проклятого бая!

На тебя спину гну я вторую весну,
От зари до зари и пашу я, и жну.
Бог меня покарал за какую вину?
Я страдаю от гнета проклятого бая!

Кем я стал? Я слезою свой хлеб поливал.
Ты тянул мои жилы, меня убивал.
На твоей стороне — бог, закон, аксакал.
Я страдаю от гнета проклятого бая!

ВСЕ ЕСТЬ У МЕНЯ

Все есть у меня, ах, все есть у меня.
Руки и сила в руках есть у меня,
Глаза и огонь в глазах есть у меня,
И голова на плечах есть у меня!

Гнуть мне спину весь век суждено, друзья,
А где спину мне гнуть, все равно, друзья.
То я поле пашу, то навоз вывожу,
То мелю до рассвета зерно, друзья!

У меня есть немало всего, друзья.
Только нет у меня одного, друзья,
У меня счастья нет, у меня крова нет,
Дома нет, нет двора своего, друзья!

А еще у меня есть друзья, друзья,
Бедняки, батраки, как и я, друзья.
Сговорились друзья построить мне дом,
Будет дом — значит, будет семья, друзья!

На строительство дома идет, друзья,
Лишь солома, да глина, да пот, друзья,
Надо только уменье, надо только терпенье
Да немного забот и хлопот, друзья!

И однажды весной дали клич друзья,
Все пришли, кто бездомен и нищ, друзья,
Глину мы подносили и ногами месили,
Из самана лепили кирпич, друзья.

Вот и дом мой готов, что за дом, друзья,
Огород посажу я кругом, друзья,
Я женюсь, будет чай подавать мне жена,
Буду с другом гулять вечерком, друзья.

Не пришлось мне под крышею спать, друзья,
Бай для слуг этот дом вздумал взять, друзья.
Бай сказал, что, мол, в доме живу я один,
А людей у него двадцать пять, друзья.

Бедняку в богачах не бывать, друзья,
Вновь я пшц, я бездомен опять, друзья,
И жены мне не взять, и чаев не пивать,
С другом мне вечерком не гулять, друзья.

* * *

Счастье иногда и к бедняку
Ненароком может вдруг явиться,
Горя много знал я на веку,
Но — о счастье! — я решил жениться.

У меня супа, у бедняка,
Может быть, не очень велика,
Но я сватал ведь не дочь султана,
Брал я в жены дочку батрака.

Ой, и хороша моя жена:
Длинноноса и лицом нежна,
Вся она как бы сияет светом,
Словно ночью полная луна.

Я устроил пир для бедняков.
Резали овец, варили плов,
В жизни бедняков не очень много
Случаев для празднеств и пиров.

Пировал и родич, и сосед.
Разошлись на третий день чуть свет,
Но теперь я не покрою долга
Много месяцев и много лет.

Спину гнем, а долгу нет конца,
Пожелтели, спали мы с лица.
Сын родится, и ему придется
Спину гнуть за давний долг отца.

А придет несчастье на порог,
И родится дочь, так не дай бог,—
Чтобы взял богач ее в служанки
Или байский увидал сынок.

Но к бездетным беднякам пока
Зачастил почтенный бай-ака,
Молодой жене моей прохода
Вовсе нет от байского сынка.

Что ж теперь мне делать, ой, беда!
Взять жену, уехать? Но куда?
Я ведь долга старого не отдал
И отдам неведомо когда!

КТО ПОЖАЛЕЕТ БЕДНЯКА?

Коль в путь бедняку, на пути бедняка —
Река широка и гора высока.
Когда овладеет тобою тоска,
Бедняк пожалеет тебя, бедняка.
А мне как же быть: и тоска велика,
И пету вблизи бедняка-земляка.

НЕ ОТТОГО ЛИ?

Черных косточек больших
В детстве я не грызла вволю,
Сладкозвучность уст моих,
Сладость слов не оттого ли?

Сроду не рвала усмы
Ни в саду я, ни на поле.
Брови у меня прямы
И черны не оттого ли?

* * *

Истрепался шелковый платочек,
У отца нас было восемь дочек,
Полетела каждая из нас,
Словно с ветки сорванный листочек.

Жили — пели, горя мы не знали,
Радости своей не замечали.
Не скрывали счастья, а теперь
Мы не можем скрыть своей печали.

КИНЖАЛ И РУЖЬЕ

Кинжал старинный говорит тебе:
«Ты наостри меня, протри оправу,
Ты должен испытать меня в борьбе,
Я принесу тебе почет и славу».

«Возьми меня за тридевять земель, —
Твердит тебе ружье, — я другом буду,
Ты в своего врага меня нацель,
Тебе я честь и золото добуду!»

Поет певец: «Не торопись, джигит,
Не очень обольщайся сладкой речью!»
Но в час, когда оружие говорит,
Молчит порою разум человеческий.

И прав певец, джигиту говоря:
«Темны пути, когда они кровавы,
И кровь людская, пролитая зря,
Ни счастья не приносит нам, ни славы».

* * *

Всадники по полю пролетели,
Всадники оружием прозвенели,
Торопясь к воротам крепостным,
Даже друг на друга не глядели.

Мы живем средь поля, возле речки,
В глиняной лачуге бедняков.
В нашем тесном хлеве — три овечки,
В нашем тесном доме — восемь ртов.

Бедным людям, надо нам немного.
Мы живем и скудно и убого,
Мы помочь не просим никого,
А уж если просим — просим бога.

Сорок тонких у меня косячек,
Щеки у меня — гранатов цвет.
У меня пять братьев и сестричек,
Я — всех старше: мне пятнадцать лет.

Утром в поле, в сумерки обратно
В репость скачут десять верховых,
Десять воинов лихих и статных,
Но один красивей остальных.

Всадники по полю пролетают,
Всадники оружием бряцают,
Каждый раз я им гляжу во след,
Но они меня не замечают.

Я однажды пробралась случайно
В ханский сад за крепостной стеной,
Увидала, как делили тайно
Воины добычу в час ночной.

Увидала я, как темной ночью
Перед алым пляшущим огнем,
Ссорясь, воины делили то, что
У несчастных отобрали днем.

Милый мой сидел, он был спокоен,
Пил вино и наслаждался властью,
Что ему, он тоже — ханский воин,
Значит, тоже может пить и красть,

Я не знала, видя их веселье,
Что мне делать, если милый мой
Грабит бедных и добычу делит
В том саду за крепостной стеной?

ЕСЛИ ТАК

Убежим из дому, если так.
К шаху молодому, если так.
С жалобой придем мы, если так,
В ноги упадем мы, если так.

Нас с тобой — я знаю наперед, —
Бедняков властитель не поймет.
Лучше в край пустынный от невзгод
Убежим вдвоем мы, если так.

БАЙСКАЯ ДОЧЬ

Нынче рано утром через сито
Я муку просеяла в корыто,
Старый бай уехал на базар,
Звать я стала юного джигита.

В поле на песке от кочки к кочке
Заячьи следы бегут, как точки,
Милый не пошел ко мне джигит,
Он пошел украдкой к байской дочке.

А у этой байской дочки груди —
Два горба на молодом верблюде.
Где б ни шла она, глядят ей вслед
И юнцы и пожилые люди.

Ой, у байской дочки щеки гладки,
Ой, у байской дочки губы сладки,
Много у отца ее скота,
Много у нее добра в укладке.

Все, что надо, есть у байской дочки:
Платья, и сорочки, и платочки.
Не ко мне пошел любимый мой,
К ней он побежал без проволочки.

МОЯ ДОМБРА

Мы ходили по земле немало.
Пусть мы с тобой не нажили добра,
В сердцах друзей огонь ты зажигала,
Сердца врагов огнем своим пронзала,
Моя домбра.

Тебя не уставали люди слушать,
Как соловей, ты пела до утра,
Достойным людям ты ласкала уши,
Ты проникала им в сердца и души,
Моя домбра!

Не все напевы сохранила память,
Но помнят все, как ты была добра,
Как слабых делала богатырями,
Как ты порой вражды гасила пламя,
Моя домбра.

НАМАЗ

Он черного, как почь, коня седлал,
Он по степи Каршинской вдаль скакал,
По той степи, что не измерить глазом.
Эмир дрожал, и падишах дрожал,
Узнав о приближении Намаза.

В час полуночный и в полдневный час
Вел за собой джигитов в бой Намаз.
Все замечал его орлиный глаз,
И созывал совет свой десять раз
Царь Николай, чтоб победить Намаза.

По гулким городам, в глухих степях
Его орлы летели на копях,
И даже весть о них внушала страх
Правителям в трех разных областях.
Нет в мире льва, отважнее Намаза!

На смертный бой шел не один Намаз.
С ним вместе шли Жуман и Шернияз,
С ним вместе шли Давур, Кавул, Оваз,
От сотворенья не было у нас
Таких батыров, как друзья Намаза.

Шли в смертный бой герои-силачи,
Степ крепостных крошились кирпичи,
Правители, визиры, палачи
Тряслись от страха, плакали в ночи,
Почуяв приближение Намаза.

Друзья в степи раскидывали стап,
И перед ними пал Каттакурган,
И править нами стал Намаз-султан,
И не было для бедняков-дегкап
Султана справедливее Намаза.

ПЕСНЯ БАТРАКА

Кем я проклят, что живу, страдая,
Мне — беда, я подневольный бая.
Есть три дня работа у меня,
А свободен я четыре дня.
Я четыре дня живу свободным,
Но четыре дня хожу голодным!

Я три дня на поле жну пшеницу,
А четыре — волен я, как птица,
Только что с того, что я свободный,
Если я хожу весь день голодный.

А в рабочий день за целый день
Я ни разу не прилягу в тепь.
Ибо целый день с меня проклятый
Глаз не сводит байский соглядатай.
Он стоит, кричит он день-деньской.
Чуть помедлишь, он грозит рукой.

Ем я хлеб не зря: урок мне задап,
Сто мешков нажать я должен за день.
Сто мешков, и меньше ни мешка —
Вот дневная норма батрака.

ПРЯЛКА

Прялка кружится, жужжит,
Ой, гуль баг.
Стены, балка — все дрожит,
Ой, гуль баг.
Нить тонка и непрочна,
Ой, гуль баг.
Злится старшая жена,
Ой, гуль баг.
Нить опять оборвалась,
Ой, гуль баг.
Ой, беда бы не струсась,
Ой, гуль баг.
Зачадил сырой кизяк,
Ой, гуль баг.
В нашем доме дым и мрак,
Ой, гуль баг.
Рвется нить, тонка она,
Ой, гуль баг.
Злится старшая жена,
Ой, гуль баг.
Не желаю я другим,
Ой, гуль баг,
Горя, сходного с моим,
Ой, гуль баг,
Ой, гуль баг.

ПЕСНЯ ТКАЧА

Богатые люди товар мой хулят.
А тот, чья одежда пестра от заплат,
Дешевой материи до смерти рад.
Прочна, хороша и красива она.

Пусть посят шелка богатей и купец.
Зачем мне твой ситец, торговец-хитрец?

Что ситец? Две стирки — и ситцу конец.
А наша матá хороша и прочна.

Ловки мои руки, на дело я скор,
На крепкой мате разноцветный узор.
Купец, промышленяющий шелком, хитер.
Товар мой — как шелк, да иная цена.

Морозно порой в мастерской у меня.
Все тело дрожит день-дёнської у меня.
И слезы струятся рекой у меня.
Слезами матá моя орошена.

Челнок мой качается взад и вперед
С утра и до ночи весь день напролёт.
Вложил в свой товар я и жилы, и пот...
За локоть — теньга, высока ли цена?

Качается шпулька туда и сюда,
Суровая пряжа течет, как вода,
А тонкая нить оборвется — беда...
Кто жлет, что работа моя не трудна!

АРБАКЕШ

Еду я и летом, и весной,
Пыль клубится за моей спишой.
Утром на меня роса ложится,
В полдень жжет меня горячий зной.

Целый день арба скрипит, скрипит,
Целый день мой конь храпит, храпит.
От вожжей все время ноют руки,
От кулей спина болит, болит.

Еду я — дороге нет конца,
Еду я — стираю пот с лица,

Я везу то для муллы барашков,
То мешки с пшеницей для купца.

Я везу — спаси меня аллах —
То добро в добротных сундуках,
То невесту со своей подружкой,
То вдову с ребенком на руках,

У меня полно своей беды,
Я весь век страдаю от нужды,
Накормить конягу — нету сена,
Напоить конягу — нет воды.

Арбакеш я, и моя судьба —
Груз возить в чужие погреба.
Я везу чужую боль и радость,
А мои — лишь лошадь да арба.

Мой — лишь пот, стекающий с лица,
И дорога эта без конца,
И в селенье маленькие дети,
Ждущие пропавшего отца.

Там, в селенье, ждет меня жена,
Жизнь идет, она одна-одна.
Горе быть женою арбакеша,
В этом горе не его вина.

Ночью слишком поздно я ложусь,
Утром рано за хомут берусь,
Целый день о чем-то все пекусь я,
Все я мчусь, все не успеть боюсь.

От арбы проклятой не уйдешь,
От судьбы проклятой не уйдешь.

А судьба проста у арбакеша:
Целый день поездишь — раз пожрешь.

Но! мой конь худой, иди, иди!
Ты, арба, меня не подведи!
Еду я, и нет конца дороге,
Нет конца тревоге впереди!

Так всю жизнь я еду и пою,
Арбакешу отдых — лишь в раю,
Люди, не идите в арбакеши,
Не губите молодость свою!

СБОР УРОЖАЯ

Миновало лето — зной и сушь,
Осень, ты пришла и в нашу глушь.
Гнутся яблони от груза яблок,
Гнутся груши от обилья груш.

Всюду спелые плоды висят,
Всюду созревает виноград,
Осенью сады благоухают,
И с бахчей исходит аромат.

Братья-батраки, быстрее — в сады
Собирать созревшие плоды,
Осенью нам кажется, как будто
В мире нет ни горя, ни беды!

Красные и твердые — сюда!
Мягкие и желтые — сюда,
Насыпайте яблоки в корзины,
А корзины полные — сюда.

Всюду грозди спелые висят —
Черный и зеленый виноград.

Но срывайте грозди осторожней
И с понятием, а не все подряд.

Мы по полю желтому идем,
Мы носилки полные несем
Дынь, потрескивавших созревая,
И арбузов, пахнущих дождем.

Если мы устали, что ж с того,
Мы все лето ждали, — ничего,
Ничего добр хозяин наш недобрый,
Все, что здесь собрали мы, — его.

Для него, когда была весна,
Мы бросали в землю семена,
Для него копали, поливали
Мы, не зная отдыха и сна.

Золотая, щедрая пора,
Ничего, что пот мы льем с утра.
Ничего, что это все чужое,
Рады мы, что осень так щедра.

ПЕСНЯ ЖНЕЦА

Серп мой острый, мой алмаз,
Полосни-ка еще раз!
Серп мой острый, очень много
Дела впереди у нас.

Не ленись, дружок,
Потрудись, дружок,
Колосок высок,
Стебелек не лег.

Горький пот мой оплати,
Ты меня обогати.

Жаль, что беднякам к богатству
Все заказаны пути.

У меня богатства, друг,—
Пара огрубелых рук
Да чужое это поле,
Бесконечное вокруг.

Не ленись, дружок,
Потрудись, дружок.
Колосок высок,
Стебелек не лег.

ПЕСНЯ ПОГОНЩИКА

Эй, вперед, мой верный друг и брат,
Торопись и не гляди назад.
Стебли, на которые ступаешь,
Пусть твои копыта измельчат.

Эй, вперед, мой работяга, но!
Под ногами у тебя зерно.
Если мы работы не окончим,
Не уйдем отсюда все равно.

Хоть сижу я на твоей спине,
Ты не очень-то завидуй мне.
И на мне верхом все время ездят,
Мне, быть может, тяжело вдвойне!

Но, иди, мой милый, не чуди.
Не клони ты голову к груди.
У меня отяжелели веки,
Я чуть-чуть вздремну, а ты иди!

Эй, иди, и я бываю крут.
Эй, гляди, напросишься на кнут!
Что поделать, ни травы, ни хлеба
Нам с тобою даром не дают.

Скоро, милый, дам тебе еду.
Сено сладко, словно на меду.
А беда на нас с тобой нагрянет —
Мы за горы выбросим беду.

Эй, вперед, мой работяга, но!
Под ногами у тебя зерно.
Если мы работы не окончим,
Не уйдем отсюда все равно.

НАЗИДАНИЯ, ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

КАМЕНЬ НЕ БРОСАЙ

Камень не бросай — в реке глубоко.
Бросишь камень — не найдешь следа.
Замуж дочь не выдавай далеко,
Выдашь — не увидишь никогда.

Тот, кто дочку отдал в край далекий,
Пожелтеет, как песок реки.
Как течет вода в реке глубокой,
Будут слезы литься от тоски.

Я ДАМ ВАМ СОВЕТ

Дети, я дам вам совет, умирая:
Не покидайте родного края.
Пусть даже блага и радости рая,
Рая земного вас ждут впереди.

Солнце печет или злобствует вьюга,
Помни и в горе, и в радости друга.
Если увидишь, что ближнему туго,
Мимо в молчании не проходи.

Коль приглашают — не надо гордиться,
А не пускают — не пробуй пробиться.
Стой, не садись, коль старик не садится,
Ты за своим поведением следи!

Болев сосед твой, а все на летовье,
Нет никого у него в изголовье.
С дружбой к соседу приди и с любовью,
С хлебом и ласковым словом приди.

Сделав хорошее дело, не надо
Ждать, что тебя увенчает награда.
Золота и благодарного взгляда,
Сделав хорошее дело, не жди.

В честном сражении страха не ведай.
Слабого не обижай, не преследуй,
В край свой родной возвращаясь с победой
Или с зияющей раной в груди.

ИСТИНЫ

Нам гора не кажется высокой,
Если на вершине белый снег,
Не взлетит под небо ловчий сокол,
Если не прикажет человек.

Стебель над землей не шелохнется,
Если не подует ветерок,
По углам загона жмутся овцы,
Если волк матерый недалеко.

Если сиротами станут дети —
Повидают горя на веку,
Всех несчастнее на белом свете
Пери, что досталась старику.

Скучно говорить двум зрелым людям,
Если у людей различен нрав,
Счастливым старый человек не будет,
Молодую пери в жены взял.

Родинка плоха на белой коже,
Даже родинка не всем к лицу.
Родинка на загорелой коже
Нравится любому молодцу.

Если остается хлеб на вечер,
То пастух не ропщет на судьбу,
Если красотою конь отмечен,
Лишь дурак его впряжет в арбу.

Оттого на свадьбе и на тое
Всласть ипруют байские сынки,
Что котлы с горячею едою
Им ко рту подносят батраки.

Кто врага боится, тот не воин,
Не свидетель тот, кто пьян и лжив.
Подданный не может быть спокоен,
Если хан его несправедлив.

Плохо жить погонщикам верблюдов,
Коль хромает хоть один верблюд.
Ссорятся владыки — дело худо:
Больше всех страдает бедный люд.

В царскую не надо верить милость,
Царь всегда готов казнить раба,
Если где-нибудь освободилась
Перекладина и два столба.

НАСТАВЛЕНИЯ

Человек, коль беден ты, так плач.
Обдерет тебя скупой богач,
Все у бедняка возьмет богатый,
Кроме бедности и неудач.

Чем двух жен иметь, будь лучше вдов,
Двоеженец жизнь проклять готов,
В доме целый день грызутся жены,
Просит муж шурпу — приносят плов.

Конь порой капризен, с ним беда,
Но приятна конная езда,
А с ослом — ни горя, ни мороки,
Но на нем ускачешь ты куда?

Счастлив тот, кто истину постиг,
Что бесцелен проходящий миг.
Ни к тебе, юнец, он не вернется,
Ни к тебе, все видевший старик!

Может быть, текущий ныне час,
В жизни самый радостный для нас,
Этот час назад не возвратится,
Что прошло, бывает только раз.

Только те из нас, что неумны,
Думают, что в мире все равны,
Средь людей есть храбрецы и трусы,
Средь коней одры и скакуны.

Нет, не все почтенны богачи,
Есть средь них скупцы и палачи,
Женщину из женщины выбирая,
Ангела от черта отличи.

ЧТО НУЖНО МОЛОДЦУ?

- Что нужно молодцу?
- Счастливая звезда.
- Что нужно молодцу?
- Друзья, когда беда.

Друзья, когда беда.
Друзья нужны всегда.

— Что нужно молодцу?
— Конь, чтоб в пути помог.
— Что нужно молодцу?
— Иль дочка, иль сынок.
Оружие в борьбе,
Оружие в борьбе,
И память по себе.

НЕ ВЕРЬ ЕМУ

Коль недостойный назовется другом, не верь ему.
Пусть он клянется: «Я к твоим услугам!» — не верь ему!
Пусть скажет: «За твоим пойду я плугом!» — не верь ему!
Чем с ним, иди один навстречу вьюгам, не верь ему.

Когда тебя он заключит в объятия, не верь ему.
Пусть говорит он: «Мы с тобою братья», — не верь ему!
Не пей его воды, не ешь лепешки в его дому.
Коль недостойный назовется другом, не верь ему.

Его дела и обещанья зыбки, а клятвы — ложь.
Не верь его словам, его улыбке, цена им — грош.
С неверным другом радости и славы не обретешь.
Коль недостойный назовется другом, не верь ему.

С улыбкой доброй он тебя встречает, чтоб хлеб твой есть
Твои грехи и слабости он знает, — они ведь есть,
Он со злорадством часа ожидает, готовя месть.
Коль недостойный назовется другом, не верь ему.

Колыбельные песни

* * *

Мой ручеек, что журчит и зимой,
Пусть я умру за тебя, мой родной,
Мой говорливый,
Сладкоречивый,
Львеночек мой, вороненочек мой.
 Спи, мой сынок, алла-ай, алла-ай,
 Спи, баю-бай, засыпай, алла-ай.
Пусть не увижу я светлого дня...
Свадьбы своей не справляй без меня.
Быть мне на тое
Рядом с тобою.
Чтобы успеть, исхлещу я коня.
 Спи, мой сынок, алла-ай, алла-ай,
 Спи, баю-бай, засыпай, алла-ай.
Пусть я умру за тебя, дорогой,
Брови твои изогнулись дугой.
Ты, мой орленок,
Лопочешь спросонок,
Мамины волосы ловишь рукой,
 Спи, мой сынок, алла-ай, алла-ай,
 Спи, баю-бай, засыпай, алла-ай.
Будет над нами и мрак, и луна.
Будет судьба то светла, то темна.
В солнце ль, во вьюгу ль
Нужны мы друг другу.
Нужен ты мне, и тебе я пужна.
 Спи, мой сынок, алла-ай, алла-ай,
 Спи, баю-бай, засыпай, алла-ай.
Пусть я умру за тебя, мой зрачок,
Бедной кибитки моей огонек.
Скрытые, зримые

Всюду враги мои.
Ты против них и ружье, и клинок.
 Спи, мой сынок, алла-ай, алла-ай.
 Спи, баю-бай, засыпай, алла-ай.
Нищ твой отец, а богаче купца.
Ты — изумруд, драгоценность отца.
Желтая пчелка,
Чья спинка из шелка.
Мне бы глядеть на тебя без конца.
 Спи, мой сынок, алла-ай, алла-ай,
 Спи, васыпай, баю-бай, алла-ай.
Пусть я умру за тебя, мой зрачок,
Ты — мой волчонок, мой дикий зверек.
Ты знаменитым
Станешь джигитом.
Станешь моею опорой, сынок.
 Спи, мой сынок, алла-ай, алла-ай,
 Спи, баю-бай, засыпай, алла-ай.

У ПТИЦЫ ЕСТЬ СЫНОК

У птицы есть сынок,
Зовут птенцом его.
На дереве высок
Некрепкий дом его.
Дождь слова злится, льет.
И слезы птица льет.
Алла, сынок, алла!

У лани есть сынок,
Его ланенком звать.
В ущелье дом высок,
Где сына прячет мать.
Охотник в лес идет,
Лань горько слезы льет.
Алла, сынок, алла!

Есть дети у лозы —
Зеленый виноград.
В недобрый час грозы
По гроздьям хлещет град.
Волнуется лоза,
Течет по ней слеза,
Алла, сынок, алла!

Я над тобой в ночи
Не птица ли, алла,
И — лань, я — ветвь арчи,
Спаленная дотла.
Я тонкая лоза.
Меня страшит гроза.
Алла, сынок, алла!

АЛЛА

Алла-ай, я песенку спою,
Успокою деточку свою.
Спи, сыночек, деточка моя.
Мой цветочек, веточка моя.

Алла-ай, мой ключик, мой родник,
Средь цветов пахучих — базилик.
Много на земле цветов — алла, —
Я из всех цветов тебя взяла.

Подходил ты с палочкой в руке,
Воду палочкой мутил в реке.
Алла-алла-ай, меня, малыш,
То ты огорчаешь, то смешаешь.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ ДЕВОЧКЕ

Спи, алла-алла, не плачь спросонок,
Я — садовница; в садах моих

Три нераспустившихся бутона,
Ты — слабей и меньше двух других.

Я устала: каждый божий день я
Просыпаюсь раньше петухов.
Пусть же будут все мои мученья,
Искупленьем всех твоих грехов.

Лучше добрый дождь, чем зной недобрый.
Полночь лучше пасмурного дня.
Даже недруг, если он не злобный,
Лучше, чем недобрая родня.

Спи, алла-алла, не плачь спросонок,
Пронесутся беды стороной,
Вырастет овечкою ягненок,
Станешь ты невестой и женой.

Спи, алла-алла, чего ж ты плачешь,
Скоро утро, засыпай скорей,
Пусть жених твой будет всех богаче,
Станет мужем, будет всех добрей.

Ведь недаром я всю жизнь страдаю
И в уплату всех твоих грехов
Позже соловьев я засыпаю,
Просыпаюсь раньше петухов.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ МАЛЬЧИКУ

Мне тебя, сынок, на радость дали,
Чтоб я избыла свои печали,
На дорогу счастья пожелали,
«Добрый путь вам», — люди мне сказали.
Спи, ягненок мой, алла-алла!
Соколенок мой, алла-алла!

Мы с тобой обделены судьбою,
Вместо крыши нам даны с тобою
Лишь луна да небо голубое,
Но со мною — ты, а я — с тобою.
Спи, ягненок мой, алла-алла!
Соколенок мой, алла-алла!

* * *

Я тебя нашла на ветке тополя.
Ты и сам, как веточка, алла!
Средь цветов тебя нашла я во поле.
Ты — цветок мой, дегочка — алла!

Нас с тобой не удостоил милости
Тот, кто был твоим отцом, — алла!
Пусть в нужде и бедности ты вырастешь,
Ты ль не станешь молодцом, алла!

Месяц в небе спрятался за тучами,
И теперь вокруг сплошная мгла.
Твой отец ушел, все, может, к лучшему.
Мы не станем клясть его, алла!

От него не ждали мы и малости,
Был отец твой очень зол, алла!
Он скорее сам достоин жалости,
Что от нас с тобой ушел, алла!

Что поделать, стоит ли печалиться,
Мы пойдем куда глаза глядят.
Будешь ты скитальцем, я — скиталицей.
Мы уйдем и не придем назад.

* * *

Засыпай, мой маленький, алла!
Засыпай, мой мягонький, алла!

Радость взгляда моего, алла!
Гордость сада моего, алла!

Я по дому поброжу с тобой,
Я на улицу пойду с тобой,
Ты запомнишь, умница моя,
Где твой дом, где улица твоя.

Засыпай ты, крошка, мой сынок,
Белая лепешка, мой сынок.
Коль тебя не покачать, алла!
Долго ты не будешь спать, алла!

Засыпай, мой маленький, алла!
Засыпай, мой мягонький, алла!
Засыпай, весь день я спину гну,
Если ты уснешь, и я усну!

Все, что надо, у сыночка есть,
Лестница, чтобы на крышу влезть.
Вздумаешь копать — земелька есть,
Спать захочешь — колыбелька есть!

Засыпай, мой маленький, алла!
Засыпай, мой мягонький, алла!
Радость взгляда моего, алла!
Гордость сада моего, алла!

Свадебные песни

ПЕСНЯ НЕВЕСТЫ

Вы, подружки милые, придите,
Чтобы нам последний раз всплакнуть.
Вы меня, подружки, проводите
В мой далекий, в мой тяжелый путь.

Приходите, чтобы нам проститься,
Чтобы нам поплакать от души.
Ты, моя подружка танцовщица,
Напоследок для меня спляши!

Мне, подружки, смоляные косы
Заплетите вы в прощальный час.
Ну а ты, что всех сладкоголосей,
Песенку мне спой в последний раз.

Платя девичьи в сундук запрячьте,
То достаньте, что возьму с собой,
Над моей судьбою вы поплачьте
И посмейтесь над моей судьбой.

Ты пляши, плясунья, веселее,
А певунья — ты грустнее пой.
Тот, кто всех любимей и милее,
Больше не увидится со мной.

Я в чужом селенье буду плакать.
Примет новая меня семья
Со свекровью злобной, как собака,
И невесткой хитрой, как змея.

Вы, подружки милые, придите,
Чтобы нам в последний раз всплакнуть.
Вы меня, подружки, проводите
В мой далекий, в мой тяжелый путь!

ПЕСНЯ ДРУЗЕЙ ЖЕНИХА

Самых ярких звезд на небе восемь,
Эх, ёр-ёр, их восемь.
Лишь одну звезду у вас мы просим,
Эх, ёр-ёр, мы просим!

Тесто многослойное слойтся,
Эх, ёр-ёр, слойтся,
Пусть невеста станет молодницей,
Станет молодницей.

Взять невесту силой в нашей власти,
Это в нашей власти,
Но пусть мать невесты даст согласие,
Эх, ёр-ёр, согласие.

Пусть отец по совести рассудит,
Эх, ёр-ёр, рассудит.
Пусть как порешит он, так и будет,
Эх, ёр-ёр, так будет.

Рассудил отец, и мать решила,
Эх, ёр-ёр, решила,
Что же ты, невеста, приуныла,
Что ж ты приуныла?

Дочь отца — невеста подневольна,
Дочка подневольна,
Что велят ей, тем она довольна,
Эх, ёр-ёр, довольна.

На руке твоей горит колечко,
Эх, ёр-ёр, колечко!
У тебя в груди болит сердечко,
Эх, ёр-ёр, сердечко.

По дороге вдаль кобылка скачет,
Вдаль кобылка скачет,
Нам невесту жаль, невеста плачет,
Эх, ёр-ёр, все плачет.

Эх, невеста, ты не плачь некстати,
Ты не плачь некстати,

Ты наденешь шелковое платье,
Шелковое платье.

Будут в доме новые кровати,
Новые кровати,
Будут одеяла все на вате,
Эх, ёр-ёр, на вате.

Будет каждая кровать с решеткой,
Эх, ёр-ёр, с решеткой,
Будет муж ласкать хозяйку плеткой,
Дорогою плеткой.

Ножницы на полке поржавели,
Ой, как поржавели,
Вы куда невесту нашу дели?
Ой, куда вы дели?

В чашке у сандала всходит тесто,
Всходит, всходит тесто,
Ты куда же спряталась, невеста?
Где же ты, невеста?

ВСТРЕЧА НЕВЕСТЫ

Коснулась дорожки ты пожкой своей,
Невеста, чей стан кипариса стройней,
Пусть песнь над тобою поет соловей.
Добро пожаловать!

Входит невеста, что станет женой.
Подходят ей волосы, мытые хной,
А молодому — платок поясной.
Добро пожаловать!

Что за невеста: умна и стройна.
В тебе ей место: она как луна,

Хоть в шелк, а не в тучи одета она.
Добро пожаловать!

ПОКЛОН НЕВЕСТЫ

Реке весной в половодье,
Луне весной в полнолуние,
Свекрови моей — поклон!

Желавшему нам добра,
Давшему нам серебра,
Отцу жениха — поклон.

Встречающему гостей,
Развлекающему гостей,
Брату жениха — поклон!

Кошке, поющей сладко,
С носиком, как лопатка,
Сестре жениха — поклон!

Пиявке из топкой реки,
Чьи брови, как фитильки,
Невестке жениха — поклон!

Соединившим дворы с дворами,
Объединившим котлы с котлами,
Вам, соседи, поклон!

ЕР-ЕР

Рано утром ветерок колеблет
Все цветы, ёр-ёр.
Роза алая на тонком стебле —
Это ты, ёр-ёр.
Роза, твой бутон благоухает

Круглый год, ёр-ёр.
Говоришь ты — с губ твоих стекает
Сладкий мед, ёр-ёр.
Изреки, о кравчий, слово к месту,
Дай вина, ёр-ёр.
Нынче будем пить мы за невесту
Допьяна, ёр-ёр.

Будут пусть враги и люди злые
Взбешены, ёр-ёр.
У невесты пряди смоляные,
Как вьюны, ёр-ёр.
У невесты нашей губы сладки,
Маков цвет, ёр-ёр!
У невесты нашей недостатков
Вовсе нет, ёр-ёр!
Все, о чем мечтали, пусть свершится,
Боль пройдет, ёр-ёр.
Пусть твой никогда не прекратится
Славный род, ёр-ёр!

* * *

Молодой по огородам
Убежал, как мышь, ёр-ёр.
За невесту он не додал
Сахар и кишмиш, ёр-ёр.

Мера кишмиша, дружище,
Стоит два гроша, ёр-ёр.
Осрамился ты, как пищий,
Из-за кишмиша, ёр-ёр.

Правда ли, что ты богатый?
Ну-ка отвечай, ёр-ёр.
Где палаты, где халаты,
Самовар и чай, ёр-ёр?

Шуба — платье дорогое,
Крюк под шубою, ёр-ёр.
Вот идет янга с тобою
Кривогубая, ёр-ёр.

Сколько сена? Две охапки!
Вот он, молодой, ёр-ёр.
Хромоногий, в рваной шапке,
С рыжей бородой, ёр-ёр!

СВАЛЕБНАЯ ПЕСЕНКА

Если дружно мы сейчас
Будем подпевать, ёр-ёр,
Может, гости будут в нас
Денежки бросагь, ёр-ёр.

Что решила ты надеть?
Все тебе к лицу, ёр-ёр.
Если свадьба, песни петь
Надо молодцу, ёр-ёр.

В поле, где трава стоит,
Алые цветы, ёр-ёр.
Пригласил тебя джигит,
А пойдешь ли ты, ёр-ёр?

В нашем озере чисты
Камешки видны, ёр-ёр.
Девушкам для красоты
Родинки дашы, ёр-ёр.

Все запели, видит бог,
Надо подтянуть, ёр-ёр.
Если твой попутчик плох,
Тяжелее путь, ёр-ёр.

Ходят лодки по реке,
По ее волне, ёр-ёр.
Есть ли в нашем кишлаке
Парень, равный мне, ёр-ёр?

У невесты неклоха
Шаль с кистями есть, ёр-ёр.
Может статься, жениха
Не найдешь ты здесь, ёр-ёр.

Если ты по сердцу здесь
Парня не найдешь, ёр-ёр,
Может, сделаешь мне честь
И меня возьмешь, ёр-ёр?

Танцевали мы вдвоем,
Не жалел я ног, ёр-ёр.
А домой пришел потом,
Слез сдержать не мог, ёр-ёр.

Взять бы мне да убежать,
Чтобы не страдать, ёр-ёр.
Мне ведь нечего терять,
Жалко только мать, ёр-ёр.

Плачи

ПЛАЧ МАТЕРИ

Ноги белые подкосились
От того, что чинар мой срубили,
Крылья сильные подломились,
Моего соколенка убили.

Я вчера надевала богатое
Из атласа белое платье,

Нынче черное и проклятое
Нитяное надела я платье.

Лишь вчера еще шла я гордая,
Шла счастливая, улыбаясь,
А сегодня иду я черная,
И слезами я обливаюсь.

Кто был сверстник тебе когда-то,
Станет старше тебя и выше,
И друзья твои — соколята
Не слетятся под нашу крышу.

Жгутся слезы мои безответные,
Как тебя ни зову, ты не вмешаешь,
О мечта моя, самая светлая,
Ты упала с небес на землю!

ПЛАЧ ЖЕНЫ

Ты седлал скакуна гнедого,
Ты меня понимал с полслова,
Ты халат покупал
Все глядели,
Сапоги надевал —
Блестели.
Ты берег меня ото зла.
При тебе я ханшей была.
Я одежду трепала
Царскую,
Я парчу покупала
Бухарскую.
Я платки надевала
Лишь расшитые.
Гребешки покупала
Самшитовые.

Что же ты оставил меня
Жить, не видя светлого дня?
Или не было ячменя
Для коня — твоего коня?
Иль была недобра родня?
Или ты разлюбил меня?
Что ж оставил ты нас одних —
И меня, и сирот своих?

ПЛАЧ ПО УМЕРШЕМУ БРАТУ

Брат родной мой, орел степной,
Что ты сделал, мой брат, со мной?
Сокол ясный, мой брат родной,
Солнце красное над страной.

Ты, о горе души моей,
Если птица, то соловей.
Если ты верблюд, то вожак,
Если лошадь, то аргамак.

Не тебе — мне бы мертвой стать,
За тебя бы мне жертвой стать.
Но лежишь ты, а я стою,
Я живу на беду свою,
Хоть тоска иссушила меня
И покинула сила меня.

Был ты птицей, что всех сильней,
Был ты лучшим среди коней.
Первым ты среди равных был,
Самым славным из славных был,
Был ты соколом в небе родном,
Для меня, овцы, чабаном.

Для больных ты Лукманом был.
Для святых ты кораном был.
Средь джигитов султаном был,
Ой, мой сокол, орел, мой брат!
Ты далеко ушел, мой брат.

Был ты львенком, но был велик,
Хоть и тонким был, как тростник.
Гордый был, как у волка, взгляд.
Ты из шелка носил халат.

Друг — с друзьями, с врагами — враг,
Среди равных ты был вожак.
Ты щедрее Хатама был
И храбрее Рустама был.

Свадеб, тоев ты был главой.
Было все пред тобою травой.
Драгоценный мой клад, вай!
Несравненный мой брат, вай!

Непрестанно я слезы лью,
Кто утешит сестру твою?
Где я брата теперь найду,
Чтоб рассеял мою беду?

Вай, красивый мой брат, вай!
Говорливый мой брат, вай!
Брат с сестрой — мы с тобой одно.
Почему же мне жить суждено?
Ты хорош, а я не хороша.
Я лишь тело, а ты — душа.

На тропинках глухих садов
Я не вижу твоих следов.
Может, есть следы, но сама

Я от горя сошла с ума.
Вай, чернобровый мой брат,
Черноголовый мой брат!

Детям малым ты другом был.
Аксакалам ты другом был.
Брат мой, горе моей судьбы.
Царь наш — небо, а мы — рабы,
Несравненный мой брат, вай!
Драгоценный мой клад, вай!

ПЛАЧ СЕСТРЫ

Ты красивей был
Всех других,
Ты счастливей был,
Как жених.
До сих пор не в силах
Понять,
Как могла могила
Принять
Тебя, молодого
И стройного,
Тебя, такого
Достойного.
Там лежит, в могильной тиши,
Только тело твое без души.

Был с тобою
И в полночь — день.
Брат, ты строен
Был, что олень.
Ты могучим был,
Словно гора,
Много лучше был,
Чем сестра.

Не ложится мне,
Не сидится.
Сердце бьется мое,
Как птица.
Я — орлица,
Пропал мой орленок,
Кобылица,
Мой пал жеребенок.

ПЛАЧ НЕВЕСТКИ

Ты всегда был с нами добр и прост,
Почему ж с тобой стряслась беда?
В нашем небе было десять звезд,
Но померкла яркая звезда.
Ты ушел навеки в мир иной.
Ты ведь мудрым был, скажи на милость,
Почему несчастье не со мной,
Почему с тобой беда случилась.

Обскакали сорок кишлаков,
В кишлаках искали мы ответа,
Но молчали сорок кишлаков,
Старики не дали нам ответа.

Яблоком ты был, гранатом был,
Лучшим зятем, лучшим братом был.
Всех искусней ты седлал коня,
Ты держал в руке два кетменя.

Никогда ты вновь к нам не прискачешь,
Над детьми тихонько не поплачешь,
Не омоешь руки утром рано
Чистой водою из кумгана.
Чем твое оледенело сердце,
Лучше бы мое сгорело сердце.

ИГРОВЫЕ, ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Ссыпана пшеница на току,
Мельник смеет, превратит в муку,
Юноши приходят на гулянье,
Что туда соваться старику?

Из соломы на току — курган,
Из соломы сделают саман,
В бороде его зимуют блохи.
Что же к нам он лезет, старикан!

ЕСЛИ Б ЗНАТЬ МНЕ

Никогда б я здесь не побывала,
Ты меня насильно приволок,
От любви душа бы не сгорала,
Ты меня увидел и зажег.

Через реку я прошла когда-то,
А вода в реке была грязна,
Шапка на тебе была мохната,
Закрывала плешь твою она.

Если раньше знать бы, несчастливой,
Что в реке печистая вода,
Если б раньше знать, что ты плешивый,
Я бы не приехала сюда.

ОСТОРОЖНО

В дом любимой пробирался я,
Озирался в темноте тревожно.
Задремала милая моя,
Руку милой взял я осторожно.

В темноте блеснул любимой взгляд,
Милая сказала: «Рядом брат.
Он тебя убьет, ступай назад,
Ночью в дом являться разве можно?»

Я сказал: «Родная, не спеши.
Для спокойствия моей души
Губ твоих коснуться разреши.
Любящим отказывать — безбожно!»

Милая вздохнула: «Если бог
Так велит нам и рассвет далек,
Губы алые мои разок
Поцелуй, но только осторожно».

В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

В первый день я встретился с одной
Девушкой, что блещет красотой.
Но закрылась дверь, с мечтой пустой
Я ушел, стирая слезы с глаз.

А потом я встретил, как на грех,
Ту, которая мудрее всех.
Дверь закрылась, и раздался смех.
Я ушел, стирая слезы с глаз.

Встретился я с той, что всех людей
Покоряла зрелостью своей.

Но, увы, и от ее дверей
Я ушел, стирая слезы с глаз.

На четвертый день увидел я
В тесной клетке птицу-соловья.
Но и от тебя, любовь моя,
Я ушел, стирая слезы с глаз.

КОГДА СТЕМНЕЕТ

Если вы на вечерний пойдете базар,
К нам зайдите в субботу, когда стемнеет.
Мы танцуем и песни поем под дутар,
Мы вас ждем в воскресенье, когда стемнеет.

Вас, красавицы, просим, иль вам недосуг?
Мы вас ждем в понедельник, когда стемнеет.
Обманите своих некрасивых подруг,
Приходите во вторник, когда стемнеет.

ПЛОХАЯ ЖЕНА

Муж с плохой женой
Попадает в беду,
Сам печет он порой,
Сам готовит еду.
Дорога и красива
Одежда жены,
Да надета вся криво
Одежда жены.
Нету нового платья —
Недовольна жена,
И на мужа проклятья
Насыляет она.

Все кричит, все поносит,
Мол, и глуп ты и скуп,

Если плов ты попросишь,
Принесет тебе суп.
Если просит о чем-то
Твой свояк иль сосед,
То жена твоя громко
Лишь смеется в ответ.

Чуть ударишь, бывает,—
Сам от страха дрожишь:
Так кричать начинает,
Что из дома бежишь.
Все пугает, ругает
У людей на виду,
Барахло собирает,
Угрожает: «Уйду!»

БУЙ-БУЙИ

Буй-буйи, буй-буйи, брови милой — две змеи.
Я стораю, я страдаю, проливаю слез ручьи.
Брови милой — две змеи.

Буй-буйи, буй-буйи, брови милой — две змеи.
Если лгу я, пусть ослепнут зоркие глаза мои.
Брови милой — две змеи.

Буй-буйи, буй-буйи, брови милой — две змеи.
От нее не отступлюсь я, хоть коли глаза мои.
Брови милой — две змеи.

Буй-буйи, буй-буйи, брови милой — две змеи.
Как могу я отступиться, ведь она в моей крови.
Брови милой — две змеи.

ТАНОВАР

Две косы расплелись, растеклись по спине.
Пало горюшко-горе на голову мне.
Пало горюшко-горе, я жизни не рада.
И любовь для меня хуже горького яда.
Ты казался родным, оказался чужим.

Мы с тобою живем не в одном кишлаке.
Между нами река, нет моста на реке.
Как речная вода, как небесные тучи,
Были клятвы твои и зыбки и летучи.
Ты казался родным, оказался чужим.

Посадила на крыше я лук — он взошел.
Говорила любимому «друг» — он ушел.
С моего языка брал ты сахар и сласти.
Я любила тебя, я мечтала о счастье.
Ты казался родным, оказался чужим

ЯЛЛА-АЛЛА

Уезжает милый в дальний путь,
Отпускать его мне страшновато,
Спрячу я халат куда-нибудь,
Он ведь не уедет без халата,
 Ах, ялла-ялла, алла-алла,
 Я тебе не причипила зла.
С продавцом воды рядилась я,
Очень уж хотелось мне напиться,
Оттого в тебя влюбилась я,
Что была не в силах не влюбиться.
 Ах, ялла-ялла, алла-алла,
 Я тебе не причинила зла.
Раньше всех была я веселей,
А теперь я ничему не рада,

Хочешь — режь меня, а хочешь — бей,
Только прогонять меня не надо.

Ах, ялла-ялла, алла-алла,
Я тебе не причинила зла.

Я на бедра повяжу платок,
На меня ты поглядишь, быть может,
Я сломала в поле стебелек,
Я на этот стебелек похожа.

Ах, ялла-ялла, алла-алла,
Я тебе не причинила зла.

Милый мой уехал торговать,
Плачу, а ему и горя мало,
Можно ли любить и не страдать?
На земле такого не бывало.

Ах, ялла-ялла, алла-алла,
Я тебе не причинила зла,

Рыбку в речку отпустите вновь.
Пусть еще поплавает немного.
Если к двум сердцам пришла любовь,
Вы им не мешайте, ради бога.

Ах, ялла-ялла, алла-алла,
Любящим не причиняйте зла!

АХ, КРАСИВАЯ, СЛАДКОРЕЧИВАЯ

Брови, ставшие чертой сплошною,
Крась погуше черною усмою.
Если с мужем жизнь твоя черна,
Не поможет ни усма, ни хна.

Ах, красивая,
Сладкоречивая,
Хоть любимая,
Да несчастливая.

На луну твое лицо похоже,
Дай тебе, несчастной, счастья, боже,

Муж твой глуп, а глупый и любя
То и дело мучает тебя.

Ах, красивая,
Сладкоречивая,
Хоть любимая,
Да несчастливая.

Нет, не все красивые — счастливы,
И не все любимые — красивы.
Пусть не жжет вас черная молва,
Глупые и гордые слова.

Ах, красивая,
Сладкоречивая,
Хоть любимая,
Да несчастливая.

* * *

— Правда ли, что косы шелковистые
У тебя, моя сестра, ёр-ёр.
Распусти ты волосы пушистые,
Покажи мне, будь добра, ёр-ёр.

— Для чего же взглядом вам одаривать
Косы шелковистые, ёр-ёр,
Разве не видали на базаре вы
Шелковые кисточки, ёр-ёр?

— Говорят, что брови соболиные
У тебя, моя сестра, ёр-ёр.
Ты откинь платок и брови длинные
Покажи мне, будь добра, ёр-ёр.

— Для чего смотреть на брови длинные,
Эти брови хороши, ёр-ёр.
Видели вы крылышки стрижиные
Или черные карандаши, ёр-ёр?

У тебя глаза большие черные,
Больше, чем у всех других, ёр-ёр,
У тебя глаза большие черные,
Дай мне поглядеть на них, ёр-ёр.

— Ах, зачем смотреть на очи черные,
Дорогой мой старший брат, ёр-ёр.
Вы же видели косулю горную,
У косуль такой же взгляд, ёр-ёр.

— У тебя, родная, щеки красные,
Губы и того красней, ёр-ёр.
Приоткрой лицо свое прекрасное,
Покажи мне поскорей, ёр-ёр.

— Ах, мой брат, я робкая, песмелая,
Вы перечить не должны, ёр-ёр,
Словно яблоко большое спелое,
Щеки у меня красны, ёр-ёр!

— Говорят моя сестрица странная,
У тебя тончайший стап, ёр-ёр,
Покажи свой стап, о тонкостанная,
Если это не обман, ёр-ёр?

— Милый братец, вы меня обидели,
Думала, что вы умней, ёр-ёр.
Кипарис когда-нибудь вы видели?
Тонок он, но я стройней, ёр-ёр!

АМАНЪЕР

Ах, Аманъёр, повернись, Аманъёр,
Красным платком повяжись, Аманъёр,
Та, что верна тебе до сих пор,
Пришла сюда, улыбнись, Аманъёр.

Ах, Амангёр, боль и радость моя,
Твоя любимая — это я.

Дрожжи я в чашку кладу, Амангёр,
Всходит опара, я жду, Амангёр,
Не уходи, не ввергай нас в позор,
Не приноси мне беду, Амангёр.
Ах, Амангёр, боль и радость моя,
Твоя любимая — это я.

Я говорила: «Мой шах, Амангёр,
Мой падишах, мой аллах, Амангёр,
Что — объясни мне — упрек иль укор
Таится в твоих глазах, Амангёр».
Ах, Амангёр, боль и радость моя.
Твоя любимая — это я.

Я постирала платок, Амангёр,
И просушить на часок, Амангёр,
Платок повесила на забор,
Кто ж мой платок уволок, Амангёр?
Ах, Амангёр, боль и радость моя,
Твоя любимая — это я.

Вот твой табак, вот чилим, Амангёр,
Сядем и поговорим, Амангёр,
Просьбой опять я начну разговор,
Не уходи ты к другим, Амангёр.
Ах, Амангёр, боль и радость моя,
Твоя любимая — это я.

Близится, близится срок, Амангёр.
Ты почему так жесток, Амангёр,
Есть на платке моем кисть и узор,
С глаз я откину платок, Амангёр.

Ах, Амангёр, боль и радость моя,
Твоя любимая — это я.

Перепела в вышине, Амангёр,
Песни поюг в тишине, Амангёр,
Песенки птиц, принесенные с гор,
Детство напомнили мне. Амангёр.
Ах, Амангёр, боль и радость моя,
Твоя любимая — это я!

ЧТО Я СКАЗАЛА ТЕБЕ. ЛЮБИМЫЙ?

Что я сказала тебе, любимый,
Что приказала тебе, любимый?
«Купи мне атласа», — тебе я сказала,
«Купи мне атласа», — тебе приказала.
Ох, я надену атласное платье,
Ох, я надену атласное платье,
Приду я к тебе в одежде атласной,
Может, не буду такую несчастной.

Что я тебе сказала, любимый,
Что приказала тебе, любимый?
«Усму принеси мне», — тебе я сказала,
«Усму принеси», — тебе приказала.
Ох, я покрашу брови усмою,
Ох, я покрашу брови усмою,
Может быть, став тогда чернобровой,
С тобой я не буду такую суровой.

Что я сказала тебе, любимый,
Что приказала тебе, любимый?
«Сурьму принеси мне», — тебе я сказала,
«Сурьму принеси», — я тебе приказала.
Ой, я покрашу ресницы сурьюмою,
Ой, я покрашу ресницы сурьюмою,

Выйдешь из дому со мной насурмленной,
Буду я нежной и буду влюбленной.

Что я сказала тебе, любимый,
Что приказала тебе, любимый?
«Купи мне сапожки», — тебе я сказала,
«Купи мне сапожки», — тебе приказала.
Ох, я сапожки надену на ножки,
Ох, я сапожки надену на ножки,
Стройные ножки обую в сапожки.
И прибегу я к тебе по дорожке.

Что я тебе, любимый, сказала,
Что я еще тебе приказала?
«Купи мне платочек», — тебе я сказала,
«Купи мне платочек», — тебе приказала.
Ох, я приду к тебе в этом платочке,
Ох, я приду к тебе в этом платочке,
К тебе прибегу в дареном платочке,
Будут бессонными все наши ночки.

МИЛАЯ МОЯ, СЛАВНАЯ МОЯ

Вижу я, вошли в твои ворота,
Милая моя,
Утка, гусь и с ними третий кто-то,
Славная моя.
Все ушли, а гусь и не пытался,
Милая моя,
Сваты разошлись, жених остался,
Славная моя.

В новом доме около базара,
Милая моя,
Два ковра, три новых самовара,
Славная моя.

Сад при доме, там айва и груши,
Милая моя.
Только вместо птиц там тьма лягушек,
Славная моя.

Прогони скорей из дома гуся,
Милая моя.
И тогда, орел, в твой сад спущусь я,
Славная моя.
Дверь открой, и я влечу на ложе,
Милая моя,
Я не гусь, и не лягушка тоже,
Славная моя,

Ты нужна мне в доме у базара,
Милая моя,
А не два ковра, три самовара,
Славная моя.

ЯЛЛАВАН

Лишь раз прошел я у твоих дверей,
Хай яллаван!
И стал Меджнуном, ты — Лейлой моей,
Хай яллаван!
Ужель тебе за то я стал немил,
Хай яллаван!
Что с ханатласом я тебя сравнил,
Хай яллаван!
Я вновь пройду вблизи твоих дверей,
Хай яллаван!
Я знак подам, ты выходи скорей,
Хай яллаван!
Чтоб не краснеть, коль встретишься с людьми,
Хай яллаван!
Свою сестру с собой возьми,
Хай яллаван!

Недалеко за вашим домом луг,
Хай яллаван!
В траве цветы, и никого вокруг,
Хай яллаван!
Что за беда, коль вместе я и ты,
Хай яллаван!
Придем туда, чтоб собирать цветы,
Хай яллаван!

* * *

Птица я, машу крылами,
Эй, ёр-ёр.
Не бросай в меня камнями,
Эй, ёр-ёр.
А не то вдруг встрепенусь я,
Эй, ёр-ёр.
Улечу и не вернусь я,
Эй, ёр-ёр.

В поле белом от ромашек,
Эй, ёр-ёр,
За овцой идет барашек,
Эй, ёр-ёр.
Погляди ж ты, ради бога,
Эй, ёр-ёр,
Позавидуй им немного,
Эй, ёр-ёр.

В поле белом от ромашек,
Эй, ёр-ёр,
За овцой идет барашек,
Эй, ёр-ёр.
Быть овцой бы мне, бедняжке,
Эй, ёр-ёр.
Был бы ты моим барашком,
Эй, ёр-ёр.

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Мелькнула ты в окне, я мимо проходил,
И стало больно мне, и не хватило сил.
От дома твоего не сделал я ни шагу.
Я понял: без тебя мне белый свет не мил.

* * *

Пойти ли мне туда, придешь ли ты сюда?
А если ты придешь, хочу я знать — когда.
Ведь мы с тобою жить не можем друг без друга,
Страшна ли нам молва, укоры, стыд, беда?

* * *

На небесах луна,
В душе печаль одна,
Лети мой вздох к тому,
Кому **я** отдана.

* * *

У милой есть ли брат, пекущийся о чести,
Есть ли отец седой, который жаждет мести?
Что мне отец и брат, и даже оба вместе?
Другого я страшусь: у милой милый есть ли?

* * *

Плененный неземной твоей красотой,
Крадусь в твой дом на цыпочках, босой,
Хоть бы меня поймали и связали
Мне две руки твоей тугой косой.

* * *

Любимый мой пошел туда,
Любимый мой пришел сюда,
Шепнул мне слово, это слово
Запало в душу навсегда.

* * *

Пред тем, как вдаль скакун меня унес,
Ты мне безмолвный задала вопрос.
«Когда вернешься?» — ты меня спросила
Глазами, покрасневшими от слез.

* * *

Как быть мне, что мне предпринять,
Идти с тобою или ждать,
Мое нетронутое сердце
Убить или тебе отдать?

* * *

Я вдаль стопы направил на заре,
Тебя навек оставил в Бухаре.
Любя другого, ты дала мне слово...
Нет, я плохой игрок в такой игре.

* * *

Нам молодость дают не навсегда.
Не молод я, и ты не молода,
Но мы с тобой, в глаза друг другу глядя,
Не замечаем, как бегут года.

* * *

Это было много лет назад,
Я жила в горах, растила сад,
Баю отдали, за деньги продали,
И попала я из рая в ад.

* * *

Если по дороге конь летит,
Слышно цоканье его копыт.
Если на красавицу помотришь,
Мать ее потом весь день ворчит.

* * *

По дороге я хлебнул беды,
Заблудился, потерял следы.
А когда домой приду усталый,
Мне напиться кто подаст воды?

* * *

Булькает вода, шуршит трава,
Я молчу, забыла все слова.
Я из-за любви к тебе погибну,
Что поделать — доля такова.

* * *

Ночью я пошел к тебе в кишлак,
Еле спасся от твоих собак.
А ведь ты, бывало, обещала
Встретить милого совсем не так.

* * *

Милая, не надо слов.
На рассвете, в пять часов,
Жди меня и потихоньку
Отодвинь дверной засов.

* * *

Тем, кто беден, в мире счастья нет.
Что их ждет на свете, кроме бед?
В двадцать лет вошла любовь мне в сердце,
А женился я лишь в тридцать лет.

* * *

В небесах сияет лунный свет,
Оставляют звезды яркий след,
Дорогая, загляни мне в душу.
Кроме боли, ничего там нет.

* * *

В шалаше моем огонь свечи,
Прочь я выйду, огляжусь в ночь.
Милая, пройди неподалеку,
Райской птицею прощечечи.

* * *

Роза, роза, ты полна любви,
Ты раскрыла лепестки свои.
Но не может роза быть счастливой,
Если улетели соловьи.

* * *

Замуж продает тебя родня,
Будут петь и пить четыре дня,
Будет свадьба, смех и слезы будут,
А пока что обними меня.

* * *

Дверь откройте, умоляю вас,
Чтоб увидеть розы в этот час,
Чтобы их пьянящим ароматом
Насладиться мне в последний раз.

* * *

У калитки ты стоишь в печаль,
Я бегу к тебе, хмельной от счастья,
Взять тебя я за руки страшусь,
Я боюсь сломать твои запястья.

* * *

Я тянусь к тебе, стремлюсь к тебе,
Ты глуха к мольбе, к моей мольбе,
Нет в тебе сочувствия нисколько
К горестной судьбе, к моей судьбе.

* * *

Милая, не будь со мной сурова,
Быть в любви счастливыми — не ново.
Но неразделенная любовь
Не новей счастливой, право слово.

* * *

Мне на гору удалось взойти,
А назад тропинки не пайти,
Я, родная, от любви страдаю,
А к тебе заказаны пути.

* * *

Я в саду среди ветвей
Плачу, словно соловей,
Как Меджнун, слагаю песни,
Что ни вечер, то грустней.

* * *

Эта улица длинна, длинна,
Не ходи по ней одна, одна,
Пусть твои родители не знают,
Что в меня их дочка влюблена.

* * *

Птицы больше не поют в саду,
Розы больше не цветут в саду,
Ты, словам моих врагов поверив,
Убегаешь, если я иду.

* * *

То, что мы задумали давно,
Нам исполнить не было дано,
Не сидели рядышком, не ели
Мы с тобою яблочко одно.

* * *

Ты, моя любовь на этом свете,
Лучше всех цветов на этом свете,
Я, моя родная, за тебя
Жизнь отдать готов на этом свете.

* * *

Ничего в большом саду у вас
Не ищу я, кроме милых глаз,
Дорогая, видишь, я сгораю,
Пожалей меня в последний раз.

* * *

У тебя в саду покой и зной,
Там айва блистает желтизной.
Ночью мне счастливый сон приснился,
Что идешь ты об руку со мной.

* * *

Ой, моя беда, моя беда,
Ты опять неверен, как всегда,
Слово дал со мной не разлучаться,
И ушел неведомо куда.

* * *

Ездил я в чужие города,
А в родном меня ждала беда.
Воротился я, врагов послушал
И лишился милой навсегда.

* * *

Если водку пить, она горька,
А зато хлебнешь — пройдет тоска.
И покажется, что мед и сахар
С твоего стекают языка.

* * *

У реки — трава да камыши,
Говорят, там гуси хороши.
Милый мой, своим горячим взглядом
Ты меня прожег до дна души.

* * *

Как мне жаль, что я не голубок.
Ты меня поймала бы в силок,
Жил бы у тебя в плетеной клетке,
Не бездомен и не одинок.

* * *

В дверь гляжу я — милый мой лежит,
Опьяневший, потерявший стыд.
Мне бы усмехнуться, повернуться,
Но уйти мне сердце не велит.

* * *

На рассвете птицы-кулики
Где-то голосили у реки.
Милая в руке держала розу,
В душу мне бросала лепестки.

* * *

Женщина, что плачешь у ворот?
Что тебя тревожит, что гнетет?
Ты осунулась и пожелтела
От каких печалей и забот?

* * *

Песню птицы не поймет никто,
А меж тем она поет про то,
Что, когда неверную полюбишь,
Сердце превратится в решето.

* * *

Ты уходишь, помахав рукой,
Что поделать, если ты такой.
Уходи, я без тебя, быть может,
Наконец-то обрету покой.

* * *

Речь любимой друга, словно мед,
Сахар — на губах, а в сердце — лед.
Вечером она к нему не вышла.
А ведь он сказал ей, что придет.

* * *

Обойдите, люди, белый свет,
Милых лучше, чем мой милый, нет.
Если девушка такого любит,
Нет на свете ни забот, ни бед.

* * *

Дверь заперта, ее открыть нельзя,
Но мне в разлуке с милой жить нельзя.
Она живет в чужом богатом доме,
Мне, бедняку, туда ходить нельзя.

* * *

Милый друг мой, дорогой мой друг,
Навестить меня пришел ты вдруг.
Если любишь, отыщи лекарство,
Изгони проклятый мой недуг.

* * *

Ты в душе моей огонь загла,
Ты меня спасаешь ото зла.
Ты за мною следуешь повсюду,
Волосом — черна, лицом — бела.

* * *

Мне бродить бы лугом и жнивьем,
С милою ходить бы мне вдвоем,
Головой в колени ей уткнуться б,
И уснуть, и умереть потом.

* * *

В саду не слышно песни соловья,
В твоём саду шуршит листвою змея.
Я больше не приду к тебе, мой милый,
Тебе мила другая, а не я.

* * *

Разве дождик шел и падал снег?
Разве было наводнение рек?
Разве от любви своей погибнешь
Ты, такой разумный человек?

* * *

Милый, что любил меня и ждал,
Прямо в сердце мне вонзил кинжал,
Он другую взял, меня покинул,
Красоту на деньги променял.

* * *

Пела я, а мимо проходил
Человек, который сердцу мил,
Силы мало, я не устояла:
Очень уж он сладко говорил.

* * *

Объясни, чего ты слезы льешь,
Разве все так беспросветно сплошь?
Девушки такой, как ты, красивой
Даже в Самарканде не пайдешь.

* * *

Роза, роза, как цвела ты мало,
Только распустилась и увяла.
Если ты не бросила б меня,
Если б все опять начать спачала!

* * *

Брови черные, как злая весть,
В душу темную к тебе не влезть,
Я зову, а ты не отвечаешь,
Как тебя назвать мне? Кто ты есть?

* * *

Я стою на берегу реки.
Лопаются в речке пузырьки
Я кричу, а ты меня не слышишь,
Как мы друг от друга далеки.

* * *

Дергается, дергается бровь моя,
Закипает, закипает кровь моя.
Если уж сама ты не придешь,
То быстрее хоть весть подай, любовь моя!

* * *

Холодный ветер дует все сильней,
Жить не легко мне, а тебе трудней,
Как трудно жить, когда на этом свете
Врагов гораздо больше, чем друзей.

* * *

Запели соловьи в ветвях густых,
Любимая, тебе я не жених.
Аллах, что любящих соединяет,
Слабей врагов, что разлучают их.

* * *

Ах вы, косы, твердые мои,
Ах вы, косы, черные мои,
Вы седеете, покуда спорят
Ухажоры гордые мои.

* * *

Цветочек алый в волосах ее,
Платочек шелковый в руках ее,
Все хорошо, да милый ей неверен,
Сверкают слезы на глазах ее.

* * *

Несчастный соловей совсем зачах.
В пизине он, а милая — в горах.
Любимая моя, и нас с тобою
По разным землям разбросал аллах.

* * *

Соловей не в силах превозмочь
Боли в час, когда уходит почь.
Девушка на зорьке плачет горько:
Милый друг ее уходит прочь.

* * *

Мне бы не видеть во сне тебя,
Наяву не знать бы мне тебя,
Первой и последнею любовью
Мне б любить другого — не тебя.

* * *

Ты со мной недолго побыла,
Посмеялась только и ушла.
Что же, уходи, найду другую,
Если будет голова цела.

* * *

Не любила б я, не умирала бы,
Не горела — пеплом я не стала бы,
Душу бы тебе не отдала,
Не произносила б эти жалобы.

* * *

Скажешь: «Оставайся» — не уйду,
Скажешь: «Убирайся» — не уйду.
Ты — мое единственное счастье.
Без тебя я попаду в беду.

* * *

Сад зеленый; здесь цветет миндаль.
Здесь цветет цветок мне на печаль.
Из-за этого цветка сегодня
Я пришел сюда — в такую даль.

* * *

В час, когда иду к тебе, мой друг,
Сердце у меня стучит «тук-тук».
Сердце у меня стучит при встречах,
А потом болит в часы разлук.

* * *

Вот меня бы милый ублажил,
На плечо мне руку положил.
Сел бы на супу со мною рядом,
Шуткою меня бы рассмешил.

* * *

Чтобы тебя любить, кокетка-недотрога,
Так много надо сил, а у меня немного,
Мне хватит сил, чтобы прийти к тебе
И тихо умереть у твоего порога.

* * *

— Милая, быстрее выходи!
— Мать меня не пустит, погоди!
— Убегй тайком, пойдем со мною,
Ты поплачешь на моей груди.

* * *

Милая, я жил тобой всегда,
Ты меня любила иногда,
Глупый я, зачем все это начал,
Понимая, как ты молода.

* * *

Ты грусть мою делил, бывало,
Я боль твою переживала,
Вот так и жили мы с тобой,
Переплетясь, как ветви тала.

* * *

Белой я была, теперь я — желтая,
Я пришла, стою у двери, желтая.
Выйди, мой любимый, из дверей,
Погляди скорей: вот пери желтая!

* * *

Милый, об одном сейчас грущу:
Ты придешь, а чем я угощу?
Угощу тебя я нежным словом,
Сладким поделуем подслащу.

* * *

В доме милой — той четыре дня,
Дойры там беснуются, авеня,
В доме милой милая танцует,
Эти танцы — мука для меня.

* * *

До заката солнца я жнивьем
Шел по следу волчьему с ружьем.
В этот день не застрелил я волка,
Я поймал красавицу живьем.

* * *

Косы дорогой моей — до пят,
Косы милой золотом горят,
Если дорогую поцелую,
В чем-либо я буду ль виноват?

* * *

Если ливни долгие польют,
Глиняные крыши протекут,
Если милую хочу я видеть,
Мои ноги — кони, руки — кнут.

* * *

То вокруг черно, то все бело,
Тем, кто любит, тоже тяжело.
Я хотела милого увидеть,
А его как ветром унесло.

* * *

Возле дома пери поселиться б,
Мне к заветной двери прислониться б,
А потом, когда наступит ночь,
Мне в ее объятьях очутиться б.

* * *

Вечерком зашел я к милой в сад,
Там гранаты спелые висят,
Милая, хоть лет тебе немного,
Ты сама созрела, как гранат.

* * *

Сегодня удивил я всех,
Я в сад залез, а милой — смех.
Она не обратит внимастья,
Какой я ни свершил бы грех.

* * *

По стенам — изразец, в окне — слюда,
У милой дом — дворец, да вот — беда,
Когда я ни явился бы к любимой,
Любимой цету дома никогда.

* * *

Жду на рассвете, на закате жду,
Не промелькнет твое ли платье, жду.
Слезами обливаясь, я все время
Тебя, мой друг, мое проклятье, жду.

* * *

Любимая моя мне и поныне снится.
Другого ждет она, а надо мной глумится,
Как квочка старая ко мне, бывало, шла,
К нему теперь летит, как юная орлица.

* * *

Жизнь без тебя страшнее, чем могила,
Меня к тебе какая тянет сила?
Я в силах думать только о тебе,
Чем ты меня, скажи, приворожила?

* * *

Я плачу и горю, не зная сна,
Сожгла мне сердце, лживая, она,
О, как моя любимая коварна,
Но как зато красива и нежна.

* * *

Ах, милая моя, уж очень ты сурова,
Я все тебе сказал, а ты в ответ — ни слова.
Несчастливым и больным ты сделала меня,
Но хоть сама-то будь счастлива и здорова.

* * *

По небу тучиплыли вкривь и вкось,
Да вот дождя из них не пролилось,
На свете белом жили два влюбленных,
Но, бедным, быть им вместе не пришлось.

* * *

Ты — тюльпан. Сорвать ли мне тебя?
Ты — райхон? Измять ли мне тебя?
Иль не цветок ты и не травка,
А змея. Бежать ли от тебя?

* * *

Ах, огонь любви, как он жесток.
Всю меня он иссушил и сжег.
По сравнению с пламенем любовным
Пламень ада — тусклый уголек.

* * *

Ах, милая, я жив едва-едва,
А ты бросаешь горькие слова,
Ты говоришь мне, будто я бездушен...
Тебе я отдал душу, ты права.

* * *

Я уйду, уеду навсегда,
Не пытай, не спрашивай, куда,
Утеку я, как в реке вода,
Не оставив по себе следа.

* * *

Девушка, прекрасней, чем тюльпан,
Из каких ты появилась стран?
Здесь тебя старухи сглазить могут,
Ты повесь на шею талисман.

* * *

Ты мне верна была, верна, пока
В моей руке была твоя рука,
Но все прошло: зыбки ли клятвы были,
Была ли память слишком коротка?

* * *

До чего же ты мила и хороша.
Брови у тебя черней карандаша,
Брови у тебя черней карандаша,
Да намного ль их светлей твоя душа?

* * *

Я опять пришел в твой сад гулять,
Я хотел опять цветов нарвать,
А по правде: мне цветов не надо,
Мне тебя хотелось повидать.

* * *

О Лолахон, любовь моя, звезда,
Скажи, тебя увижу я когда?
Когда к своим глазам, от слез ослепшим,
Пыль приложу от твоего следа?

* * *

В небе звезды яркие висят,
За тобою вслед пришел я в сад.
Тропки, по которым ты проходишь,
Долго исторгают аромат.

* * *

Мы говорим, и взгляд наш не погас,
И плачем мы, но мы мертвы сейчас.
Не смерть меня с тобою разлучила,
Скорей разлука умертвила нас.

* * *

Я подняла заплаканный свой взор,
Но нет, ко мне ты руки не прости,
Моим дареным шелковым платочком
Ты мне, мой милый, слезы не утер.

* * *

Хотела я забыть, но не могла,
Я до сих пор хожу белым-бела.
А ты пошел опять своей дорогой,
Как будто я и вовсе не была.

* * *

Я не знаю, что мне делать, брат,
Очень узок у меня халат,
Ллолахон меня приворожила,
Гибну я, а в чем я виноват?

* * *

Вода в реке, песок на островке,
На мне грехов, как камешков в песке.
Но, грешнику, прости мне прегрешенья,
Чист пред тобой я, как вода в реке!

* * *

Отца не довелось мне увидеть,
Мать умерла тому назад лет пять.
Хоть у меня и есть родни немало,
Но кто заменит мне отца и мать?

* * *

Где отец, где мать, где брат родной?
На чужбине я бреду больной,
Если я сегодня здесь погибну,
Кто попричитает надо мной?

* * *

Мне не надо белого дворца,
И не надо царского венца,
Сироте, ничто мне не заменит,
Взгляда матери и слов отца.

* * *

И у птицы, что живет в воде,
Есть гнездо и есть птенцы в гнезде.
У меня, несчастного пришельца,
Ни детей, ни дома нет нигде.

* * *

Ты не говори, что я плоха,
Я — лишь боязлива и тиха.
Сирота, я в мире одинока,
И другого нет на мне греха.

* * *

Кто заменит мать мне в этом городе?
Где отца сыскать мне в этом городе?
Я путем обратным побреду,
Я чужой, что ждать мне в этом городе?

* * *

Коль спросят про меня отец мой или брат,
Скажите им, что я своей судьбе не рад,
Скажите: день и ночь я плачу на чужбине,
Мечтая лишь о том, что ворочусь назад.

* * *

С этой стороны тропа видней,
Чья-то милая идет по ней.
Почему любимая другого
Кажется красивее своей?

* * *

Тюбетейка у меня была,
Хоть была красива, да мала,
Мать с отцом покуда были живы,
Не ценила счастья, не могла.

* * *

У розы рождаются дети — бутоны,
Я вижу горят на рассвете бутоны,
Мой милый, мне горько, приходи, посиди,
Пока не распустятся эти бутоны.

* * *

Я лепесток цветка, что в волосах твоих,
Я — пух воротника, что на плечах твоих.
А для кого-то я — судьба и счастье тоже,
Грызет меня тоска: я прах следов твоих.

* * *

Ты сдвинул шапку чуть ли не до век,
Ты в этой шапке, как богатый бек,
И замираю я перед тобою,
Раба, я в рабстве у тебя навек.

* * *

Был мой дом построен на сто лет,
Да его свалила непогода.
Ты любить меня дала обет,
Да нарушила через полгода.

* * *

Коль уйду в далекие края,
В чьих сердцах оставляю память я?
Вспомнят обо мне враги со злобой,
С грустью вспомнят обо мне друзья.

* * *

Течет вблизи прозрачная вода,
А ты хлебнула мутной, вот беда!
Посмотрим, как ты уживешься с глупым,
С кем жизнь соединила навсегда.

* * *

В вышине плыла бы я — луна,
Вся бы мне земля была видна,
Ну а я на милого глядела б,
Вся земля мне, право, не нужна.

* * *

На базаре — дыни по полушке.
На войне палят куда-то пушки,
Мне-то что, я отдал баю долг
И пою, и шапка на макушке.

* * *

С гор далеких сходит белизна,
А в садах белым-бело — весна,
Девушки теперь подешевели:
Пять аршин атласа — им цена.

* * *

Лететь бы мне к тебе сквозь бурю и пургу,
Нет крыльев у меня, лететь я не могу,
Твой дом на том краю, твой дом от нас неблизко.
А я из своего никак не убегу.

* * *

Опьянела я, хоть не пила,
На себе я волосы рвала,
Ох, задешево меня ты продал.
Словно я и не была мила.

* * *

Был я всех храбрей и всех сильней.
Необъезженных седлал коней.
Почему ж бессилен я с любимой?
Почему ребою перед ней?

* * *

Погоди, родная, погляди.
Ты — зарубка на моей груди.
Ты — клеймо, клеймящее мне сердце,
Что ж уходишь ты — не уходи!

* * *

Золотая стена, золотая стена,
Черной пылью и сажей покрылась она.
Я — вторая жена, я — вторая жена,
В золотом моем сердце обида черна.

* * *

Камню все равно, что снегопад,
Что осенний дождь, что летний град.
Разве, с каменной, с тебя убудет,
Если мне один подаришь взгляд?

ПОСЛОВИЦЫ

* * *

Никто не скажет вам наверняка,
Чья ближе смерть: коровы иль телка.

* * *

Тебе в твой час печальный
Скорей подаст совет
Не родственник твой дальний,
А близкий твой сосед.

* * *

Пять — много кажется дающему,
Сто — мало кажется берущему.

* * *

Дом без еды бывает иногда,
Но дом без неурядиц — никогда.

* * *

Даже на верблюде ты, бедняк,
Не убережешься от собак.

* * *

Когда сурнай звучит,
Вражда молчит и спит.

* * *

Война может заглушить дойру,
Но не может заменить дойру.

* * *

И средь колючек может быть прохлада,
Но все ж колючки не заменят сада.

* * *

Если сам не знаешь ты отгадок,
Не загадывай и нам загадок.

* * *

Белая собака,
Черная собака,
Что ни делай,
Все равно собака.

* * *

Деньги в мошне —
Шурпа в казане.

* * *

Из дешевого гороха
Сваришь суп, да выйдет плохо.

* * *

Мясо выбирать я не умею,
Дай вон тот кусочек пожирнее.

* * *

Если мяжок чурбачок,
Его источит червячок.

* * *

Дождика избег —
Угодил под снег.

* * *

Лишь однажды посох свой
Может потерять слепой.

* * *

Побежденный снова рвется
С победителем бороться.

* * *

У неумных людей
Много завтрашних дней.

* * *

Властелина взгляд —
Что змеиный яд.

* * *

Если сокол с соколом подерется,
Их добыча ворону достается.

* * *

И целое не едино,
И целое — две половины.

* * *

Для дурака
Мекка близка.

* * *

Мы в том вишим порою зеркала,
Что нам красы природа не дала.

* * *

Золото огнем испытывается,
Человек трудом испытывается.

* * *

Если крив дымоход,
И дым кривой идет.

* * *

Забил ишака,
Какой там наварец!
Избрал торгаша,
Какой он товарищ?

* * *

Когда врагу конец,
Тогда и трус — храбрѣц.

* * *

Если слаб ты, несчастный
Проситель,
То судья — полновластный
Властитель.

* * *

Если стало сухо все опять,
Поздно на прошедший дождь пенять.

* * *

Увидел лицо врага —
За пѣчь притаился,
Увидел спину врага —
За меч схватился.

* * *

Если другу дал коня,
Не смотри так зло,
Что твой друг взнуздal коня
И вскочил в седло.

* * *

Если сладко улыбулся враг —
Значит, что-то сделал ты не так.

* * *

Слал хворобу на телка чужого —
Занедужила своя корова.

* * *

Обилье пастухов — причина
Того, что падает скотина.

* * *

И в раскаянье
Проку мало,
Если раскаянье
Опоздало.

* * *

Топор хоть и взлетает ввысь мгновенно,
Но отдыхает в этот миг полено.

* * *

Для хорошего дня
Не бывает опоздания.

* * *

Сам делал плов —
Випы не сваливай,
Хоть он и плох,
Ешь да похваливай.

* * *

Для кошки — еда,
Для мышки — беда.

* * *

Плюнешь в небо —
Не попадешь.
Плюнешь в небо —
Себя оплюешь.

* * *

Перед тем, как отправляться в путь,
Выбрать спутника не позабудь.

* * *

Если пущена стрела,
Не вернешь ее.
Если жизнь уже прошла,
Не вернешь ее.

* * *

Разлука и смерть — два близнеца,
Разлука — это начало конца.

* * *

Кто же не знает,
Бывает так:
Рис поливают,
А пьет сорняк.

* * *

Котел простой, худой,
Но свой,
Лучше, чем золотой,
Но чужой.

* * *

От хорошего
Лучше слово,
Чем от плохого
Чашку плова.

* * *

Бросовый курак
Не станет ситцем,
В друга старый враг
Не превратится.

* * *

Дорогу одолеет только тот,
Кто хоть петоропливо, но идет.

* * *

Сперва ударь себя, да посильней.
Не больно? Вот теперь другого бей.

* * *

Усма сойдет —
Бровь останется,
Сурьма сойдет —
Глаз останется.

* * *

Не шуба нас до пота
Горячит,
До пота нас работа
Горячит.

* * *

Воспринятые с молоком
Законы чести
Выходят из людей
С душою вместе.

* * *

Арба плохая портит колею —
Сноха плохая всю срамит семью.

* * *

Дающий больше нравится берущему,
Чем сам берущий нравится дающему.

* * *

Чем постоянно людям лгать
И от стыда краснеть,
Уж лучше истину сказать
И умереть.

* * *

Проворного пса
Не любит лиса.

* * *

Неприятны разговоры —
Надо их прервать,
А не то вражды и ссоры
Вам не избежать.

* * *

Сомнения подчас приходят к другу вдруг —
Становится врагом в одно мгновение друг.

* * *

Не кнутом погоняй коня —
Ячменем погоняй коня.

* * *

Хоть страшная ворона птица,
Но для охоты не годится.

* * *

Как ни черна правда,
Все ж не грешна правда.

* * *

Прольется из ковша вода —
Рекой не станет.
Сольется со звездой звезда —
Луной не станет.

* * *

Смеемся мы порой, дивясь чужой заплате,
Не замечая дыр на собственном халате.

* * *

Чем от тоски томиться
Даром,
Не лучше ли трудиться
Даром.

* * *

Коль что-то ты посеешь —
Не пропадет твой труд.
Другим не пожалеешь —
И самому дадут.

* * *

Если в жизни посадил
Ты хоть кусти́к тала —
Значит, не напрасно жил,
Хоть и сделал мало.

* * *

Чтоб оценить мужчину,
Смотреть не надо в рот:
Не ртом он месит глину,
Не ртом пшеницу жнет.

* * *

У кого из нас всего вкуснее
Плов?

У того, кто добывал труднее
Плов!

* * *

Только у неначатого дела
Нет ни окончания, ни предела.

* * *

Пока арык проведешь —
Намаешься,
Зато потом воду пьешь —
Улыбаешься.

* * *

Лучше, ей-богу,
Чтоб горя не знать,
Сделать немного,
Чем много болтать.

* * *

Такой работы не придумал бог,
Чтоб сделать человек ее не мог.

* * *

Хлеб трудовой
Дороже всех наград,
Хлеб даровой
Укорами чреват.

* * *

На той земле, где наш пролился пот,
Не то что просо — золото растет.

* * *

Если урожай твой плох,
Сам виновен, а не бог.

* * *

Если дружно плюнет весь народ,
То всю землю озеро зальет.

* * *

Приносит друг плохую весть
Со слезой печальной,
Приносит враг дурную весть
С улыбкой тайной.

* * *

За друга проглотить щепотку яда —
И то для нас услада и награда.

* * *

Кто чернит твоих друзей,
От того беги скорей.

* * *

Отбившийся от стаи голубок
Быстрее прочих попадет в силок.

* * *

Сплоченность табуна —
Для волков стена.

* * *

Мало-помалу — зерно в закрома,
Мало-помалу набрался ума.

* * *

Кто малого не знает,
Тот много не знает.

* * *

Кто спрашивает даже невпопад,
Тот все равно ни в чем не виноват.

* * *

Твое ученье —
Твое мученье,
Но стал ученым —
Тебе почтение.

* * *

Супец не выйдет из айрапа,
Как ни старайся.
Мудрец не зыдет из болвапа,
Как ни старайся.

* * *

То, что ты, брат, длиннее всех,
Не значит, что умнее всех.

* * *

Умному — намек,
Глупому — пинок.

* * *

Проворный дурак
Ногам своим — враг.

* * *

Что может хуже быть незрячих глаз?
Слепое сердце хуже во сто раз.

* * *

Блестящее обманчиво на вид:
Медяшка ярче золота блестит.

* * *

Сохрaпeннaя тaйнa —
Плeнницa.
Разглaшeннaя тaйнa —
Измeнницa.

* * *

Без волков — лесов
Не бывает.

Без воров — кишлаков
Не бывает.

* * *

Не накормишь корову —
Она уйдет.
Скажешь грубое слово —
Жена уйдет.

* * *

Чем на плохом трястись коне,
Лучше идти пешком,
Чем мужем быть плохой жене,
Лучше быть бобылем.

* * *

Из мужчины сделать человека
Только женщина может,
Опозорить до скончанья века
Только женщина может.

* * *

Хорошая жена обычно не болтлива —
Плохая — злоязычна и ленива.

* * *

На том дворе, где дочь — невеста,
У коновязи нету места.

* * *

Ежика своему сынку
Поет: мой мягонький.

Жучиха черному жучку
Поет: мой беленький,

* * *

Коль милая с тобою неизменно,
То и беда твоя благословенна.

* * *

Любимая добра —
Язык благословляй.
Прогнали со двора —
На свой язык певай.

* * *

Не самая красивая — красавица,
А самая любимая — красавица.

* * *

Красота тебе, жена,
Лишь в день свадьбы и нужна.

* * *

Если хочешь жить в почете,
Так живи, чтоб быть в почете.

* * *

Того аллах, быть может, не видал,
Что повидал на свете аксакал.

* * *

За ростком ходи
С тех пор, как посадил.
За сынком гляди
С тех пор, как породил.

* * *

Лучше младшим быть у старших,
А не старшим быть у младших.

* * *

Учтивость — это не товар,
За ней не сходишь на базар.

* * *

Хоть и открыты двери в дом, но погоди,
Сначала постучи и лишь потом входи.

* * *

Других цены, любя.
Оценят и тебя.

* * *

Приходят,
Если приглашают,
Уходят,
Если разрешают.

* * *

Пусть сладкой не будет
Твоя халва,
Пусть сладкими будут
Твои слова.

* * *

Чего бык добьется
Рогами —
Человек добьется
Словами.

* * *

Пусть дом твой шириною в два вершка —
Душа твоя была бы широка.

* * *

Похвальное слово
Хороший поймет,
Похвалишь плохого —
Он нос задерет.

* * *

На верную дорогу и слона
Направишь ты, коль речь твоя умна.

* * *

Подсластив получше речь свою,
Выманишь наружу и змею.

* * *

Добрый человек
Ест халву и мед —
Злобный человек
Сам себя грызет.

* * *

Даже если пад тобою меч,
Пусть твоя правдива будет речь.

* * *

Пусть мысль твоя не будет далека
От слова, что слетает с языка.

* * *

Тайна у дурака
На кончике языка.

* * *

Правдивая речь
Острее, чем меч.

* * *

Хотя скамейка твоя и крива,
Пусть будут прямыми твои слова.

* * *

Прядет прядильщик —
Хлеб добывает,

Лудит лудильщик —
Хлеб добывает.
Сверлит сверлильщик —
Хлеб добывает.

* * *

В том, что ты споткнулся, брат,
Разве камень виноват?

* * *

Летний плод —
Зимний клад.

* * *

Если мало —
Малым обойтись попробуй,
Если много —
Всем распорядись попробуй.

* * *

Курицу съешь — один раз будешь сыт;
Яичко съешь — десять раз будешь сыт.

* * *

В прощальный час мать думает о сыне,
Сын — о дороге дальней, о чужбине.

* * *

Кто вытерпеть сумел до двадцати,
Тот вытерпит до двадцати пяти.

* * *

Болезнь всегда
Легко в наш дом приходит,
Но вот беда:
С трудом потом уходит.

* * *

Еда умеренная —
Еда проверенная.

* * *

Покуда жизнь теплится,
Надежда светится.

* * *

У плешивого бедняка
Нет богатств, кроме гребешка.

* * *

Пред возгордившимся
До неба вознесись —
Перед склонившимся
Сам до земли склонись.

* * *

Порою горести
Бывают от гордости.

* * *

Догонял воробей ворон,
Да и дух — вон.

* * *

Что толку, что зовешься ханом,
За скудным сидя дастарханом.

* * *

Хотя в кладовке ничего,
Кроме крыс и дыр, —
На видном месте у него
Новенький тандыр.

* * *

Хозяин — и аллах сам себе,
И шах, и падишах сам себе.

* * *

Тяжелый прав не трудно распознать:
Он ставит на лицо свою печать.

* * *

Как бы в поле солнышко ни грело —
Мерзнут руки от чужого дела.

* * *

Не по речам узнаешь плута,
А по глазам узнаешь плута.

* * *

Еда у тебя —
Всяк тебе друг,
Беда у тебя —
Всем недосуг.

* * *

Обычно изо рта гнилого
Выходит и гнилое слово.

* * *

Хватило сил
Плохому человеку —
Он победил
Безродного калеку.

* * *

У тех, кто трудится до пота,
Раз-два — кончается работа.
У тех, кому работать лень,
Кончается рабочий день.

* * *

Дает —
Девятками счет,
Берет —
Двадцатными счет.

* * *

За нерадивостью всегда
Тянется беда.

* * *

Работник нерадивый целый день
Готов ворчать и выбирать кетмень.

* * *

От куска, что украдешь,
Ты жирка не наживешь.

* * *

Об котел потрешься —
Не отмоешь грязи,
С плохим поведешься —
Не отмоешь грязи.

* * *

Скупец и богат,
Да гостям не рад.

* * *

У скупого куст
Не зацветает,
У скупого суп
Не закипает.

* * *

Тот, кто много съел всего
Да наелся худо,
Не наестся оттого,
Что оближет блюдо.

* * *

Не будь у скряги должником —
Не то себя погубишь,
На этом свете и на том
Покоя знать не будешь.

* * *

Не смейся ни над кем, не то найдутся
Те, что и над тобою посмеются.

* * *

Не тот, кто ростом очень уж велик,
Почетен,
Тот, у кого ума хоть золотник, —
Почетен.

* * *

Дом покупая, не мерь,
Где уже стена, где шире,
Дом покупая, проверь:
Соседи там хороши ли?

* * *

Хоть капля и невелика,
Для муравья она — река.

* * *

Собака, что на привязи сидела,
Пропала для охотничьего дела.

* * *

Там, где болел синяк,
Вскочил еще и чиряк.

* * *

Бык винит папарника быка
В том, что их работа нелегка.

* * *

Если подерутся два верблюда,
Мухе между ними будет худо.

* * *

Кто хватается в воде
За две лодки одновременно,
Тот окажется на дне
Непременно.

* * *

Кому со змеей
Пришлось повстречаться,
Веревки простой
Стал опасаться.

* * *

Если ты пахарь —
Паши,
Если ты знахарь —
Лечи.

* * *

Земля — казна,
А влага — золото;
Земля влажна —
Казна богата.

* * *

На гору не поднялся —
Орехов не нарвал,
Отказа испугался —
Красавицу не взял.

* * *

Собака лает — караван идет.

* * *

Сперва карнайщик заливался —
Потом сурнайщик отдувался.

* * *

Требуха, что предложили
Сегодня,
Лучше курдюка, что посулили
На завтра.

* * *

Там, где конь валялся,
Шерсти клочок остался.

* * *

Вол и признает того,
Кто сильнее бьет его.

* * *

Не видишь реки впереди —
Снимать сапоги погоди.

* * *

Спрашивая шел человек,
До Мекки дошел человек.

* * *

Хоть козлом зовись,
Только доись.

* * *

Пока жеманница выбирала,
Что ей к лицу,
И свадебный пир мало-помалу
Пришел к концу.

* * *

Смерть лошади — радость для собаки.

* * *

Верблюду окажешь почет —
Заляжет он и не пойдет.

* * *

Пусть даже слепы у тебя глаза —
Плачь от души, и потечет слеза.

* * *

Родина у людей
Там, где родились,
Родина у коней
Там, где кормились.

* * *

Мясник взирает на телка —
О жире думает.
Телок глядит на мясника —
О жизни думает.

* * *

Если коза о палку чабана трется,
Значит, и палки ее спина дождется.

* * *

Ты сам прошел в ворота —
Не запирай ворот:
Быть может, следом кто-то
Еще идет.

* * *

Янтак, растущий с розой рядом,
Себя считает тоже садом.

* * *

Лудильщик волён, мастера казаны,
Приклепывать ручки с любой стороны

* * *

То, что есть в казане,
Ты достанешь и ложкой.
Чего нет в казане,
Не достанешь и поварешкой.

* * *

Халва сладка ли,
Знает жующий.
Тропа легка ли,
Знает идущий.

* * *

И большую голову, бывает,
Даже малый камень разбивает.

* * *

Кто меньше знает из нас.
Больше болтает подчас.

* * *

Много стреляешь — это не значит,
Что стреляешь точнее других;
Много болтаешь — это не значит,
Что ты умнее других.

* * *

Халат чужой на время взял —
Халат порвал.
Коня чужого оседлал —
Конь захромал.

* * *

Если узкое сужается —
Рвется,
Широкое расширяется —
Рвется.

* * *

Коня ты вырастишь хорошего —
На скачках победишь,
Барана выкормишь хорошего —
Соседа угостишь.

* * *

Жемчужины не бывает
Без ракушки —
Шиповника не бывает
Без колючки.

* * *

Кладь, что на спине,
Тащить мне было лень,
Тяжелей вдвойне
На следующий день.

* * *

Куплен был ишак
За один пятак,
За его потник
Отдали тройак.

* * *

Каково твое деянье,
Таково и воздаянье.

* * *

—
Лучше лишь раз
Добро совершить,
Чем каждый час
О нем говорить.

* * *

По небу каждого кишлака
Проплывают свои облака.

* * *

Умишко перепелки не велик:
Куда ни сядет — там и «бит-бид-дик».

* * *

Голодным — пшеница,
Безземельным — земляца,
Несчастной вдовице
Хозяин снится.

* * *

У ткача кушака нету,
У гончара горшка нету.

* * *

В этом мире только бог —
Друг тому, кто одинок.

* * *

Хоть сирота хлебает
Суп не каждый день,
Беднягу попрекают
Все, кому не лень.

* * *

Удача обходит
Всегда бедняка:
Яйцо он находит
И то без желтка.

* * *

Бедняк разок поел —
И то разбогател.

* * *

Тому, у кого
Кладовая пуста,
Очень легко
Не нарушить поста.

* * *

Счастье бедного в сундуках,
Да ключи от них в облаках.

* * *

Сначала — бай,
А следом «ай!».

* * *

Богач надел халат —
«Бог послал».
Бедняк надел халат —
«Где он взял?»

* * *

Хоть скажёт невпопад,
А слушают: богат.

* * *

Речь имущего — повеленье,
Речь неимущего — моление.

* * *

Насколько «есть» болтливо,
Настолько «нет» молчаливо.

* * *

Все делай, что мулла нам делать повелел,
Но сам не повторяй его небелых дел.

* * *

Если нету в хлеву быка
У меня,
То и нет во рту языка
У меня.

* * *

Пять желудков в брюхе у ишана,
И беда,
Хоть один желудок у ишана
Пуст всегда.

* * *

Скажешь все, как есть, —
От дома отвадят,
Пустишься на лезть —
Погладят.

* * *

Проходят и болезни и беда —
Привычки остаются навсегда.

* * *

Чем друг дурак —
Уж лучше умный враг.

* * *

Ешь дыню и молчи,
И какое дело
Тебе до той бахчи,
Где она созрела.

* * *

Лучше зеленый листочек,
Чем пожелтевший цветочек.

* * *

Сила есть —
Одного не испугаешься.
Знания есть —
Никого не испугаешься.

* * *

Толстый дуб подпилить —
Значит свалить его;
Молодца осрамить —
Значит убить его.

* * *

За дело человек
С умом возьмется,
В руках его и снег
Огнем займется.

* * *

Красавица, желая насурьмиться,
Не выбей глаз и не сожги ресницы.

* * *

Оттого, что ты ружьишко взял,
Ты стрелком не стал.
Оттого, что грозно прокричал,
Силачом не стал.

* * *

У скряги душа
В виде гроша.

* * *

В краю родимом
Лучше прахом быть,
Чем на чужбине
Падишахом быть.

* * *

Цветет родная сторона —
И на душе твоей весна.

* * *

Если ты с друзьями неразлучен,
До конца твой путь благополучен.

* * *

Не будешь счастлив ты нигде,
Коль знаешь: твой народ в беде.

* * *

Твой дом родной
Мал, да твой.
Дворец — велик,
Да чужой.

* * *

Что уродится, просо нль пшеница?
Что ты посеешь, то и уродится.

* * *

Чтоб зимой не быть раздетым,
О зиме подумай летом.

* * *

Беспечность земледельцу не к лицу
Весной,
Она приводит к грустному концу
Зимой.

* * *

«Хорош ли плуг?» — спроси у коваля.
У пахаря спроси: «Тверда ль земля?»

* * *

Старайся, чтоб твоя рука
Была проворней языка.

* * *

Досыта землю накорми сначала,
Чтоб после наедаться до отвала.

* * *

И камень, добытый трудом,
Милее иногда,
Чем хлеб, что принесен в наш дом
Без всякого труда.

* * *

В том, что в поле твой посев зачах,
Лень твоя виной, а не аллах!

* * *

Соберутся люди —
Что поток рекі будут,
Разбредутся люди —
Словно ручейки будут.

* * *

Известно всем, что вор
Один украл калоши,
Но все же лег позор
И на людей хороших.

* * *

Уж лучше дай мне тумака,
Но молча, непароком,
А не давай мне шашлыка
С укором и попреком.

* * *

Кто мимо груши ни пройдет,
Хоть раз, да потрясет.
И так, пока не упадет
С нее последний плод.

* * *

Больной бывает
Лекарей умней:
Он меньше знает,
Но ему больней.

* * *

Только если жить ей надоело,
Мышка с кошкой затевает дело.

* * *

Не слышно птицы меж ветвей —
Так и лягушка — соловей.

* * *

Если пара недругов сойдется,
Боязливый первым замахнется.

* * *

И в береженный глаз, бывает,
Подчас пылинка попадает.

* * *

Когда беда грозит,
Когда бывает туго,
Мудрец себя вишит,
Глупец ругает друга.

* * *

Если у тебя сосед слепой,
Ты и сам один хоть глаз прикрой.

* * *

Два близнеца — обида и вражда,
Жить врозь они не могут никогда.

* * *

В землю зерно упало —
Злаком стало,
В пламя зерно упало —
Прахом стало.

* * *

Баран не раз под шкурою одной
Худел зимою и жирел весной.

* * *

Когда пройдет беда и все уймется,
Тотчас пятьсот советчиков найдется.

* * *

Кто много видел, тот, ей-богу,
Умнее тех, кто прожил много.

* * *

У жирного телка
Жизнь коротка.

* * *

Борода — мужчины украшеньё,
Украшеньё речи — изреченьё.

* * *

Свадьба для молодых —
Праздник для остальных.

* * *

Не отличит огонь, расвирепев,
Сырых деревьев от сухих дерев.

* * *

Поблекнет красота
Когда-нибудь;
Жизнь будет прожита
Когда-нибудь.

* * *

Не работа душит человека,
А забота сушит человека.

* * *

Не покраснеет тот, кто слишком горд.
И тот, кто от природы красноморд.

* * *

Истина хоть через сорок лет
Все ж таки всплывет на свет.

* * *

Иногда похлебка бедняка
Байского вкуснее шашлыка,

* * *

У богатея от забот
Трещит башка —
От голода болит живот
У бедняка.

* * *

Мулла голодный на базар
Поживиться идет,
Бедняк голодный на мазар
Помолиться идет.

* * *

Из единственной крупинки маша
Не получится крутая каша.

* * *

Что одинокий всадник сделать в силе?
Он даже в поле не поднимет пыли.

* * *

Утратят спорящие люди
Добро свое и счастье,
Но счастье и добро добудут
Живущие в согласье.

* * *

Когда стоят стволы к плечу плечом,
Им никакая буря нипочем.

* * *

Десять раз и слава, и хвала
Ремеслѹ познанья ремесла!

* * *

Во гневе, что юнец, что аксакал,—
Как только вспыхнул гнев, так ум пропал.

* * *

Край, где ты прожил день, не зная бед,
Благодари и помни сорок лет.

* * *

Легко слыть человеком,
Трудно быть человеком.

* * *

Позор, мужчину очерпивший дважды,
Подобен смерти, принятой однажды.

* * *

Свою вину осмыслить до конца —
Вот свойство мудреца и храбреца.

* * *

Скорее мертвого мы устрасимся льва,
Чем мыши, хоть она еще жива.

* * *

Храбрец придет с добычей —
И сыт честной народ.
Скупец придет с добычей —
Сам жрет невпроворот.

* * *

Сердце и руки у нас
Бывают отважнее глаз.

* * *

Лишь у труса и у подлеца
Языки отважней, чем сердца.

* * *

Не говори: пути непроходимы;
Сил не пожалеешь — одолеешь.
Не говори: враги непобедимы;
Если не сробеешь — одолеешь.

* * *

Дает и молока и шерсти мало
Коза, что на базаре побывала.

* * *

Сто у тебя друзей —
Мало друзей у тебя.
Враг у тебя один —
Много врагов у тебя.

* * *

Ужалить и змееныш обучен,
Детеныш скорпиона — скорпион.

* * *

Чем язык скупее на слова,
Тем твоя целее голова.

* * *

У колючки яд ее снаружи,
У врага — внутри, и это хуже.

* * *

Пусть нас минуют козни и подвохи,
Раскаянье лисы и плач пройдохи!

* * *

Чужие тайны и друзьям
Доверять нельзя,
Потому что у друзей
Тоже есть друзья.

* * *

Ты зря кричишь.
Будь тише, тише, тише,

Есть в доме мышь,
И уши есть у мыши.

* * *

Змея и та лишь до поры
Бывает зла:
Покуда до своей норы
Не доползла.

* * *

Давным-давно из пустяка возник раздор,
И нет в семье согласия до сих пор.

* * *

Дом, где много детей,
Как базар, беспокоен,
Дом бездетных людей,
Как могила, спокоен.

* * *

В доме том, где подрастают дети,
Ничего не держится в секрете.

* * *

Не отрезать же нос, хоть он и виноват,
Что человек соплив бывает и сопат.

* * *

Всю боль моих родительских забот
Сын на дитя свое перенесет.

* * *

Тот дом бедней вдвойне,
В том доме нет достатка,
Где мужу и жене
Друг с другом жить несладко.

* * *

Уж если дома нету
Ни радости, ни воли,
Вне дома нам все это
Не отыскать тем боле.

* * *

Братья дружны —
Кони их быстро мчатся,
Сестры дружны —
Сыты все домочадцы.

* * *

У дурака вот так
Мудрец урок берет:
Что делает дурак,
Мудрец наоборот.

* * *

Пусть не дал ничего
Тебе сосед скупой,
Ты пристыди его
Своею добротой.

* * *

Скупых обжор нередко ждет беда
На свадьбе, где бесплатная еда.

* * *

Спрячь подальше грош,
Ты не ешь, не пей;
Если не помрешь,
Будешь богатей.

* * *

Краткое слово —
Сладкое слово.

* * *

Не смотрите на атлас одежд
Никогда,
Отличите мудрых от невежд
Без труда.

* * *

Судьба удачей обойдет —
Достойный муж смолчит,
Невежде и воздаст почет —
Он на судьбу ворчит.

* * *

Сад, что муж достойный посадил,
На земле останется,
Зло, что недостойный причинил,
На земле останется.

* * *

Не торопясь суди-ряди,
Наветов злых не слушай,
Лишь об увиденном суди —
Глаза мудрей, чем уши.

* * *

Чей халат?
Того, кто надел его.
Чей скакун?
Того, кто сел на него.

* * *

На день уходишь, но бери
Харчей в дорогу дня на три.

* * *

Была бодливее быка иного,
Да не давала молока корова.

* * *

Водоплавающая птица
Наводнения не боится.

* * *

Ленивый поученьями замучит
Того, кто что-нибудь ему поручит.

* * *

Язык, что чересчур велик,
Подходит лишь ходатаю.

Ходатая лишь за язык
И награждают платою.

* * *

Лентяй готов за дело взяться смело,
Когда другой давно исполнил дело.

* * *

Есть и сомненья, и печаль
У богача, что скуп:
Дать суп голодным вроде жаль,
Не дать — прокиснет суп.

* * *

Когда бы птичка не была жадна
И на приманку б не польстилась,
На ветке пела бы она
И в клетке бы не очутилась.

* * *

Не оставляй на завтра груз
Сегодняшних забот,
И злоба нынешняя пусть
Сегодня же пройдет.

* * *

Мы науку разрушенья
Постигаем без ученья.
Но искусство создаванья
Требует труда и знанья.

* * *

Сам слушай все, но каждый раз
Скупись, брат, на слова,
Недаром рот один у нас,
А уха два.

* * *

Без меры ожиреешь лишь баранам
Идет и не считается изъясном.

* * *

Лишь глупый человек, никто иной,
Встревает между мужем и женой.

* * *

Как ни жми булыжник, никогда
Из него не потечет вода.

* * *

О том, как дым чернит и жжет,
Всех лучше знает дымоход.

* * *

Баям угождают гости —
Байским псам бросают кости.

* * *

Рта, который рвется говорить,
Решетом иль ситом не закрыть.

* * *

Где найти целительный бальзам
От беды, что ты накликал сам?

* * *

Незнание для невежды —
Защитные одежды.

* * *

Пока живем — дома, умрем — холмы могил
Пусть не соседствуют ни с кем, кто нам не мил.

* * *

Не пронесутся ветры —
Не шелохнутся ветви.

* * *

За пятак верблюда ты купил —
И пятак пропал,
Сотню за верблюда заплатил —
И не прогадал.

* * *

Скупец берет — жизнь хороша,
Он смеется,
Скупец дает — и с телом душа
Расстается.

* * *

Чем на врага проклятья насыпать,
Не лучше ль другу счастья пожелать?

* * *

Долги безжалостнее хвори,
У должников не жизнь, а горе.

* * *

Выбирая спутника в пути,
Людам ловким умных предпочти.

* * *

О чем над мертвым бы ни причитали,
Живые плачут о своей печали.

* * *

Не потому ли глиняная чашка
Красива так,
Что столько дней над ней трудился тяжко
Гончар-бедняк?

* * *

Будет целый год рыдать навзрыд
Разлученный с милой —
Разлученный с родиной джигит
Плачет до могилы.

* * *

Пришло бы счастье к нам наверняка,
Но смерть проворней счастья бедняка.

* * *

Впервые в руки взяв дутар
В свое сорокалетье,

Проявишь музыкальный дар
Ты не на этом свете.

* * *

При жизни выбрать мы имеем право
Прах после нас останется иль слава.

* * *

Если ты кому-то был неверен,
Кто же может быть в тебе уверен.

* * *

Один — вершит добро всегда,
Хотя порою это сложно,
Другой — злорадит и тогда,
Когда добро содейть можно.

**КЛАССИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ**

НАУКА БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМ

Вступление

Единый бог — хвала ему и честь! —
Был ранее всего, что в мире есть.

Лишь он один — создатель совершенный
Всего, что существует во вселенной.

Всех на печаль обрек наш властелин,
На свете беспечален бог один.

Всем, кроме бога, надо пить и есть,
А всех так много, что не перечеть.

Да будет славен бог наш всемогущий,
Дающий пищу всякой твари сушей,

Судящий по законам непреложным,
Кому великим быть, кому ничтожным.

...Сия листва, где труд мой и страданье,
Для понимающих — источник знания.

Здесь, среди слов моих, как украшенья,
Блистают разных мудрецов реченья.

А если нету многого, ну что ж,
Благодари за то, что здесь найдешь!

Ценили мной начертанные строки
Едва ль не все владыки на Востоке.

В их тайниках, соседствуя с казной,
Лежат листы, написанные мной.

Пусть золотое слово мудреца
Получит сын в наследство от отца.

Читатель этих строк иль переписчик
Немало пищи для ума отыщет.

Известно людям Чина и Мачина,
Что эта книга — в мире книг вершина.

Все знающие знают, что Восток
Еще не создавал подобных строк.

Кто понимает, что на свете ценно,
Приметит эту книгу непременно.

А пред глупцом, который чужд наук,
Ее не раскрывай, хоть он и друг.

Никто до этой книги никогда
Не совершал подобного труда.

Кто начатое мною преумножит,
Где тот мудрец, кто это сделать сможет?

Пусть назовут мне имя знатока,
Чтоб я его прославил на века...

На свете эта книга повсеместно
Под разными названьями известна.

Ей честь владыки Чина оказали
И «Книгой благочиния» назвали.

Мудрец Мачина, книгу эту взяв,
Назвал — «Благополучие держав».

Был назван персом немногоречивым
Мой скромный труд «Наукой быть счастливым».

А в тюркских землях этой книге книг
Название дали «Кутадгу билиг»*.

Она для всех ценна без исключения,
Но для властителей она — прозренья.

Владыка, чье могущество в заколах,
Не может править без людей ученых.

Сей книги свет — владык благополучье,
В сей книге есть совет на каждый случай.

Властитель в ней найдет предназначенья
Расцвета своего и увяданья.

Молитесь, люди, чтобы вами правил
Хан, не забывший данных в книге правил.

* «Кутадгу билиг» — тюркское название книги Юсуфа хас-Хаджиба. Букв.: «Знания, приносящие счастье».

Ведь не жалея сил, не ради славы
Все, чем я жил, вложил я в эти главы.

Я на страницах книги говорю,
Как подобает поступать царю.

Как надо строить рать, вступая в войны,
Как отличить ничтожных от достойных.

Любовью и доверием парод
Царю за справедливость воздаст.

О гневе и о милости владык
Есть также слово в этой книге книг.

Писавший книгу с пожеланьем благ
Ее вам дарит как счастливый знак.

Ему в награду ничего не надо:
Молитва ваша — вот его награда.

Ученый муж, создатель этих строк,
Немало исходил путей-дорог.

Покинув род свой, чтоб бродить по свету,
Мир повидав, он начал книгу эту.

Труд завершил он на земле Кашгарской,
За что отмечен был наградой царской.

Мудрец, раскрывший книгу пред владыкой,
Был удостоен милости великой.

Он был одеждой с ханского плеча
Пожалован по воле табгача.

Дал за усердный труд ему и знапья
Хан милосердный хас-Хаджиба звашье.

И звали с той поры и до конца
Юсуфом хас-Хаджибом мудреца.

Теперь о книге должен рассказать я:
Четыре в ней героя и понятия.

Четыре в ней лица, четыре свойства:
В ней Справедливость, Счастье, Ум, Довольство,

Лишь во взаимосвязи этих лиц
Смысл и значение праведных страниц.

В руках у мудрецов перебивало
Арабских и персидских книг немало,

Но эта книга — первая из книг,
В которой тюрки слышат свой язык.

Вот книга эта, в дар ее примите,
Писавшего молитвой помяните.

Я смертен, я навеки ухожу,
Мой час пробьет — и веки я смежу.

Но пусть прозреют тьмы людей далеких,
Читая мной написанные строки.

Бог справедливый, к этим правоверным
И терпеливым будь, и милосердным.

Дай всем — и беднякам, и власть имущим —
И пищу для души, и хлеб насущный.

*Глава говорит о прелести весны и воздает хвалу Богра-хану**

С Востока дует ветер, открывая
Весны дорогу, как дорогу рая.

Прошла пора туманов и ненастья,
Весна взяла свой лук с колчаном счастья,

И кажутся наряднее, чем прежде,
Долины в новой дорогой одежде.

В саду, листвою весеннюю одетом,
Смешалась зелень с розоватым цветом.

Как будто караваны из Китая
Прошли, цветные ткани расстилая.

Ждет пахаря простор полей покорных
С немой мольбой о благодатных зернах.

И обдает нас ветер необычным
И мускусным дыханьем, и гвоздичным.

Вот пролетела стая диких уток,
По небу пролагая первопуток.

Вдали с гортанным криком протекли
Верблюжьим караваном журавли.

Красавиц наших переняв повадки,
Друг друга кличут нежно куропатки.

* Богра-хан — правитель Кашгара, полное имя которого Табгач Кара-Хақан Абду-Али Хасан-ибн-Сулейман-Арслан-Кара-Хақан.

На поле опускается проворный,
Увидевший добычу ворон черный.

И где-то сиротливый соловей
Поет тоскливо о любви своей.

Бывает так, что, брови вдруг нахмуря,
Слезой весна смывает пыль с лазури.

И устремляют взгляд свой удивленный
Цветы на этот мир преображенный.

Весною мир счастливый, не скорбя,
Разглядывает самого себя.

Уверен я, что в это время года
Свои красоты познает природа.

...Все это было нынешней весной,
Заговорила вдруг земля со мной.

— Проснись, — она сказала, — хоть на миг,
Чтоб видеть Богра-хана светлый лик.

Я десять тысяч лет ждала, вдовела,
На белый свет без радости глядела,

Но ныне мне хранитель богом дан —
Великий повелитель Богра-хан.

Согретая надеждой и любовью,
Я сбросила свои одежды вдовьи.

Сверкнула молния, прорезав мрак,
Когда властитель развернул свой стяг.

Поля, когда властитель молвил слово,
Блистаньем молний озарились снова.

Сиянье солнца и ночных светил
Своею славой Богда-хан затмил.

Аллах, дай силы, помоги советом
Тому, кто правит нами в мире этом.

Пусть счастье бека и простолюдина
Цветет в сиянье славы властелина.

Дай хану вместе с тронем счастье, боже,
Ведь трон и счастье не одно и то же.

Пусть счастье, что не всем служить готово,
У ханской двери ожидает зова,

Усердием и добротой своей
Врагов пугая, радуя друзей.

С тех пор как миром хан великий правит,
Мир процветает и владыку славит.

Земля пред ним свои раскрыла недра,
Чтоб все добро он людям роздал щедро.

Цветок в полях, в лесах и зверь, и птица —
Все тянется к владыке и стремится.

Коль хочешь ты увидеть облик счастья,
Пусть примет хан в твоей судьбе участие.

Чтобы увидеть облик доброты,
Приди к нему, взглядишь в его черты.

Захочешь знать, где обитает разум,
Приди к царю внимать его рассказам.

...В числе земных даров тебе на суд,
Читающий, я отдаю свой труд.

Мой скромный дар, но дар непреходящий,
Что назван книгой, счастье приносящей.

Прими бесценный дар мой и прочти,
Его подаркам тленным предпочти.

Знай, быстротечно все, что нам дается,
Навечно только слово остается.

На сих листах владыку я прославил,
Существовать в веках его оставил.

Великий бог, опорю во всем
Для хана будь в пути его земном.

Пусть дождь в стенах посева поливает,
В садах сухое древо оживляет.

Дай хану счастье, озари дорогу,
А недруг сам пусть чахнет понемногу.

Пусть будет хан твоих щедрот орудьем,
Пусть он жпвет, даруя счастье людям,

Пока земля, где смертным жить и тлеть,
Не превратится в огненную медь.

Я, славя бога, начал строки эти:
Он сотворил все сущее на свете.

По воле бога, от его щедрот —
Небесный и земной круговорот.

Предпачертал творец пути вселенной,
Луне и солнцу дал он свет нетленный.

Под звездный кров он землю поместил,
Он день и ночь не равно осветил.

Иные звезды в получном мраке
Горят, как направляющие знаки,

Одни, сияя, служат украшеньем,
Другие зло сулят расположеньем.

Те звезды ярче месяца блистают,
Те еле светятся, те угасают.

Нет в вышине, что только днем лазурна,
Планеты отдаленнее Сатурна.

И в каждом зодиаке нам она
Два года восемь месяцев видна.

Юпитер ярок в ясную погоду,
Бывает в каждом доме он по году.

Мрачна планета Марс, чей грозный вид
Великой засухой земле грозит.

Сияет солнце и своим теплом
Ласкает ночью месяц, Землю — днем.

Когда Венера по утрам сияет,
Нам свет ее удачу предвещает.

Нам говорит Меркурия сиянье
О скором исполнении желанья.

Но всех планет Луна видней и ниже,
И тем она полней, чем к солнцу ближе.

Среди планет блещут в ночном дыму
Созвездья — парно и по одному.

Вдоль солнцепутя средь ночного мрака
Горят двенадцать знаков зодиака.

В небесной мгле соседствует любовно
С созвездием Тельца созвездье Овна.

Созвездье Близнецов, созвездье Рака —
Соседственные знаки зодиака.

А дальше — с головою голова —
Созвездье Девы и созвездье Льва.

Расположились в центре небосклона
Созвездия Весов и Скорпиона.

Созвездья Водолея, Козерога,
Стрельца и Рыбы — далее темного.

По три созвездья зимних и весенних,
По три созвездья летних и осенних.

Для воздуха, огня, воды, земли
По три созвездья светятся вдали.

Между иными звездами всегда
Открытая иль тайная вражда.

Когда встречаются, несясь по кругу,
С враждой они бросаются друг к другу.

С небесной выси падает тогда
И гаснет побежденная звезда.

А если им столкнуться не случилось,
Сменить готовы звезды гнев на милость.

Блещет мир светил, небесных тел,—
Так им аллах судил и повелел.

*Глава говорит о том,
что знания — сокровище рода человеческого*

И создал человека бог единый
Из воздуха, воды, огня и глины.

Бог человеку зренье дал и руки,
Дал ум для постижения науки.

Создатель наш дал человеку слово,
Чтоб он вершиной стал всего земного.

И разум дал, чтоб постигать нам знанья,
Чтобы благие совершать деянья.

Бог дал нам совесть, дал нам стыд, и все ж
Зло укрепилось в нас, вселилась ложь.

Какой избрать нам путь — от нас зависит.
Достойным будь — аллах тебя возвысит.

Напомню слово опытных людей:
«Знай, знающий, разумный, разумей!»

Умом постигнешь ты искусство чтенья,
Потом писать к тебе придет уменье.

Болезнь невежд не вылечат врачи:
Познанием невежество лечи.

Ум — та веревка, что в тяжелый час
Над пропастью удерживает нас.

Быть мудрым и скупцу прямой расчет:
Он выгоду из знаний извлечет.

Мы только с помощью ума и знания
Осуществим заветные желанья.

Глава говорит о свойствах речи

Речь умного, как влага из колодца,
Речь глупого бедой к нему вернется.

Я в многословье видел мало пользы,
От краснобаев не бывало пользы.

Коль хочешь говорить, скажи, но кратко,
Чтоб был в едином слове смысл десятка.

Тебя великим может сделать слово,
А многословье — превратить в смешного.

Пусть, как гранит в руках каменотесов,
Весомой будет суть твоих вопросов.

Невежда слеп и глух, а просвещенье
Глухому дарит слух, слепому — зреньё.

Ты знанья обретишь, себя прославишь,
Ты сам уйдешь, но в мире след оставишь.

Пусть будет твой язык не лжец, не сплетник,
А меж тобой и знающим посредник.

Тем, кто не знает, я скажу по чести:
Язык карают с головою вместе.

Сдержи язык свой, голову жалея:
Чем он смирнее, тем она целее.

Людей грязнит невежда бранью злой,
Злодей болтливый всех чернит хулой.

Для пламени осмысленного слова
Нет, кроме знаний, топлива иного.

Не говори плохого никому,
Когда не враг ты счастью своему.

Оставишь память ты на свете белом
Лишь добрым словом да хорошим делом.

Ты сам умрешь и превратишься в прах,
А слово в чьих-то будет жить устах.

Не для забвенья, а для разуменья
Я оставляю эти наставленья.

Не серебром владея и не златом,—
Владея словом, будешь ты богатым...

Увидеть свет, проникнуть в тайну знания —
Ведь у меня много нет желанья.

Незнание суть — блужданье в темной ночи,
А знание — путь, достойнее всех прочих.

Умом и знанием обретишь по праву
Почет при жизни, после смерти — славу.

Глава говорит о преимуществе хороших поступков

Наш путь известен — жизнь всего лишь сон,
Хоть и чудесен, но недолог он.

Жизнь — это ценность, данная на срок.
Добро содеял — и добро извлек.

В конце концов у всех одна судьба —
Смерть ждет и властелина и раба.

Вставай, верши добро, пока ты в силе,
Не забывай: нам всем лежать в могиле.

Нам только имя навсегда дается,
Уходим мы, но имя остается.

Прославленному имени почет
Мир не одно столетье воздаст

И поминает до скончанья века
Проклятьем имя злого человека.

Что ожидает нас: позор или слава?
При жизни сделать выбор — наше право.

Исчезнем мы, но имя не утратим,
Воскреснем мы хвалою пль проклятьем.

Был прав мудрец, сказав нам в назиданье,
Что не бывает зла без наказанья.

При жизни ль, после смерти,— все равно
Зло человеку будет отмычено.

Зло, что огонь: возникнет на пути —
И путнику его не обойти.

Но, словно пламень, все кругом губя,
Зло пожирает и само себя.

Не делай зла, в подлунном мире сущий —
Кто б ни был ты: бедняк иль власть имущий!

Издравле так бывает — хан ученый
Провозглашает добрые законы.

Среди правителей лишь мудрецы
Для жителей своей земли отцы...

На свете хан ученый жил когда-то.
Его законы были чище злата.

Среди людей, к владыке приближенных,
Мужей не пребывало неученых.

Дорогой знанья вел простой народ,
В чем процветанье видел свой доход.

Довольство бека и простолюдина —
Лишь это было целью властелина.

Он так своими подданными правил,
Что имя навсегда свое прославил.

Все превратится в пыль, но мир навеки
Запомнит быль об этом человеке.

Он, пережив свой прах, живет в веках
На сих листах и на людских устах.

Мудрец бессмертью служит светом знаний,
А что глупец заслужит, кроме брани?

Вот что сказал нам человек один,
Что мудрым стал, доживши до седи:

«Невежда, сидя на высоком месте,
Высокий сан низводит до бесчестья,

А мудрый муж, сидящий к двери близко,
Возвысит место, хоть оно и низко».

Где б место ни было отведено,
Мудрец его украсит все равно.

Известны мне два вида благородства:
Меж мудростью и властью вижу сходство.

Правитель даст закон, ученый — знания.
Деянья их достойны подражания.

Правитель, твой закон — первооснова,
Спасительно твое, мыслитель, слово!

Порой бывает, что слова ученых
Сильней царей, сильней земных законов.

Я славлю слово, что, избегнув тленья,
Переживет людские поколения.

Коль молвит слово тот, кто был безгласен,
Поверю я, что труд мой не напрасен.

Пусть люди, для которых я предтеча,
Продолжат речь мою своею речью.

Владенье словом — дар едва ль не лучший,
Присловье вспомнить я могу на случай:

«Сиянье глаз — краса лица любого,
Речь — цвет ума, и сила речи — слово».

И как прекрасно слово мудреца
В согласье с выражением лица.

...Я рассказал о свойствах благородства,
Ума и власти я подметил сходство.

Блаженны люди той земли, где, к счастью,
Соединился ум владыки с властью.

Я повторю, хоть это и старо:
«От разума рождает власть добро».

*Глава говорит о том, каким должен быть
правитель, достойный власти*

Промолвил Огдулмыш: «О мой элик,
Поговорим о качествах владык.

Чтоб быть достойным своего господства,
Необходимо хану благородство.

Своим отцам и праотцам подобен
Пусть будет властелин высокороден.

Чтобы страну управлять с умом,
Властитель должен обладать умом.

У глупых приближенные — льстецы,
У мудрых властелинов — мудрецы.

К властителю, что разумом богат,
Все тянется и все благоволят».

Сказал мудрец: «Властителю страны
Различные способности нужны.

Мы — внуки Евы — все без исключения
Бываем неразумны от рожденья.

Лишь взрослым став, признание и почет,
Постыгнув знания, каждый обретет.

Пусть властелин, чтоб быть ему счастливым,
И справедливым будет, и правдивым.

Пусть будет хан, которому мы служим,
В своем народе самым мудрым мужем.

Берущий мало, но дающий много,
Пусть будет он таким — избранник бога,

Чтоб власть владыки с самого начала
Добро и справедливость порождала.

Владыке нужен ум, чтобы умело
Он краем управлял со знанием дела,

Чтоб он не восполнял нам в наказанье
Жестокосердьем скудость дарованья.

От зла, от заблужденья и коварства —
Ум властелина верное лекарство.

Немудрость хана — этот недостаток —
Ввергает всю страну его в упадок.

А мудрому владыке государства
Открыты оба мира, оба царства.

Давно сказал поэт нам в наставленье:
«Познание себя — равно прозренью!»

А совершенство — это наша суть,
Когда она к добру находит путь!»

Пусть все берет властитель от щедрот,
Которые сей мир ему дает,

Но, принимая благо — дар земной, —
Пусть все же помнит он про мир иной.

Свет и добро, без коего мы нищи,
Необходимы нам не меньше нищи.

И не бывало, чтобы обошло
Возмездье тех, кто совершает зло.

Когда владыкой правят силы зла,
В его стране не ладятся дела.

Злой человек себе наносит вред,
И умный, он глупеет с юных лет.

Злость человека — этот тяжкий грех —
Страшней для сильных мира, чем для всех.

Свет ханов, добротою одаренных,
Ложится также и на приближенных.

- Когда небезупречна совесть хапа,
Дела его черны и речь обманна.

Пусть властелин себе и всем во благо,
Не осмотрясь, не делает ни шага.

Все взвешивай, всегда собой владей.
Гневливость — признак глупости людей.

Будь сдержан, будь степенен и спеша
Лишь с делом во спасение души!

Пусть тот, кто избран богом всеблагим,
Не прослышет ни жадным, ни скуным.

Обычный человек поест — и сыт,
А жадный взять побольше воровит.

Он, ненасытный, все сгребает в рот,
Покуда смерть его не приберет.

Как жадный сын Адама ни богат,
Всеалчущий, он ничему не рад.

Ученые больших и малых царств
От жадности не могут дать лекарств.

Даритель счастья, немощи целитель,
Пусть обладает совестью правитель.

Пусть совесть хана — сей врожденный стыд —
Ему ко злу дорогу преградит.

Тому решает даровать почет,
Тому сначала стыд аллах дает.

Владыка, что словам своим невереп,
Для сердца подданных своих потерян.

Несправедливость хана, лживость власти —
Причина неудач и всех несчастий.

Как полагаться на такого хана,
Чей ум несправедлив, а речь обманна.

Чтобы правлению хана быть счастливым,
Пусть будет сам владыка прозорливым.

Пусть никогда не забывает он,
Что меч над головою запесен,

Что все пути опасности таят,
И что в иных речах таится яд.

Пусть помнит хан — велик он или слаб, —
Что, властелин людей, он божий раб

И что успех ему сулит дорога,
Намеченная по веленью бога.

Будь милосерден к своему народу,
С усердием служи ему в угоду.

Пока ты жив, пока вершишь дела,
Будь справедлив, не делай людям зла.

Отсутствие в правителе коварства —
Залог удач и процветанья царства.

У ханов справедливых под рукой
Распространится счастье и покой.

Кто от рожденья ненавидит зло,
Живет счастливо и умрет светло.

Вот что я мог тебе сказать, элик,
О свойствах и о качествах владык».

*Глава говорит о том, каким должен быть муж,
назначаемый посланником*

«Неторопясь, элик, решай дела
При назначеньи нового посла.

Пусть вступит на чужие берега
Достойный божий раб и твой слуга.

Ему нелегкий путь предуготован,
Пусть будет он умен и образован,

Чтоб все твои дела в краях чужих
Он возвышал своим участием в них.

Пусть будет твой посол не чужд уловок,
Владея словом, пусть он будет ловок,

И подтвердить пусть будет он готов
Улыбкою своей правдивость слов.

Но пусть, слова обдумывая чьи-то,
Он понимает, что за ними скрыто.

В чужих краях, элик, твои дела
Зависят от способности посла.

...Твой подданный, что к золоту стремится,
Для должности посольской не годится.

Бедняк, кому до золота нет дела,
Богаче тех, кем жадность овладела.

Людей, которых жадность победила,
От жадности избавит лишь могила.

Довольного среди жадных не бывало:
Чем ни владел бы он — ему все мало.

Мне хочется напомнить изречение,
Дарующее людям утешенье:

«Бедняк, довольный жизнью, — властелин,
А жадный шах — себе не господин.

Иной богач у скупости во власти
Бедней раба, что выше этой страсти.

Кто хочет стать поистине богатым,
Овладевает знаньем, а не златом».

...Пусть будет твой посол добросердечен,
Умом и бескорыстием отмечен,

И скромность в довершение всего
Пусть будет украшением его,

Чтоб с ним никто не избегал сближенья
И не терял, сближаясь, уваженья.

Пусть принимает твой посол участие
В судьбе друзей, в том обретая счастье.

Я повторю: лишь доброта и знания
Приводят к исполнению желанья.

Пусть тот, кого назначишь ты послом,
Каким-нибудь владеет ремеслом,

Пусть в нем живет любовь к письму и чтению,
Пусть отдает он дань стихосложению,

Пусть не жалеет времени и сил
На изучение почных светил.

Пусть уделяет должное вниманье
Искусству знахарства и врачеванья.

Пусть в шахматы играет он и в кости
И развлекает проходящих в гости.

Пусть будет он наездником, стрелком,
Охоты соколиной знатоком.

Пусть многих языков владея знаньем,
Он будет дружен и с правописаньем.

Когда хорош посланник властелина,
Для радости владыки есть причина.

Меж тем как глупый и плохой посол —
Источник многих бед и многих зол.

Посланник всеми свойствами своими
Твое чернит иль возвышает имя.

И тот, кто будет у тебя в послах,
Пусть говорит на разных языках,

Но помнит, что уменье что-то скрыть
Порой ценней уменья говорить.

Достигнув без труда любых высот,
Мудрец при жизни обретет почет.

А человек, рожденный бесталанным,
Дожив свой век, уходит безымянным.

...Пусть тем мужам, кто любит пить вино,
Послами стать не будет суждено.

Напомню то, что всем давно известно:
Любовь к вину и верность не совместны.

И скромные в хмелю не знают меры,
Для пьяного ни долга нет, ни веры.

Порой, когда хмельная голова,
Слетают с языка не те слова,

Вытягивает из людей вино
Наружу то, что скрытым быть должно.

Мудрец глупеет от любви к вину.
Глупец еще быстрее идет ко дну...

Пусть тот, кого пошлешь ты с важным делом,
Прекрасен будет и душой и телом.

Я повторю: назначь послом такого,
Который обладал бы даром слова:

И злого человека сладкой речью
Располагаем мы к мягкосердечью.

Речь — это меч посла; и если в деле
Она остра — посол достигнет цели.

...Так отыщи достойного и смело
Ты поручи ему любое дело.

Пошли его, доверья не тая,
В далекие и в близкие края».

Услышав эту речь, сказал элик:
— Все то, что ты поведал, я постиг!

Глава говорит о том, каким должен быть писец

Чтобы слова владык служили благу,
Слова должны быть вписаны в бумагу.

Чтоб становилась мысль владык законом,
Писец всегда пусть будет рядом с троном.

Все, что узнает,— много иль немного,—
Писец пусть в тайне сохраняет строго.

Писец словом обмолвится случайным,
И станет явным все, что было тайным.

Как ты ни будешь тайн своих хранить,
Двум людям должен тайны ты открыть.

Визирь и писарь — вот они, те лица,
Которым ты не можешь не открыться.

Но чтоб властитель доверять им мог,
Пусть будет на устах у них замок.

Слетают с уст бездумные слова,
А с плеч потом слетает голова.

Нам правило мудрейшее из правил
Один достойный властелин оставил:

«О вы, писцы, чьи так проворны перья,
Достойны будьте чести и доверья.

Исходят с губ то пламя, то вода.
От слов бывает благо и беда.

Коль слово станет влагой — добрый исход
От слова сокровенного взойдет.

По говорящих и самих живьем
Сжигает слово, ставшее огнем».

У тех из нас, кто истинный мудрец,
Хранятся тайны в глубине сердец.

Держи, мудрец, что знаешь, под замком,
Что разболтаешь, не вернешь потом

Будь молчалив, как мудрые мужи.
Язык всегда на привязи держи.

Чтобы писец, как надо, делал дело,
Во-первых, должен он писать умело,

Быть внимательным, понимать во многом,
А также обладать красивым слогом,

Он должен руку плавную иметь,
Из речи выбрать главное уметь.

Что пишут понимающей рукой,
Дарует и читающим покой.

Писец, что при дворе служить привык,—
Рука правителя, его язык.

Законы, указующие речи,
Ты изречешь, писец увековечит.

Того, что начертает на листах,
Года не могут превратить во прах.

Не напиши писец разумных строк,
Читающий что прочитать бы мог?

Кто б знал, как правил хан и что с ним стало,
Когда б об этом грамот не осталось?

Когда б на свете не было письма,
Была бы жизнь затруднена весьма.

Как бы страна общалась со страной?
Они бы друг на друга шли войной.

Любому повелителю страны
Три основных служителя нужны:

Визирь-мудрец, слуга правопорядка.
Писец, что пишет правильно и гладко,

И, наконец, стране необходим
Воитель, славный мужеством своим.

Визирь-мудрец совет подаст владыке,
Писец распространит указ владыки,

Воитель армию направит в бой,
И склонится пред нею враг любой.

Коль эти трое действуют едино,
Благополучно царство властелина,

Поскольку в царстве весь иной народ
За этими тремя вослед идет.

Мечом владенья можно укрепить,
Пером порядок в них установить.

И мудрость шаха в том, чтоб знать, где нужно
Употреблять перо, а где оружие.

Стекает кровь с меча — страна растет.
Стекает тушь с пера — казна растет.

Но если выбор есть — зло иль добро,
Мечу должны мы предпочесть перо.

Писец пусть будет суеты лишен,
Пусть будет мудр и жизнью улажен,

И, озаренный светом высших истин,
Пусть будет он богат, но бескорыстен,

Когда корысть писцом руководит,
Не знает дела он, теряет стыд.

Такой не думает о том, что пишет.
Звон серебра — он только это слышит.

В корысти не щадя вичьих голов,
Лишится он своей в конце концов.

Писец, что пьет, для дела не годится.
Он пишет, а в глазах его двоится.

Писец владыке истинный слуга,
Когда писцу лишь служба дорога.

Когда он, перья заострив с любовью,
Всегда стоит у двери наготове.

Лишь службу выполнять ему дано.
Не курит он табак, не пьет вино.

Слуге такому не жалея щедрот,
Пусть в час любой писец к тебе войдет.

Пред ним пошире двери отвори,
Почти доверьем, гнев свой усмири.

Писец, он облегчит твое правленье,
А ты вознагради его служенье.

Глава говорит о качествах необходимых казначею

Сгубило золото немало душ.
Быть казначеем должен стойкий муж.

Ведь надо для запястья этим делом,
Чтобы собой, как числами, владел он.

Услышать можно от много мужа:
Прекрасна жизнь, но золото не хуже!

О золото, его чресылен гнет,
Оно и негиббемого гнет.

И тот, кто кажется непоколебим,
Порой не может устоять пред ним.

Иной в душе корыстолюбною враг,
А золото увидел — и размяк.

Кто перед властью золота спокоен,
Тот называться праведным достоин.

Пусть казначей страшится гнева бога,
Пусть сам себя за слабость судит строго.

Пусть для него не будет незаметным
Раздел меж разрешенным и запретным.

Пусть отличает доброе от злого,
Свое добро от золота чужого.

Пусть казначей не будет бедняком,
Пусть будет с блеском золота знаком.

Для тех, кто с детства к золоту привык,
Соблазн разбогатеть не столь велик.

Когда бы человек боялся бога,
Была бы праведной его дорога.

О праведность! Она превыше злата,
И нищий с нею будет жить богато.

Будь праведным — не будешь знать сомнений,
Тем лучше мир, чем сам ты совершенней.

Будь добрым, справедливым и правдивым,
Ведь быть таким и значит быть счастливым.

Для казначейства нужен муж достойный,
Чтоб совесть у него была спокойной.

Пусть казначей не будет чужд стыда:
Стыд для плохого помысла — узда.

Пусть опекает тот твою казну,
Кто не питает слабости к вину.

Владеть казною пьющий не сумеет:
Он и самим собою не владеет.

Казну он разбазарит, наградив
И тех, кто плох, и тех, кто перадив.

Скупцами казначей быть должны,
Их скупость — неподкупный страж казны.

Пусть будет хапским казначеем тот,
Кто знает счет и счет всему ведет,

Приход, расход — все в книги занесет,
Проставит месяц, и число, и год.

Хоть память крепкая — большое благо,
Но все ж надежней памяти бумага.

Пусть он постигнет тонкую науку —
Уменье разбирать любую руку.

Пусть будет он разумен, ибо разум
Увидит то, что не увидишь глазом.

Мудрец, что понял суть явлений разных,
Противится успешнее соблазнам.

Ум — это шах, он за собой ведет
Семь наших чувств — они его народ.

Обычно в людях широта души —
Едва ль не лучшая черта души.

Молю я, как о милости большой,
Чтоб не был казначей широк душой.

Тому, кто ведает добром чужим,
Полезней быть не щедрым, а скупым.

Пусть и в торговле будет он скупцом,
Чтоб потягаться мог с любым купцом,

Давая что-то или же беря,
Пусть казначей не горячится зря.

Пусть расточает мед его язык,
Будь собеседник жалок иль велик.

Пусть казначей спешит долги отдать,
Чтоб мог занять когда-нибудь опять.

Не возвращая вовремя долгов,
Друзей мы превращаем во врагов.

Сынам своей или чужой земли
Того, что дать не можешь, не сули.

А если посулил — отдай сполна:
Доверие ценнее, чем казна.

Твоим казнодержатель платит слугам,
Пусть он их награждает по заслугам.

Ведь если он нечестеп, вороват,
Они тебе служить не захотят.

Терпя несправедливость от казны,
Они тебя осудят без вины.

Найди же казначея, чтобы он
Был и умен, и честен, и учеп.

И если он доверия достоин,
Вручи ему казну и будь спокоен.

*Одгурмыш говорит Оддулмышу
о печалях и пороках этого мира*

Считает истиной весь белый свет:
«В том, что любимо, недостатков нет!»

Ты ослеплен и, слепо жизнь любя,
Считаешь светлым все вокруг себя.

Так недостатки друг прощает другу
И даже ставит их ему в заслугу.

А я не ослеплен и, может быть,
Смогу тебе на мир глаза открыть.

Вкусила Ева сладкий плод познания
И в этот мир попала в наказание.

Чего ж нам ждать от мира, если он
Как некая темница сотворен?

Какого счастья ждем мы от темницы,
Где нам с тобой случилось очутиться,

Где люди весь свой век страдать должны
Во искушение чужой вины?

А если так, чем этот мир хорош,
Какое счастье в нем ты обретешь?

Все то, что счастьем кажется на вид,
От истинного счастья отдалит,

От высшей правды отдалит тебя,
Гордыней лишь обогатит тебя.

Со дня рожденья смерть таится в нас
И ждет, когда ее настанет час.

В подлуином мире, в мире суеты,
Что, проходящий путник, ищешь ты?

Ты в этот мир пришел и бос и гол,
Покинешь мир таким же, как пришел.

Двух врат не избежать земных:
В одних воротах — жизнь, а смерть — в других.

И тот, кто через первые пройдет,
Не сможет обойти вторых ворот.

Жизнь схожа с тенью: не догонишь тень,
Хоть гонишься за ней весь божий день,

А если от нее бежишь ты сам,
Тень за тобою мчится по пятам.

Кто жизнью дорожит, тех губит жизнь,
Кто от нее бежит, тех любит жизнь.

Свое лицо она сурьмит, блудница,
Как женщина, завлечь тебя стремится.

Мы за красавицей бежим стремглав —
И вдруг старуху ловим за рукав.

Есть среди благ земных три вида разных
Благ: чистых, и печистых, и неясных.

Все чистые одною схожи мётюй:
Мы, люди, их не ценим в жизни этой.

Печистые в том мире ждут расплаты,
Здесь муками неясные чреваты.

Подарит жизнь тебе счастливый год,
Но он уйдёт и счастье унесет.

Ведь радость — это дерево, и жаль,
Что корень всякой радости — печаль.

Что говорит о мире Прозорливый:
«Плох этот мир, неверный он и лживый!»

В нем все увянет, что ни зацветет,
Мы, люди, нищи от его щедрот!»

Уходит жизнь быстрее что ни час,
Приходит смерть, чтоб поселиться в нас.

Наступит уходящему конец,
О приходящем думает мудрец.

Умно ли строить на дороге дом,
Обзаводиться путнику добром?

Мы здесь прохожие, и край земной
Лишь караван-сарай для нас с тобой.

Соблазнами он смертных искупал,
Чтоб превратить в торговцев и менял.

Но то, что мир сулил тебе и мне,—
Приманкой было в птичьей западне.

Людская жадность — пагубная страсть,
Нам в западню не мудрено попасть.

Мы видим только лакомый кусок,
Ловца не видя, мы летим в силок.

Есть у людей три радости земных:
Обилье пищи — первая из них,

Здоровье — вот для нас вторая радость,
Любовь — последняя земная радость.

Но люди неумеренны в еде:
Приводит радость первая к беде.

Обильная еда содержит яд,
Недуг — посланник смерти, гонят.

Посланник этот к нам приходит вскоре,
И снова радость переходит в горе.

За радости любви — любви земной —
Мы тоже платим дорогой ценой.

Родятся дети, и пойдут заботы,
На этом свете нас согнут заботы.

Как видишь, в этом мире счастья мало,
И все, что сладко, сладко лишь сначала.

Так в чем блаженство мира твоего,
Когда печальны радости его?

...Для смертного богатство — злейший враг,
Ты в этот мир пришел и бос и паг.

Все блага, все имущество земное —
Подарки недруга, не что иное.

Послушай, друг мой, слово мудреца,
Он говорит: «Желаньям нет конца.

Коль овладел ты всем, чего хотел,
Ты вновь чего-то хочешь; где ж предел?»

Богатство мог бы я сравнить с конем —
Пока он лёгок, ты летишь на нем.

Но конь ленив, когда не в меру сыт,
Хозяина он сбросит поровит.

Богатство с гончим псом сравнил мудрец:
Поджарый пес — помощник и ловец.

Но если пес раскормлен — проку нет:
Ложится он в траву, теряет след.

Твой сытый пес не годен ни к чему,
Не он тебе слуга, а ты ему.

...Сегодня жив ты, можешь пить и есть,
А завтра жив ты будешь ли? Бог весть!

За эту жизнь цепляться для чего?
На женщин хватит часа одного.

Чтоб погасить свою слепую страсть,
Не все равно ли, к чьим губам припасть?

Чтоб ты ни ел: халву или пшено,
Чем насыщаться, чреву все равно.

И чем бы ни насытился вчера,
Сегодня вновь ты голоден с утра.

Послушай, что об этом обо всем
Сказал бедняк, богатый лишь умом:

«Ты сахар ешь — я хлеб вчерашний ем,
Я бос и гол, а ты владеешь всем.

Богатство ты собрал, но пробил час,
Далекий путь зовет обоих нас,

И надобны в пути доска одна
Да два куска простого полотна.

Мы на земле богаты и бедны,
А под землей для смерти все равны».

Богатство как соленая вода:
Мы пьем и не напьемся никогда.

Похожи люди на сухой песок.
Он поглощает дождь, а все не впрок».

Людская жизнь, что искра, что звезда,
Мелькнет на миг, погаснет навсегда,

Что говорит умнейший из людей,
Хозяин, а не раб своих страстей:

«Достойным оставайся, человек!
Богатству не сдавайся, человек.

Твоя душа, как жертва святотатства,
Легко погибнет под ножом богатства!»

Тебя богатство, заманив в свой круг,
Окрутит паутиной, как паук,

И знанье не найдет к тебе пути:
Ему сквозь паутину не пройти.

Таков наш мир, что населен людьми...
Все, что сказал я, правильно пойми.

Глава говорит о том, как надо обходиться с учеными

Есть на земле сословие ученых,
Что поучает нас, непросвященных.

Нам мудрецы указывают путь,
Их добрым словом надо помянуть.

То, что тебе в их знаниях еродит,
По мере сил пойми и примени.

Наш мир украшен разумом ученых,
Их знанья — корень праведных законов.

Не будь у нас ученых мудрецов,
Зачахла бы земля в конце концов.

Их знанья — светоч; если он зажжен,
Твой путь среди ночи светом озарен.

Отдай ученым все добро свое,
Поставь для них еду, поставь питье.

Мы стадо — и не боле, а мудрец
Ведет нас полем, как чабан овец.

Дружи с ним, дорожи его советом
В мирах обоих: в мире том и этом.

Глава говорит о том, как надо обходиться с врачами

Есть среди мужей, чьи безграничны знания,
Врачи, что облегчают нам страдания.

Среди мудрецов целители болезней
Других ученых, может быть, полезней.

Болезнь, что к нам является передко,
Опасна тем, что смерть ее соседка.

Болезнь, коль ей страдает человек,
Его короткий сокращает век.

Болезнь коварна, по ее коварство
Обезоружит лекарь и лекарство.

Порой приводит полумертвых в чувство
Целителей великое искусство.

Будь благодарен этому сословию.
Труд лекарей вознагради любовью.

Глава говорит о том, как надо обращаться с поэтами

Теперь к поэтам обратим мы взгляд:
Они людей возносят и хулят.

Созвучьями оковавшая речь
Тонка, что волос, и остра, что меч.

Прекрасен стих, но чтоб судить об этом,
Я дам тебе совет: внемли поэтам.

Богатство моря — жемчуг и коралл —
Тот не добыл, кто в волцы не пырлял.

Больших людей поэт хулой ославит
И незаметных похвалой прославит.

Хоть скромненький сочинитель, хоть велик,
Не вешай камня на его язык.

Пусть будут все дела твои светлы,
И ты его заслуживши похвалы.

Пойми поэта, грусть его и боль,
Все дай ему и все ему дозволю.

Когда его правдива будет речь,
Ты сможешь пользу из нее извлечь.

*Глава говорит о том,
как надо обращаться с земледельцами*

Нас кормит землепашцев честный труд,
Хоть это бедный и безвестный люд.

Они на поле проливают пот,
Чтоб мы не знали горя и забот.

Чтоб мы страданий голода не знали,
Они живут в страданье и печали.

Они весь век свой пашут, полют, сеют,
Утробы наши холят и лелеют.

Будь с землепашцами всегда хорош:
Ты их преуспевавшим живешь.

Будь добр и честен с этими людьми,
Их простоту в пример себе возьми.

Мудрец, что в правоте своей уверен,
Дает совет нам: «Будь во всем умерен!»

Коль хочешь ты чего-нибудь добиться,
Желаниям своим найди границы.

От грязи душу береги и тело,
Чтоб порча и тобой не овладела.

Старайся обходить земную грязь,
Не знайся с тем, в ком порча завелась.

По есть ли человек честней и чище,
Чем пахарь, что людей снабжает пищей

И, не жалея, людям раздает
Все, что от божьих получил щедрот.

Хоть пахарь прост, пред ним, неименитым,
Держи всегда лицо свое открытым.

Глава говорит о том, как надо обращаться с бедняками

О бедняках поговорить пора,
Для бедняков ты не жалея добра.

Будь простодушен с бедными людьми,
Коль накормить их можешь — накорми!

За все, что сделал им, они стократ
Молитвою тебя вознаградят.

Дай пищу бедным, предоставь им кров:
Молитва их ценней твоих даров.

Не тот, кому мы дарим серебро,—
Аллах нас награждает за добро.

Коль бедный человек — проситель твой —
Пришел к тебе с поникшей головой

И он от твоего зависит слова,
Ты с ним не разговаривай сурово.

Коль будешь ты для бедняков хорош,
В мирах обоих счастье обретишь.

Глава говорит о женитьбе

Подумай перед тем, как брать жену,
Какую должен ты искать жену.

Ищи такую, чтоб была она
Умна, и домовита, и скромна.

Чтоб взгляд и юноши и старика
Пленился ею лишь издалека.

Чтоб для нее до смерти неминучей
Ты был единственный, а значит — лучший.

Подумай также, какова семья,
Где родилась избранница твоя.

За громким именем не стоит гнаться,
Ведь именем жены тебе не зваться.

Послушай слово мудрого и делай,
Как говорит он, опытный и зрелый:

«Ищи невесту, у которой гладки
Не столь бока и щеки, сколь повадки,

Чтоб не черты лица, черты души
У нареченной были хороши».

Что для мужчины может быть соблазном?
Одни пленятся обликом прекрасным,

Другие знатных выбирают в жены,
Женились на богатых третьи склонны.

Четвертые хотят, чтобы жена
Была чистосердечна и скромна.

Ты хочешь знать, кто прав из них, кто нет,
Послушайся, я дам тебе совет:

Тот, кто нашел богатую жену,
До смерти будет у жены в плену.

Богатая на мужа-бедняка
Смотреть все время будет свысока.

Браниться будет, попрекать со зла,
Считать, что мужа в слуги напяла.

Мне жаль мужей, которые должны
Склоняться перед именем жены.

Высокородством гордая жена
Всегда с безродным мужем холодна.

Всю жизнь он будет хмур, его судьба —
Быть при жене смиреннее раба.

Несчастен муж красавицы жены —
Он желт лицом, года его черны.

Ценитель красоты не он один,
Ведь есть глаза и у других мужчин.

Он будет, бедный, до скончания дней
Не муж своей жены, а страж при ней.

С женой своею будет счастлив тот,
Кто честность в ней и доброту найдет.

Пусть красотой не славится она —
Душой красавица твоя жена.

Чванливой ты не угождал родне,
Высокородства не искал в жене.

Но честь и добродетели ее
Возвысят имя скромное твое.

Не гнался за богатою женой,
Не торговался ты с ее родней,

И все-таки богатство может быть:
Жена тебе поможет накопить.

И если ты богат такой женой,
Считай, что четырех нашел в одной.

*Глава говорит о том, как надо воспитывать сына и дочь,
если они родятся*

Когда в семье ребенок народится,
Не надо понапрасну суетиться.

Для дома, для ухода за детьми
Из чистоплотных женщину возьми.

Учи детей приличью, знаниям, коих
Им бы хватило для миров обоих.

Дай сыну в руки знанье ремесла,
Чтоб горя жизнь ему не принесла.

Пусть он не будет по отцовской воле
Пикчемным, как невспаханное поле.

Мне время подошло свернуть с пути,
Чтоб речь на дочерей перевести.

Тебе судьба могла бы сделать милость,
Чтоб вовсе дочь на свет не появилась.

А если небо дарит дочерей,
Пусть забирает их земля скорей.

Для них могильный камень до сих пор
Единственный надежный был запор.

Коль в доме дочь — недалеко беда:
Держи ворота на замке всегда.

Все дочери купи, но не дай бог,
Чтобы она глядела за порог.

Ведь говорят: не пожелает разум,
Чего своим мы не увидим глазом.

Запри ворота, ставни опусти:
Девичам жить полезно взаперти.

Блюди их честь, пусть не теряют чести,
Усевшись пить и есть со всеми вместе.

Чтоб им не знать сомнений и соблазнов,
Пусть избегают развлечений праздных.

Одна у женщин добродетель есть —
Она их незапятнанная честь.

Садовник куст сажает и растит,
Плод созревает, смотришь — ядовит.

Что говорить, когда в мудрены —
Порою несчастливые отцы.

И нам с тобою сосчитать едва ли
Мужчин, чей разум жены иссушали.

Беречь не просто дочерей своих:
Пусть небеса оберегают их!

*Глава говорит о том, как приглашать в гости
и как принимать приглашение*

Когда гостей решил пригласить,
Подумай, что им есть и что им пить.

Питье и яства приготовь искусно,
Чтоб угощенье выглядело вкусно.

Пусть чистотою улаждают взор
И скатерть, и посуда, и ковер.

Зовя гостей, не позабудь кого-то,
Придет он или нет — его забота.

Но не позвал кого-нибудь — беда,
Обида не простится никогда.

Обида долговечней человека,
Ее загладить не хватает века...

Гостей в свой дом введи и друг за другом
Всех рассади по чести и заслугам.

Следи, чтобы еда не иссякала,
Подай еще, коль остается мало.

Пьет человек — еще ему налей,
Есть человек — еды не пожалей!

Пусть будет для гостей всего в избытке,
Там, где еда, пусть будут и напитки.

Когда кувшина рядом нет с едой,
Она и ядом станет, и бедой.

Еще не пожалей для приглашенных
Сластей, плодов, и свежих, и сушеных.

Когда устанут гости пить и есть,
Дверь отвори, благодари за честь.

Пусть каждый гость — простой ли, именитый —
Идет домой довольный всем и сытый.

Неоднороден человеческий род.
Средь тех, кто в гости зван и кто зовет,

Бывают люди самых разных правил;
Я кратко описание составил:

Одни и принимает приглашение,
И жадно поглощает угощение,

А сам, глядишь, гостей он не зовет:
Какой от них барыш? Какой доход?

Другой, как говорят, наоборот:
Сам ходит к людям и к себе зовет.

А третий, этот в гости не ходок:
Он сам себе хозяин и едок.

Не то чтоб не любил он пировать,
Он к нам не ходит, чтоб к себе не звать.

Четвертый только дома ест и пьет,
Но кто живет окрест, он всех зовет.

Все, чем владеет сам, все, чем богат,
Он дорогим гостям поставить рад.

Вы спросите меня, чье поведение
Заслуживает мудрых одобренье?

Я вам отвечу: всех разумней тот,
Кто всюду в меру ест и в меру пьет.

...Сидящий на пиру, имей в виду,
Будь сдержан, не кидайся на еду.

Несдержанность — причина всех болезней,
Умеренность для нас всего полезней.

Ученый, облегчающий страданья,
Однажды так сказал нам в назиданье:

«Болезни все — а их на свете много —
Приходят к нам в нутро одной дорогой.

Обжорство, жадность — вот твои враги.
Быть хочешь в силе — чрево береги!»

Как есть и пить и как вести себя —
Все, что я знал, сказал тебе любя.

Не позабудь: нам, людям, жить с людьми,
Глупцом не будь и мой совет прими!

*Глава говорит о раскаянии
по поводу дурно проведенной жизни*

Смотрящий видит, ведающий знает —
Бессмертен мир, где смертный умирает.

И око уходящего смеется
Над теми, кто на свете остается.

Существовало разных стран немало,
Но время их давно с землей сровняло.

Немало было городов, родов,
От коих не осталось и следов.

Где грозный тот правитель, кто считал,
Что край, ему принадлежащий, мал?

Он, покоривший сто земель в сраженье,
Взял во владенье только три сажени.

Где тот великий воин, тот тиран,
Кто землю полил кровью мусульман?

Владыка, землю бросивший во тьму,
Лежит в земле, не страшный никому.

Давно забыт и грозный властелин,
Мечтавший всей землей владеть один.

Земля, которую он сжег дотла,
Его в свою утробу припяла.

Богатство мира спрятать в свой ларец
Мечтал скупец, где он теперь, глупец?

Ушел богач в те дальние места,
Где нужно только два куска холста.

Таков наш мир, его постигни суть,
Чтоб истины ворота распахнуть.

Чем ты живешь — страданье и покой,—
Все пролетит, все снимет как рукой.

Послушай, что сказал нам человек,
Страдавший и терпевший весь свой век:

«Ты, жаждущий веселья, веселись!
Перед страданьем, страждущий, смиришься!

И помни: если проявить терпенье,
Страданье превратится в наслажденье!..»

...Мудрец, на мир сегодняшний взгляни:
Глупец в почете — знающий в тени.

Все в мире лживо, и на горе всем
Невежество болтливо, разум нем.

Тот, кто вина не пьет, скупцом слывет.
Тот, кто посты блюдет, глупцом слывет.

Все чистое исчезло; грязь одна
Вдруг на поверхность поднялась со дна.

Что стало с миром: он нечист и лжив.
Кто в мире справедлив и кто правдив?

Мысль говорящих слишком далека
От слова, что слетает с языка.

Пришла на смену правде осторожность,
На смену верности — благонадежность.

Не приложу ума, что с миром стало:
Благонадежных тьма — надежных мало.

Усердные затмили милосердных,
Прятели друзей сменили верных.

Кто встать поближе норовит к тебе,
Тот не в глаза — в карман глядит тебе.

«Доверие» — теперь пустое слово,
А «недоверие» — первооснова.

Уже давным-давно на свете нет
Людей, что божий помнили запрет.

К купцам и к тем утрачено доверье,
Художники в свой дом закрыли двери.

Ученый, хоть и прав, но он молчит.
Честь потеряв, забыли жены стыд.

Не совесть правит нами, не добро,
Тот в славе, в чьем кармане серебро.

Забыл народ молитвы и посты,
Мечетей мало, да и те пусты.

Был прав один мыслитель безупречный,
Сказав про этот мир недолговечный:

«В наш темный век в ком справедливость есть?
Где человек, в ком сохранилась честь?»

На свете много зла, и очень мало
Людей, кого бы это удивляло!»

Честь не криклива, доброта тиха,
Но слышен голос злобы и греха.

Молчат мужи — законов знатоки;
Сердца их тверды, мягки языки.

Жизнь — коротка, но в ней длинна тоска,
Убила счастье жадности рука.

Утешить бедных, приласкать сирот —
Кому такое в голову придет?

Кто помогает старикам и вдовам,
Коль слово «старость» стало бранным словом!

Наверное, был прав седой мудрец,
Сказав, что мира близится конец...

Читающий, читай хоть понемпогу
Мои слова, а мне пора в дорогу.

Жизнь эта может быть в какой-то мере
Частица той — она ее преддверье.

Ты выбери себе достойный путь,
Исполни долг и мстительным не будь!

Я сделал все, свое сказал я слово
Для блага всех, ни для чего иного.

Я не искал ни злата, ни похвал,
Свое прославить имя не мечтал,

Ночей не спал я, слеп над этим списком,
Речь обращал я к вам — к чужим и близким,

Чтоб вы, нелегкий труд мой оценя,
Усердно помолился за меня!

Все строки этой книги от начала
Шептал язык мой, а рука писала.

Когда прочтете вы сии слова,
Язык мой будет нем, рука — мертва.

Я покидаю мир, где годы прожил,
Пусть мне земля отныне будет ложем.

А ты, читающий, не позабудь
Меня сердечным словом помянуть.

О господи, услышь мою мольбу,
Будь милосерден к своему рабу!

Грешил я, осквернял и дух и плоть,
Но я ведь только червь, а ты господь.

Я жалкий раб, не знающий пути,
Но ты, Прощающий, меня прости!

Мой край от Запада и до Востока,
Аллах великий, не карай жестоко!

У грешных душ, погрязших в заблужденье,
Не отнимай надежду на спасенье.

Я грешен был, и мне гореть в огне,
Будь, Справедливый, справедлив ко мне!

Прости грехи моим единоверцам,
К ним не всегда я шел с открытым сердцем.

Был добрым, справедливым не для всех,
Прости и этот мой великий грех!

ЧЕТВЕРОСТИШИЯ

* * *

Иду я, как в бреду, несу свою беду,
И с ношею такой из жизни я уйду,
Хоть знаю: здесь, где ты, не отыскал я счастья,
А там, где нет тебя, давно не найду.

* * *

Что хочешь делай, бог, с моей душой в телом.
Мой сделай черным лик, иль сделай лик мой белым.
В пыль преврати, во прах немилостью своей
Иль грешного меня приблизь к своим пределам.

* * *

Все, что ни есть вокруг, — все ты, все ты и ты!
Дыханье, сердца стук — все ты, все ты и ты!
Любовь и жизнь моя и в том и в этом мире,
Мой самый лучший друг — все ты, все ты и ты!

* * *

О, не толкай, душа, меня ты к лавке винной,
Не делай домом зла дом радости невинной,
Как пряди милых кос, мне сердце не трепли
И грудь мне не кровавь, как милых губ рубины.

* * *

Я неучтив порой, и милая не рада.
Не так я посмотрю — берет ее досада,
Наверно, вообще любимых нет таких,
Что из-за пустяков на нас не хмурят взгляда.

* * *

Коса ее — силок, я залетел туда.
Смятенный, сбит я с ног и ослеплен — беда!
Мне жаль тебя, Бабур: в делах своих любовных
Как ни ведешь себя, ты каешься всегда.

* * *

Любовник молодой, целуй свою подругу!
Считайте счастьем то, что вас влечет друг к другу.
Коль вместе быть вам миг, ловите этот миг.
Судьба — проклятый круг, несутся дни по кругу.

* * *

В огне ее волос не должен ты гореть,
Не должен жертвой стать, попав в тугую сеть.
И от любви бежать не должен ты, но должен
Любить и ни о чем потом не сожалеть.

* * *

В чертоге глаз моих ты снова отразилась —
И мой педуг утих и сердце оживилось.
И показалось мне, что весь подлунный мир
Упал к моим ногам и сдался мне на милость.

* * *

Теплом своей души ты душу мне согрела,
А следом за душой и тело разомлело.
Так будь и впредь добра и грубостью своей
Мне душу не студи, не отделяй от тела!

* * *

Чужбине заплатил своею кровью дань я.
Мое лицо давно покрыла пыль изгнания.
Мне страшно расспросить о том, как ты жила,
Мне страшно говорить и про свои страдания.

* * *

О роза, я твой раб, а ты — моя душа.
Я ни о ком не пел, любовью не греша.
Но о тебе пою, как соловей влюбленный.
И звонок голос мой, и песня хороша.

* * *

О милая, с тобой добиться встречи трудно,
Выслушивать твои благие речи трудно.
И позабыть любовь, что было, отряхнуть,
Все бросить навсегда, уйти далече — трудно!

* * *

С надеждою к тебе я шел, моя луна,
Я счастье не нашел, ушел, моя луна.
Страданье по тебе — единственный мой спутник,
А путь мой так тяжел, тяжел, моя луна!

* * *

Повсюду снег и снег — над полем, над рекой.
Снег радостен для тех, в чьем сердце есть покой.
О боже, предо мной все замело дороги.
На путь добра меня направь своей рукой!

* * *

Ты, милая, со мной то ласкова, то зла.
Для ран моей души то пластырь, то игла.
И сам бы не был я то весел, то печален,
Когда бы ты со мной всегда добра была.

* * *

Те не поймут любви, что сами не любили.
Для той, кого любил, мои страдания были
Ничтожнее, чем пыль; что ж, я ушел навек.
Теперь она моей не сыщет даже пыли.

* * *

В разлуке заболел и ослабел Бабур.
Стал от своей тоски и стар, и бел Бабур.
Бабур тебе послал в подарок померанец,
Чтоб поняла и ты, как пожелтел Бабур.

* * *

Я старше, мне учить, тебе учиться, брат,
Лишь нынче понял я, что жизнь, как птица, брат,
Лови ее сейчас, люби сегодня милых,
Ведь завтра этот день не повторится, брат!

* * *

Разлука — это край, где я воздвиг жилище,
Пустынный край — не рай, мое жилище пища.
А я еще живу, клянусь, лишь потому,
Что образ твой — мой свет, мое питье и пища!

* * *

Как мы живем? Ты — там, и весела и рада,
А я в разлуке здесь терплю мученья ада.
Но образ твой во мне, твой образ предо мной,
И, честно говоря, мне ничего не надо.

* * *

Вновь я веселым стал, увидев твой платок.
Я знаю: птица я, а твой платок — силок.
И нить своей души с его связал я нитью,
Нарушить эту связь попробовал — не мог!

* * *

В разлуке с нею мир мне кажется тюрьмой,
Нам встретиться б, но я безвольный и немой.
Чтоб тайну разделить, где друг мой в этом мире?
Чтобы излить печаль, где сопечальник мой?

* * *

Твоим стихам звенеть, пока есть жизнь и горе.
Читать их будут, петь с безумием во взоре.
Слова их — жемчуг. Нет! Что жемчуг: в море он,
В жемчужинах твоих в самих бушует море!

* * *

Как царство, сердце ей я отдал во владенье.
К владенью своему она полна презренья.
О, горе тем краям, чей равнодушен царь;
Судьба их решена — разруха, запустенье.

* * *

Я напишу письмо тебе — моей царице.
Взамен пера из век я выдерну ресницы.
Слезамя изойду, чтоб не искать чернил,
Я испишу белки, как белые страницы.

* * *

К тебе снисходит бог, пророков всех минуя.
Владычица владык, тебя люблю одну я.
Ты для людей земли убежище добра.
Так где же мне искать заступницу иную?

* * *

Доколь разумных слов не понимать ты будешь?
Хороших от плохих не отличать ты будешь?
Ты так живи, чтоб был тобой доволен бог,
И всем его рабам тогда под стать ты будешь!

* * *

Растерян я, смятен и помощь, словно чуда,
Я жду лишь от тебя и больше нипоткуда.
Обращена всегда моя мольба к тебе.
Владыка двух миров всеильнее Махмуда.

* * *

Читал твое письмо и повторял, как стих,
Читал и понимал, что должен быть в живых.
Сто жарких клятв твоих я видел в каждом слове,
И в каждой букве сто порывов чувств твоих.

* * *

В пути любви к тебе я пью разлуки яд.
А есть ли путь любви, что не похож на ад?
Коль есть, так покажи, и встречусь я с тобою,
А если нет, уйду, куда глаза глядят.

* * *

Коль вспомнишь обо мне в разлуке добрым словом,
Недужного меня ты сделаешь здоровым.
Для этого тебе я и пишу письмо.
На мой далекий зов и ты откликнись зовом.

* * *

Ты намекнул о милости несмело.
Не беспокойся, наше слово — дело.
Ты попросил одежду и зерно.
Зерно наполнит дом, одежду — тело.

* * *

Завистники в меня бросали грязь, ей-богу.
Наслушалась ты их и поддалась, ей-богу,
Ты бросила меня, хоть излечить могла
Скорей, чем лекаря трава и мазь, ей-богу.

* * *

Из-за твоих очей, что расплавляют лед,
Из-за твоих речей, что расточают мед,
Из-за твоих волос, что оплели мне душу,
Я твой покорный раб теперь и наперед.

* * *

Любить, страдать меня ты обрекла навечно.
Я о тебе грущу, ты о другом, конечно.
Пусть будет тот, другой, с тобой бездушен так,
Как ты со мной всегда бездушна, бессердечна.

* * *

Земля твоей красой, как солнцем, озарилась,
И я тянусь к тебе, где б ты ни находилась,
Так позови меня скорее, сделай милость,
Или приди сама — терпенье истощилось.

* * *

Коль обо мне вчера подумал кто-нибудь,
Я говорю ему: «И завтра не забудь,
Считай меня своим товарищем надежным
И так же, как вчера, мне завтра верен будь!»

* * *

Вам, воины мои, вам, кто горяч и смел,
Победу и любовь бог да пошлет в удел.
Народ моей земли узнал отвагу вашу,
И благодарность я принес вам, как умел.

* * *

Я о тебе мечтать могу издалека.
Мечтаю о тебе — уходит прочь тоска.
И хоть печали нет печальнее разлуки,
От мысли о тебе печаль моя легка.

* * *

Моя любовь тяжка, она горы огромней.
Я сам ее воздвиг, и потому легко мне.
Ты говорила мне: «В разлуке не забудь!»
Коль мне тебя забыть, кого — скажи — мне помнить:

* * *

Не знала ты любви, не ведала тревог —
Я много претерпел, но больше я не мог.
Ты не заметила, как я тебя покинул:
Не все ль тебе равно, я близок иль далек?

* * *

Я дал любви обет, чего еще ты хочешь?
Не мил мне белый свет, чего еще ты хочешь?
Ты заставляешь ждать, и я все жду и жду,
Прождал я много лет, чего еще ты хочешь?

* * *

Я счастья и удач не жду, и каждый день я
Не радостей прошу, ввысь вознося моления.
Коль счастья в мире нет, с судьбой смиришь, Бабур
К несчастью и беде вымаливай терпенье.

* * *

Жестокости закон нам соблюдать зачем?
Взрастив траву любви, топтать и рвать зачем?
Менять любовь на гнев и нежность на жестокость,
Меня то гнать, то звать, то гнать опять зачем?

* * *

О ветер, ты за день весь облетаешь свет.
Лети в ту землю, где я не был много лет.
Кто позабыл меня, тех не тревожь напрасно,
Кто помнит обо мне, тем передай привет.

* * *

На плечи взвалит мне свой тяжкий гнет разлука.
Сто горестей, сто бед мне принесет разлука.
Передо мной запрет к любимой вход разлука,
Меня согнет, спаси, меня убьет разлука!

* * *

О голосе твоём я людям не скажу,
О взгляде дорогом я людям не скажу,
Как ты мила, о том я людям не скажу.
Что я горю огнем, я людям не скажу.

* * *

Где то вино, чтоб стать мне пьяницей отпетым?
Михраб не для меня, не стать святым мне, где там!
Нет способа, чтоб мне на путь разврата встать,
Нет воли у меня — и мне не стать аскетом.

* * *

Не жги меня огнем, и так страданий много.
Печальней с каждым днем не делай, недотрога.
Надежды не лишай, коль у тебя самой
Еще надежда есть на милосердьё бога.

* * *

К ней рвусь я наяву и рвусь во сне, что делать?
Но нет, не нужен я моей луне, что делать?
Я плачу день и ночь, горю в огне, что делать?
Что делать мне, увы, что делать мне, что делать?

* * *

О ты, чей лик — луна, взгляд горячей огня.
О ты, чье сердце — сталь, а печень из кремня,
Коль не найдешь в душе приветливого слова,
Хоть бранью площадной ты помани меня!

* * *

Проспись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур,
Очнись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур,
Освободись от всех оков земного счастья,
Смирись, Захириддин Мухаммад-шах Бабур.

* * *

Тому, кто свет искал и знания постиг,
Достойный ученик нужнее всяких книг.
Я многое постиг, но нищ учениками,
Быть может потому, что сам я ученик.

* * *

Я сердцу говорю: «Любовью не живи,
Тебе, увы, не стать счастливей от любви!»
А есть ли в мире тот, кто знал в любви удачу?
Коль есть, скажу ему: «Судьбу благослови!»

* * *

Меня судьба, увы, измучила вконец.
Оторвала давно от любящих сердец.
Чего-чего она мне только не дарила:
И горе, и позор, и царственный венец.

* * *

Я голосом твоим и взглядом околдован.
Я болен, мне удел печальный уготован.
Мне убежать бы прочь, бежать я не могу:
К тебе косою твоей, как цепью, я прикован.

* * *

Коль было б у небес побольше доброты,
Чтобы сбывались все влюбленных душ мечты.
Тогда и я, Бабур, свое зажег бы сердце.
И, может быть, меня тогда б любила ты.

* * *

Я слышу снова шум пиров и пьяных драк —
Подлунный мир, увы, походит на кабак.
Не слушайся врага, внимай совету друга.
А друга не поймешь, обрадуется враг.

* * *

Тебе, моя любовь, я душу-храм отдам,
И голову свою тебе я сам отдам.
И печень, что горит, и сердце, что болит,
Я в жертву волосам твоим, глазам отдам.

* * *

О, если бы ко мне благоволил эмир!
Тогда войною пусть на нас идет весь мир!
О, если бы всегда взирал бы добрым взором
На своего раба он — царь мой и кумир!

* * *

Мечтает сердце быть с тобою вместе снова.
Оно не в силах жить без друга дорогого.
Как я к тебе стремлюсь, я говорить боюсь:
Стремление к тебе сильнее дара слова.

* * *

Написаны мои стихи не очень гладко:
Порой в них связи нет, порою нет порядка.
Но я тебе их шлю, чтоб получить твои
Стихи, в которых нет и тени недостатка.

* * *

Твой почерк увидав, я испытал смятенье,
Прочтя твои стихи, я испытал волнение.
Не говори, что я пренебрегал тобой.
Виной всему дела и звезд расположениеь.

* * *

Доколь в разлуке злой все ночи до утра
Мне говорить с тобой лишь языком пера?
Ты — там, я — здесь, с тобой я жажду встречи новой,
Нам встретиться, мой друг, поговорить пора.

* * *

Без взгляда твоего и сладкозвучных фраз
В далекой стороне едва я не угас.
Ты злишься на меня и не даешь ответа.
Я больше не могу твоих не видеть глаз.

* * *

О войны, у вас есть доблесть, нету силы,
Сойдите с этих стен, как вам они ни милы.
Два выхода у вас, у полумертвых, есть:
Ворота отворить или сойти в могилы.

* * *

Когда беда пришла, с бедой смириться трудно.
Когда грохочет бой, вина напиться трудно.
Когда не пьешь вина, увя, забыться трудно.
От любящих уйти пль отстраниться трудно.

* * *

Кто презирает всех, презрения достоин.
Жестокий человек мучения достоин.
Хорошим людям бог хороших даст в друзья,
А кто с другими плох, отмщения достоин.

* * *

То, что скажу тебе, не блажь, не болтовня,
Внемли моим словам, свою главу склоня.
То, что скажу тебе, не терпит возраженья,
И ты не возражай, не огорчай меня!

* * *

Что делать нам, увы, нам не верна судьба,
Бессилеи я пред ней, со мной она груба.
Судьба подарит день свидания, а после
Разлуки ночь нашлет на своего раба.

* * *

Коль совершил я зло и омрачил твой взгляд,
Скорблю, что не могу все повернуть назад.
Я плохо поступил, я сам тому не рад.
Но я б тебя простил, прости, я виноват!

* * *

Поэт любимый мой, ты среди поэтов — хан.
Твой стих — родник живой, твой стих — стихов султан.
Слова твоих стихов среди слов произнесенных
Как светлый луч во мгле, пронзающий туман.

* * *

Услышать я хотел твой сладкозвучный стих.
Когда он прозвенел, казалось, мир затих.
В глазах моих светло от ровных черных строчек,
И жемчуг слов твоих звенит в ушах моих.

* * *

Покинули меня терпенье и покой.
Печаль свою кляня, я слезы лью рекой.
Я к вере охладел, в делах не преуспел,
Что делать мне, идти дорогою какой?

* * *

Когда меня ты вспомнил, друг мой милый,
Во тьме светло мне стало вдруг, мой милый.
Нам свидеться нельзя, но теплый твой привет
Мой излечил недуг, болезнь разлук, мой милый.

* * *

Чтоб счастьем взгляд зажечь, ты, видит бог, пришла,
Чтоб дом своих страстей дотла я сжег, пришла,
Благодарю тебя, сто раз тебе спасибо,
Что, наконец, ко мне на огонек пришла.

* * *

Для пламени любви я вновь добычей стал.
Влюбленный и больной, я грустной притчей стал.
Я слышал о тебе, и хоть тебя не видел,
Я петь и прославлять твое величье стал.

* * *

Перед твоей красой померкла солнца слава.
Я — пленник слов твоих и ангельского права.
Ты письма пишешь мне, а ты приходи сама
Иль позови меня, я исстрадался, право!

* * *

Я счастлив, наконец, светла моя звезда,
Любимая со мной нежна, добра всегда,
И если из-за дел прибуду на свиданье
Я с опозданием чуть, ей-богу, не беда.

* * *

В разлуке грусть моя огромною была,
Скорбящая душа бездомною была.
От жарких слез моих, от дыма горьких вздохов
Дорога хлопкою, почь темною была.

* * *

Несправедливой ты всегда была со мной.
По прихоти твоей я мучился, больной.
Но мысли о тебе мне радость приносили,
Когда вдали от всех я жил тобой одной.

* * *

Я горя перенес немало, что мне делать?
Позором жизнь меня пытала, что мне делать?
Я, полюбив тебя, пожертвовал душой,
Но ты моей душой не стала, что мне делать?

у

* * *

Как в прежние года, наступит рамазан —
Мне все равно: и в пост и в праздники я пьян,
Я не молюсь давно и не пощусь давно,
Мое спасенье — хмель и анаши дурман.

* * *

Болезнь меня трясла, я бредил и горел.
Изнемогал без сил, в заботах я скорбел.
Я видел много зла, я белым стал, как мел.
Ты обо мне спросил, и я повеселел.

* * *

Где розы — там шипы, зло в радости, ну что ж!
Без горечи в вине нет сладости, ну что ж!
Вот и в моих стихах, то грустных, то веселых,
И взлеты есть порой, и слабости, ну что ж!

* * *

В степях чужой страны запутаны дороги,
Мне не по силам путь: мои ослабли ноги.
Спасибо хоть за то, что вести о тебе
Приходят в этот край, врачуя все тревоги.

* * *

Покончил этот шаг с жестокостью ненужной.
Встречает он людей улыбкою послушной.
Он был врагом друзьям, теперь врагам он друг.
Но что поделаться мне с его проклятой дружбой?

* * *

Кто жалкие слова с обидой говорит,
Тот или неумел, или ищет сам обид.
Я дам тебе совет: смывай вином обиды —
Сам знаешь, тот, кто пьян, обиды не хранит.

* * *

Я шлю тебе платок, такой, как ты хотела.
Из ткани желтой он и тонкой до предела.
Внимательней всмотришь, похож он на меня:
Желт, как мое лицо, и невесом, как тело.

* * *

Ужель ты, наконец, нарушила молчанье!
Принес мне твой гонец надежду на свиданье.
Я твоему гонцу готов был стать рабом —
Твой раб освободил владыку от страданья.

* * *

Нет родины и счастья боле нет,
И ничего уж, кроме боли, нет.
Я в этот край пришел своею волей.
Его оставить силы воли нет.

* * *

Уж лучше совершить тяжелых сто грехов,
Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов,
Чем, став ослушником, родителя обидеть,
Чем не прийти к нему в тяжелый час на зов.

* * *

Оставив путь греха и бросив пить, я много
Лишений перенес и мук во имя бога.
Не рано ль я врата раскаянья открыл,
Не слишком ли я сам к себе отнесся строго?

* * *

Я дал обет не пить, связал себя обетом,
Что делать мне, как жить, чьим следовать советам?
Раскаясь, пьющие дают зарок не пить,
Я дал зарок не пить и каюсь только в этом.

* * *

Чужбина — клетка, в пей постыло все, немило.
Давно моя душа, как птица, загрустила.
Что претерпел я здесь, мне трудно описать:
Смывают слезы глаз с лица письма чернила.

* * *

В душе моей огонь, в глазах слеза всегда.
От удали былой ни тени, ни следа.
Тягучий день забот сменяет ночь разлуки,
Покоя нету днем, пет ночью сна, беда!

* * *

Бессонницею ночь меня пытается строго.
Днем жжет меня огонь — о, сжался, ради бога!
Мой сон с терпением схож, с огнем — моя тревога.
Как мало одного и как другого много!

* * *

Не вечно ничего: ни осень, ни весна,
Не верен другу друг, подруга не верна.
Спеша, вертится круг, напрасно жизнь проходит,
Безрадостна, увя, и коротка она!

* * *

Я снова среди друзей — о долгожданный миг!
К потоку их речей я с жадностью приник.
Как трудно мне, друзья: ведь я за эти годы,
Привыкнув горевать, от радостей отвык!

ОТРЫВКИ

* * *

Терпеть мне приходилось от людей
И притеснение и обман не раз...
Чем обещания обоих царств,
Не лучше ль бекство малое сейчас?

* * *

Узнав, что ты оставил Андижан,
Я разуверился в тебе, могол¹.
Ты звал меня, я поспешил на зов,
Ты не дождался, предал и ушел.

* * *

К владению своему прикованным не будь,
Брось парский взгляд свой в сторону другую.
Пойдешь на Хорасан, я буду спутник твой,
А не пойдешь, так сам я город завоюю!

* * *

Нет у меня обиды на тебя,
Я не сержусь, хоть нет с тобою сладу.
Жестокой будь, плъ милость прояви,—
Я все приму, как высшую награду.

¹ Могол — имеется в виду дядя Бабура, правитель Ташкента,

* * *

Неси быстрее, ветер, от Бабура
Слова хвалы, привет Насир Али.
Живи, о шах, в веселье и в довольстве,
Пока здоров и годы не прошли.

* * *

Распутного кази, что мною послан,
Верни назад, чтоб не было беды.
С ним, если хочешь, мне пошли в подарок
Вина и померанцевой воды.

* * *

Мечты о ней мою тревогу лечат,
Хоть все надежды тщетны — знаю сам.
Не выдавай, мой друг, заветной тайны,
Прошу я лишь об этом. Вассалам¹.

* * *

Коль встреча с милой ждет нас на чужбине,
Зачем тогда родная сторона?
Мне нынче милая письмо прислала.
Не письма мне — она сама нужна!

ДВУСТИШИЯ

* * *

Без милой ничему душа моя не рада,
Ничто не мило мне и ничего не надо.

¹ Вассалам — конец.

* * *

Пусть причинят мне смерть твои глаза и руки.
Я смерти не боюсь, но я боюсь разлуки.

* * *

Пылает губ ее бутон; раскроется бутон.
Не для меня, кто в них влюблен, раскроется бутон.

* * *

В подлунном мире ничего нет сладостей свиданья, брат.
И все ж не оценить его не знавшим расставанья, брат.

* * *

Нам нравится подчас то больше, что вдали:
Друг, что далек от нас, дни, что давно прошли.

* * *

Ты хочешь дружбы — докажи: скорей приди ко мне.
И побеседовать с тобой хочу наедине.

* * *

Когда б весь этот мир исчез, все люди бы пропали,
Стушив на путь небытия, и я б не знал печали.

* * *

Тебя пришелец полюбил, но робок он, несмел,
Как ветвь, он голову склонил, как лист, он пожелтел.

* * *

Пусть милая меня простит — в том не моя вина:
Я нынче оценил ее, когда вдали она.

* * *

Разлука! Есть ли боль, чтобы сравнилась с пею?
И тяжкая болезнь разлуки не больше.

* * *

В разлуке слезы лью, хоть я и пью вино.
Несите прочь его, меня гневит оно.

* * *

Моих желаний суть: покинув край Бабура,
О прошлом не забудь и вспомниай Бабура.

* * *

Сгубило много душ проклятое вино,
Мне ж от разлуки с ним погибнуть суждено.

* * *

О, вслушайся в мои слова: я болен от разлук,
Я напряжен, как тетива, и согнут, словно лук.

* * *

Пусть пери век живет и черных дней не знает,
Пусть честный человек плохих людей не знает.

* * *

Я в лес уйду, себя приговорив к изгнанию,
Чтоб отыскать тебя, что кажешься мне ланью.

* * *

Пока еще я жив и ты пока жива,
Пойми меня, прочтя стихов моих слова.

МЕСНЕВИ

* * *

Коль память обо мне ты, ветер мой, хранишь,
Заговори со мной, мои слова услышь!

Меня ты пожалей, найди моих друзей,
И расскажи им все об участи моей.

О том, чем я живу, о вере и беде,
О том, куда иду и обитаю где.

Скажи моим друзьям: «Живет Захириддин,
Как описал он сам в посланьях «Мубайин».

Бессилье — мой удел, и ни одно из дел,
Что сделать я хотел, я сделать не сумел.

Спасться бы мне от зол, учителя б найти,
Чтоб он меня повел по должному пути.

Увы, я не спасусь, наставником храним,
Нет силы у меня, чтоб следовать за ним.

Нет воли у меня, стремления души,
Слова мои грешны, дела нехороши.

Нет у меня ни пог — наставника искать,
Ни слуха, чтоб я мог словам его внимать.

Чтобы дела свершать, влеченья нет и рук,
Чтоб истину познать, я глуп, мне недосуг.

Злой мною движет дух, земных страстей я раб.
Грешнейший из людей, душой я слишком слаб.

Вино — моя душа, влечение мое,
Маджун и анаша — влечение мое.

Мне с пьяницами жить и чаши осушать,
Неверных жен любить и гурий целовать.

Я — слабый человек, и славу, как коня,
Взнуздать и оседлать — вот счастье для меня.

Мне надо, чтобы все, мой слушая приказ,
Лежали предо мной, поднять не смея глаз.

Не только в сей стране, чтоб правил я один,
Чтоб подчинялись мне Хинд, Хорасап и Чин.

Чтоб дотянуться мог я до всего рукой,
Чтоб золото в мой чертог всегда текло рекой...»

Безумец я, глупец! Кто чем бы ни владел,
Здесь — все мираж, а там для всех один удел.

Ты борешься, живешь, а цель едва видна,
Чем далее идешь, тем далее она.

Быстротекуча жизнь, всяк смертен человек,
О боже, цель приблизь или продли мой век.

Ты слышишь, как тебя. великий мой аллах,
Я — царь земной — молю, поверженный во прах,

О всемогущий бог, мы все твои рабы,
Ты направляешь нас и вертишь круг судьбы,

Мы мечемся, горим во власти суеты.
А все вершится так, как разумеешь ты.

Ты хоть когда-нибудь мне помощь окажи,
Наставь на верный путь, дорогу укажи.

В течение жизни всей я не по правде жил,
По прихоти своей и правил, и грешил.

Передо мною все туманно впереди,
Меня с пути греха. о боже, уведи.

Направь меня, аллах, очисти мои дела,
А замыслы врагов испепели дотла.

Мой разум, силу, слух — все привлеки к себе.
Надежду, веру, дух — все привлеки к себе.

Познанием тебя меня займи, утешь,
Служением тебе в душе заполни брешь.

И не пытай меня весельем, о мой бог,
Не развращай меня бездельем, о мой бог!

Попутчика пошли, чтоб с ним идти мне вдаль,
Дай друга, чтобы он со мной делил печаль.

Приблизь и укажи, где истина, где ложь,
Храни меня, пока к себе не призовешь.

* * *

О ветерок, быстрее лети, найди порог,
Владычицы моей, прекрасной, как цветок.

Лети, мой верный друг, лети в далекий край,
Мой стон, мои слова неверной передай:

«Свой открывая лик, ты мой смущала лик
Ты, сердце взяв мое, с ним поиграла миг.

В мечтах моих и снах ты не такой была,
Не думал я, что ты коварна так и зла.

Зачах я, изнемог, делами пренебрег,
Стихами пренебрег, друзьями пренебрег.

Покой в твоём краю я потерял, поверь,
Но в сторону мою ты не глядишь теперь.

Твой взгляд и речь твою, как хизрова вода:
Где отыскать её, идти за ней куда?

Где слово, что ко мне с твоих слетает губ?
Ручей воды живой всегда на влагу скуп.

Участия слова врачуют от обид —
Та, кем обижен я, по-прежнему молчит.

Владычицей моей, пресытившейся мной,
Я брошен и забыт, бессильный и больной...»

Болтливостью, Бабур, не очень-то греши,
Не унижай себя, не раскрывай души.

Ты, друг, по простоте доверчивым не будь.
Из слов возьми лишь те, что выражают суть,

Скажи своей луне: «Коль не напишешь мне
Того, что говорят любимым в тишине,

Пойму, что я тобой отвергнут, и тогда
Уйду я навсегда неведомо куда.

И если вновь письма в ответ я не дождусь,
То, как твое письмо, сам в свиток я свернусь».

ТУРДЫ

МУХАММАСЫ

* * *

Все горести людей аллах собрал в одно
И отдал мне. Ну, что ж? Коль так предрешено,
Вовек я не роптал, я знал — роптать грешно,
Пусть в доме нет огня — луна глядит в окно.
А сердце греет дом — оно раскалено.

Не создал бог Турды из глины и воды,
А создал бог Турды из горя и беды.
Он подарил печаль за все мои труды,
И старый дом, куда ведут невзгод следы,
А в доме все добро разграблено давно.

На скакуне судьбы скакал я без седла.
Закрыв глаза на миг, открыл — а жизнь прошла.
Я цели не достиг. Вокруг сгустилась мгла,
А цель — она вдали высокая скала.
Дойти мне до нее уже не суждено.

Чего же я достиг? Давно я бос и гол.
И спутника в своей дороге не обрел.
Когда однажды я к друзьям на пир пришел,
Сказали мне: «Согнись, надень ярмо, как вол!»
Казалось горьким мне их сладкое вино.

Я истины искал, но, помы изодрав,
Кому я доказал, что в чем-то был я прав.

Старик, я ослабел, не поднимусь, упав,
Израненный я стал, как решето, дыряв,
И снова надо мной копье занесено.

Моя тоска стара, как древняя гора,
Я получил ее в наследство не вчера.
О, друг, коль что-нибудь осталось от добра,—
Потрать, не оставляй богатства до утра:
Ведь кто-нибудь его растратит все равно.

* * *

Кто вспомнит обо мне? А были времена,—
Друзей глава — гуляк поил я допьяна.
Где прошлое мое, где наша старина?
В той чаше, что вина была полным-полна,
Осталась муть одна, она на дне видна.

Аллаху мало я принес своих даров,—
Песку подсыпать он велел в мой постный плов.
Я — нищий, и кричать и плакать я готов...
Но тщетно: в чьей груди мой отзовется зов?
Один я: из друзей со мной печаль одна.

Читал молитвы я — они не помогли.
От горла моего меча не отвели.
Мои подошвы жжет песок чужой земли,
Нет у меня друзей от родины вдали.
Ценили все меня, теперь мне грош цена!

В стране чужой ничьих не чувствуя забот,
В печали день придет, в печали день уйдет.
Снует вокруг меня недружелюбный сброд,
Знакомый встретится — и в сторону свернет,
Я — ветошь жалкая, что в яму сметена.

Я с новым не иду, от старого отстав,
Я плачу, как дитя, от слез своих уст.
Я — стертая теньга, и тот, наверно, прав,
Кто бросил вновь ее, едва с земли подняв.
Я — старый меч, чья сталь для дела негодна.

Цепнее жизни что? Но жизнь я промотал —
Бесценный золотой на мелочь разменял.
За собственный я грех иль за чужой страдал,
Глумление владык за ласку принимал?
Болит моя душа, изранена она.

С немногими делил я почести и власть.
На свадьбах, на пирах я попил меду влать.
Кто может мне вернуть от прошлого хоть часть?
Случилось на веку в ничтожество мне впасть!
Моя одежда — рвань, еда моя — скудна.

Чшило небо мне обиды без числа —
И каждая в меня вонзалась, как игла.
Страдал от жажды я, — вблизи вода текла,
Но это был мираж, и жажда снова жгла.
Я — треснувший кувшин, не помнящий вина.

Нет гордости в дому, где горе и нужда.
От гордости моей ни тени, ни следа.
Теперь на просьбу мне не отвечают: «Да!»
И ум, и честь, и жизнь — все унесли года.
И сам я только пыль, а пыль — кому нужна?

Я имя потерял и облик свой былой,
Разбита грудь моя, я весь едва живой,
Мне не помочь уже ни мазью, ни травой.
Нацелились в меня отравленной стрелой,
Она — стрела беды — меня пронзить должна.

Тебя, аллах, молю я только об одном —
Коль не тебя, — кого ж еще просить о том? —
Не презирай меня, как торгаша вином.
Я раб, но не хочу я больше быть рабом.
Я немощен и стар — и жизнь моя трудна!

* * *

Печален и тернист и труден путь земной,
Здесь никого не ждут ни радость, ни покой.
Нет правды на земле, нет верности людской,
Возвысило теперь злодейство голос свой,
И стало воровство слыть доблестью большой.

Я задыхаюсь здесь, я сердце надорвал!
Наш бранный мир давно каким-то страшным стал.
Где лев когда-то жил, теперь живет шакал,
А где орел сидел, где сокол обитал,
Теперь кричит сова, довольная собой.

В распутстве и пирах проводит время шах.
И выскочки-рабы в почете на пирах.
Богатство в их руках и власть у них в руках:
Ты, родина моя, повергнута во прах.
Невежда и подлец вершат твоей судьбой!

Не вижу честных я, не вижу мудрецов.
Теперь в чести глупец, он весел и здоров.
Сородичи мои — рабы в руках рабов,
Рабы во власти двух вельможных дураков:
Один дурак — Токмак. Идрис — дурак другой.

Все блага богачам и власть им, и почет.
До коих пор еще герпеть нам этот гнет?
Потоком льется пот, потоком кровь течет,
И пьет людскую кровь жестоких беков сброд.
Свобода, уничтожь их праведной рукой!

Эмир — правитель наш — невежда и дурак!
Эмиром вертит плут — кровавый бек Байлак.
О правде ль говорить, когда у власти враг,
Чье прошлое темно, чье будущее — мрак?
Откуда он пришел, он здесь совсем чужой!

С правдивостью лисы и с мудростью осла
Он носит сан чужой, он — воплощение зла.
Черно его лицо, черны его дела.
Не о таких ли встарь пословица была:
«Пройдоха даже с луж снимает жир густой!»

Побором, воровством и тысячами бед
Он разорил страну, затмил в ней солнца свет.
Есть деньги или нет, одет ты иль раздет,
Плати ему налог вперед за много лет...
Средь подлецов—вельмож один подлец такой.

Где справедливый шах? Где шах такой живет?
Скажите, я дойду до золотых ворот.
Пусть он развеет дым печалей и невзгод,
От горя и нужды освободит народ,
Чтоб мог воскликнуть я: «О, благодетель мой!»

О беки, что для вас народ и отчий край?
Нет родины у вас, есть караван-сарай,
Куда пришли поесть вы по дороге в рай.
Ну, что же, бек пришел и в путь ушел: «Прощай!»
Но вечно будет жить народ в стране родной.

Бедняк и гол и бос,— от стужи хоть пляши,
На голове его ни волоска, ни вши —
Все взяли с бедняка вельможи-торгаши.
Все, кроме ран и слез, да разве что — души.
Идет бедняк — свистит плеть за его спиной.

Один чиновник — вор, другой чиновник — лжец.
Один визирь — глупец, другой визирь — подлец.
Ужель такими их создать хотел творец?
О господи, когда ж наступит им конец,
Чтоб над родной землей повеяло весной!

Вы обобрали вдов, печаль оставив им,
До срока сироту вы сделали седым, —
Да подавиться вам его куском сухим!
Вояк мог бы среди вас прослыть хаджи святым.
Уйти бы! Но куда, дорогою какой?

Мы смели ожидать, великий наш эмир,
Что сердце у тебя не превратится в жир:
Что ты взойдешь на трон и установишь мир,
Оденешь тех, кто наг, накормишь тех, кто сир,
Что мудрых призовешь ты управлять страной.

Но у дверей твоих нет мудрецов пока,
И на совет к себе зовешь ты дурака
С кабацей головой и с тупостью быка.
Из честных во дворце один лишь — Хушика, —
Он был нам от врагов железною стеной.

К чему же я пришел, чего же я достиг
Нанизыванием строк и сочиненьем книг?
Не нажил я добра, от денег я отвык...
Лишь голова моя — моих богатств тайщик,
Но жалуют у нас не тех, кто с головой.

Не внемлет здесь никто моим глухим мольбам!
И я не подхожу к затворенным дверям:
Там надо взятку дать, я — нищий, что я дам?
Там странники стоят, сидят вельможи там,
Лишь думая о том, как рот набить едой.

Взять деньги с бедняка всегда вельможа рад,
А денег нет — снимай рубаху пль халат.
Твои мольбы, бедняк, его не укроют.
Теперь мздоимцев тьма, они везде сидят.
Я беден — и для них я лишь помет сухой.

Эмир паш говорит, не ведая забот:
«Пусть грянет с неба гром, — дворца надежен свод.
И если даже вповь потоп весь мир зальет,
Дворец высок — вода за стены не пройдет!»
Пируют во дворце вельможи день-деньской.

Пируют наверху и держат свой совет,
А как живут внизу — им вовсе дела нет.
Не слышат слов они, лишь слышат звон монет.
Они нас довели до величайших бед,
О каре позабыв — небесной и земной.

О друг мой, ничего для близких не жалеи.
Будь дальше от дворцов, уйди от них скорей.
Съешь черствый честный хлеб, водой его запей,
А если дети есть, то научи детей
Есть черствый черный хлеб, но честный — трудовой.

Хоть будь царем царей, хоть всей землей владей,
Ты все равно уйдешь в сажень земли своей.
И за спиной царей и за спиной моей
Стоит на страже смерть и говорит: «Скорей!»
Жизнь коротка, а цель за дальнею горой.

Пройди же весь свой путь и власти не жалеи.
Награбленных богатств и части не желай,
Неправедных людей участия не желай,
Но другу от души ты счастья пожелай.
Угрюм наш древний мир, в нем не живет покой!

МУХАММАС НА ГАЗЕЛЬ СААДИ

Чарует взор людей раскрывшийся цветок.
Страничка бытия в нем каждый лепесток.
Но это не цветка горящий огонек,
А души смертных тех, кто умер, кто далек,
Кто голову на миг поднять из праха смог.

Пусть чаша жизни их осушена до дна,
А чаша без вина, кому она нужна,
Но все ж цветы горят огнем того вина,
Земная их печаль сейчас обнажена,
И тлеет их сердец дрожащий огонек.

И вновь они живут, вдыхая жизни чад.
И женщины гурьбой идут в цветущий сад.
И вновь цветы живут, наполнен счастьем взгляд,
И каждый опьянен, и каждый жизни рад.
Они забыли вновь: час смерти недалек.

Они забыли вновь, о глупые цветы,
Что умерли в свой час от той же пустоты,
От той же пустоты, от той же суеты,
Сожженные огнем несбыточной мечты,
Сожженные вином в чаду земных дорог.

Что знаю я,— Турды, о горести своей?
Я бодрствую и сплю, сижу среди друзей,
О, Саади, живут в тени одних ветвей,
Но не одно и то ж: поющий соловей
И песнею его плененный мотылек.

· ГАЗЕЛЛ

Где же ваша совесть, беки: хоть народ наш разобщен,
Но ведь это все узбеки девяноста двух племен.

Называемся мы разное, — кровь у всех у нас одна —
Мы один народ, и должен быть у нас один закон.

Полы, рукава и ворот — это все — один халат.
Так один народ узбекский, да пребудет в мире он.

Беки, вы не превышайте вашей власти над людьми,
Мы хотим, чтоб наши судьбы не рещал оружья звон.

Прекратите ваши распри, в них не ваша льется кровь.
Вместо ран на вас румяна, беки, облик ваш смешон!

* * *

Черной злобой обуяно это царство!
Место гнета и обмана — это царство.

Здесь правителей не сыщешь справедливых.
Не ведите каравана в это царство.

Здесь правители коварны и жестоки,
Радость — только для шайтана это царство.

В черном царстве этом радости уснули.
Мир, где горе неустанно, — это царство.

Не ищите здесь приюта или покоя, —
Злого Субханкули-хана это царство.

* * *

Язык сторит, пересказав частицу горестей моих.
Сгорит перо, когда оно захочет написать о них.

Когда бы птицею была моя печаль, моя тоска,
Закрыла б солнце и луну она размахом крыл своих.

Я тысячу почей не сплю, по все рассвета не дождусь.
Черна, как ночь, моя судьба. Увы, перадостеп мой стих.

* * *

В любой жемчужине видна игра морской воды,
Пылинка — тоже солнца часть, — не забывай, Турды.

Все эти истины познав, вступил я в бранный мир —
И, если б друга я нашел, не знавшего беды,

Сказал бы я: «Как счастлив мир!» Но так я не сказал,
Я вижу: грудь моих друзей сдавила длань нужды.

* * *

Моя забота — накормить хоть чем-нибудь коня.
Давно я сердце надорвал, свою судьбу кляня.

Я упивался, спину гнул пред сильными людьми,
Но что им до поэта? Сыт я не бывал и дня.

Слезами лишь питался я, пил собственную кровь...
Скажите мне, кто наделил такой судьбой меня?

* * *

Лишь капля ты, но состоишь из капель океан, Турды,
В пучину волн унес тебя событий ураган, Турды.

Друзья покинули тебя, средь волн оставив одного,
Звездою счастья золотой твой путь не осиял, Турды.

И все же ты не одинок: парод твой смотрит на тебя,
И светит взор его тебе сквозь почву и сквозь туман, Турды.

* * *

Она мелькнула предо мной, прекрасна и стройна, —
И в царстве сердца моего разграблена казна.

Немало юношей она сразила наповал,
Ей говорили о любви — не слышала она.

На пебе вечером в тоске созвездья ждуд луну —
И меркнут: затмевает их сиянием луна.

* * *

Кочевник-бек прочтет и выучит «Мишкат»
И вовремя свершит положенный обряд.

Но тот же самый бек, забыв про стих святой,
Ворвавшись в дом чужой, его ограбить рад.

На шахматной доске земного бытия
Не шаху он дает, дает он пешке мат.

Его душа грязна, по чист его халат.
Хоть ходит он в мечеть, но попадет он в ад.

* * *

Кочевник-бек, что к нам идет с мечом, с огнем, с кнутом,
Не верит ни во что, давно мы убедились в том.

Какая вера разрешит губить свою страну,
Родную землю осквернять, бесчестить отчий дом.

Ипой и в Мекку на поклон ходил, но оп не свят:
Осел откуда б ни пришел, останется ослом!

Случается, что забежит и грязный пес в мечеть,
Но разве нечистоты жрать не будет оп потом?

О ЗАДЕРЖКЕ ПОЖАЛОВАННОГО КОНЯ И НАГРАДЫ

О, благодетель мой — эмир, признаться, я не рад,
Что посулил ты мне коня и сто других наград.

От меда сладостной мечты нет меда на губах:
Дареного коня пока не различил мой взгляд.

И пыль из-под копыт его мне не была видна,
Не слышал я, как ржет мой конь, как стремяна звенят.

Быть может, этот конь Дульдуйль, Рустама быстрый конь,
Быть может, кляча и на ней одна дорога — в ад.

За щедрость полюбилсь всем Хатэм и Нуширван!
О, щедрость — лучшее из свойств! О, драгоценный клад!

В хезарской крепости, эмир, ты соизволил сам
Об этом даре объявить почти что год назад.

Зачем же ты, мой властелин, напрасно обещал?
В меня ты жадность заронил, а жадность — это яд.

О, горе мне, о, мой позор! Его не скрыть теперь,
Смеются люди надо мной, дурное говорят.

Достоинств своего коня я так и не узнал.
Мой благодетель, есть дары убыточней утрат!

ТАДЖИКСКИЕ СТИХИ

(Осуждение пребывания в должности)

В ловушку я попал, сгубил я много лет.
Ждал царских милостей — стал немощен и сед.

Богатство я обрел: седины — серебро,
И золото, — лица шафранно-желтый цвет.

О служба, о тебе так долго я мечтал!
Меня одолевал мечтаний тщетных бред,—

Теперь я постарел; я прошлого стыжусь.
Ни тяги к должности во мне, ни веры нет.

Я глупым был, себя я «избранным» считал,
Но в яму я упал, и мне не виден свет.

Я от людей простых всегда был далеко,
Но что я получил от службы, кроме бед?

* * *

К тебе, чьей красотой в ночи светильники горят,
Огнем любви объят, кяфир огнем хаджи объят.

Я сам не вижу ничего, глаза застлала тьма,
С тех пор, как на тебя упал мой обреченный взгляд.

Ты вознеслась своей красою на царственный престол.
Юсуф и тот бы счел твой взгляд первойшей из наград.

Светило твоего лица восходит каждый день,
Ревнуя, розы на себе рвут лепестков наряд.

И не напившись из реки твоей красоты, Махмур
От суеты мирской ушел, свой издрав халат.

* * *

Не возлагай своих надежд на встречу с ней, о попугай,
Снимает головы она мечом бровей, о попугай.

Ну что ж, лети к ее окну и, наземь перья обронив,
И распластав в пыли крыла, мечты развей, о попугай!

Посмел ты все песню спеть о сладостных ее губах,
И в клетку посадил тебя купец-злодей, о попугай.

Так будь моим учеником, и напишу, как Нехтеби,
Я книгу о любви твоей и о своей, о попугай.

Об аде Индии зачем нам думать в кушах Ферганы,
Ты, как Махмур, не пой хвалу, себя жалея, о попугай.

МУХАММАС

О небо, благосклонно ты к ничтожнейшим всегда,
К богатым милостиво ты, а к бедным никогда!
Служить невеждам мудрецов заставила нужда,
И стали совам соловьи покорны — вот беда!
Игрушкой хрупкой стал певец в руках глупца, о небо!

Певцы с возвышенной душой затоптаны в пыли,
Ты гордой пальмы тонкий стан согнуло до земли,
Твои деяния к добру людей не привели —
Юсуфа по твоей вине на муку обрекли.
И стал обителью невзгод дом мудреца, о небо!

Доколе, небо, будешь ты невинных обижать,
Доколе будут нас в тюрьме разбойники держать?
Когда же перестанешь ты страданья умножать?
Над головами мудрецов меч занесен опять.
Я от тебя не жду наград, не жду венца, о небо!

О сколько, небо, от тебя несчастий пам и бед!
Несправедливости твоей, увы, предела нет.
Богатство ты даешь глупцам, от коих только вред.
А мудрый голоден и пищ, и в рубище одет.
Нам виден в милостях твоих расчет скупца, о небо!

Страданье ты даруешь тем, которые чисты,
Ты нас готово утопить в потоках клеветы,
Ты рушишь замыслы людей и лучшие мечты,
Но проявляешь доброту к себе подобным ты.
Ничтожнейшее, ценишь ты лишь подлеца, о небо!

От произвола твоего, кто защитит меня?
Кто честных защитит людей от твоего огня?
Покоя в сердце нет моем и не было ни дня.
Я от тебя по всей земле бегу, свой путь кляня.
Огнем жестокости своей ты жжешь сердца, о небо!

От зарожденья бытия, от первозданных дней
Кривым путем вращалось ты и мучило людей.
Порой над нами слитки звезд горят во тьме ночей,
Но звезды превращаешь ты в тяжелый дождь камней,—
Они летят, они нас бьют, им нет конца, о небо!

САТИРА НА ПОЭТА ФАЗЛИ ИЗ НАМАНГАНА

Одой тюркской, одой длинной, господин,
Вам хвалу воздам по чину, господин.

Буду щедрым,— все припомню похвалы,
Не забуду ни единой, господин.

Я червяк, себя спасаю, вас хваля,—
Страшен ваш характер львиный, господин.

Разлетелась все сокровища отца,
Лишь попали в руки сына, господин.

Сочиняли вы изящные стихи,
Тонкие, как паутина, господин.

За подобные стихи в базарный день
Не получишь и алтына, господин.

Ваша служба в Намангане при дворце,—
Вот, где подлости вершина, господин!

Днем и ночью вы ходили по домам
И искали мертвечины, господин.

Называют вас главою подлецов,
И на это есть причины, господин.

Люди честные всегда считали вас,
Кто шакалом, кто скотиной, господин.

Простака, который сядет возле вас,
Вы огреете дубиной, господин.

Беззащитным причиняете вы зло,
Перед сильным гнете спину, господин.

Крокодил, морское чудище, дракон,
Страшен с обликом зменным господин.

Услаждает Умар-хана во дворе
Песней непомерно длинной господин.

Льстивый стих свой Умар-хану посвятив,
Сыплет золото в хурджины господин.

Опустившийся, униженный, больной,
Пусть живет он, завершая путь земной.

Все богатство, что нечестно нажил он,
Пусть окажется разграбленным судьбой.

Пусть похлебка из вониючих, прелых тыкв
Будет подлому единственной едой.

Пусть уделом черной старости его
Будет нищенство, скитанье и разбой.

Мрачный стражник пусть с отточенным копьём
Подойдет к нему и встанет за спиной.

Пусть великий разразится гнев творца
Над седой его бесчестной головой.

Старость пусть его сломает и согнет,
Как разбитый чанг с единственной струной.

Пусть он гневные проклятия людей
И на смертном ложе слышит над собой.

Помолюсь я о могиле для него
Средь могил бродяг за городской стеной.

И пускай, забытый всеми, станет он
Для змеи вином, для муравья едой.

Не пора ль тебе кончать стихи, Махмур,
Расписался ты, пожалуй, чересчур.

Сочинителей растянутых стихов
Презирают, как придворных дураков.

Слава богу, что дошел я до конца
Этой песни про большого подлеца.

Важно ходит по земле наш господин,
Шею вытянув, как гусь или павлин.

Как старушечий платок — на нем чалма,
Хоть и новая, но грязная весьма.

Потому еще он жив и невредим,
Что и смерть сама пренебрегает им.

САТПРА НА МАХДУМА КУРАМА

Махдум — подлец из подлецов, без чести и ума,
Глава и гордость всех глупцов — бесчестный Курама.

Лишь для эмира он хорош, эмир доволен им,
В сиянии славы и чинов бесчестный Курама.

Устроил мастерскую он, чеканит сам себе
И медь и серебро,— таков бесчестный Курама.

Куда же смотрит властелин, где же глаза его?
Ведь хапа обобрать готов бесчестный Курама.

Порой он звездочет, порой — гадатель на песке,—
Дурачит ловко простаков бесчестный Курама.

То музыкантом, то шутом бывает на пиру.
То поставщик бунтовщиков бесчестный Курама.

То муфтий, то ходатай он, то кадий, то хаким,
Хоть и дурак из дураков — бесчестный Курама.

Махдум рассказчиком слывет, но что нам рассказал,
Хоть и потратил много слов, бесчестный Курама?

САТИРА НА КАЗИЯ МУХАММЕДА РАДЖАБА

Смотрите, вот мучитель всех, кто слаб,
Достойный казий Мухаммед Раджаб.

Хоть родом сам из Апдижана он,
Стал жителем Янги-Кургана он.

В Кара-Тепе он самый высший чин —
Судья кишлачный, важный господин.

Невежда он, бездельник он тупой.
Учености в нем — вовсе никакой.

Хоть режь его, чтоб в сердце заглянуть,
Навряд ли там найдешь ты что-нибудь.

Поистине достоин смеха тот,
Кто мудрым казием осла зовет.

Хоть наизусть он выучил коран,
Он все же грубый неуч и болван.

Кичится он, певцом себя назвав,
Но нужен стих ему лишь для забав.

По виду Мухаммед страшней, чем див,—
Так черен он и так он некрасив.

Раджаба предок — прадед или дед —
Огнепоклонник был и людоед.

А сам Раджаб так длинен, так высок,
Что стать бы для небес подпоркой мог.

Настолько он высок, что где пройдет
Слетают перекладины с ворот.

А если ногу отпилить ему,
То можно сделать мост через Аму.

Чалму себе на свалке он достал,
На улице он тряпки подобрал —

Он в пояс это превратил тряпье,
И тело опоясал им свое.

На злого духа казий наш похож,
Во что он верит, право, не поймешь.

То, как отшельник, он не ест, не пьет,
И богомольцем праведным слывет;

То — богослов ученый, то — мулла,
То он вершит судебные дела.

Порой проводит ночи он без сна
С ворами, чья душа темным-темна.

Не острослов Раджаб, а пустослов,
И дурно пахнет от его стихов.

Лишь восхвалить себя имея цель,
Он вот такую написал газель:

**ГАЗЕЛЬ КАЗИЯ МУХАММЕДА РАДЖАБА,
НАПИСАННАЯ ИМ О СЕБЕ**

Кому здесь облик мой не мил? Взгляните на меня.
Какой тюрбан я накрутил, взгляните на меня.

Хоть грязен мой тюрбан, зато на купол он похож,
Я им всю землю осквернил, взгляните на меня.

Видны мои привычки всем: на ложь и клевету
Я трачу очень много сил, взгляните на меня.

Все деньги, собранные мной на должности судьи,
В торговлю ловко я пустил, взгляните на меня.

Как только из небытия пришел я в этот мир,
Всех жадностью я удивил, взгляните на меня.

Я скуп настолько, что хожу есть по чужим домам.
Вот так я деньги накопил, взгляните на меня.

Я так прожорлив, что легко дракона съесть готов,
Я сам дракон и крокодил, взгляните на меня.

Хоть псевдоним мой «Апогей», какой я апогей!
Я в мире никому не мил, взгляните на меня.

САТИРА НА ХАДЖИ НИЯЗА

Чудовище, хоть и на двух ногах,
Хаджи Нияз внушает людям страх.

Кричит он, выбивается из сил:
«Я тоже в Мекку на поклон ходил!»

Быть может, много он топтал дорог,
Но в Мекке не бывал он, видит бог.

Гнуснейший из всех уродов он,—
Свое паломничество продал он!

Злой во хмелю, глупейший из людей.
Он нажил деньги хитростью своей.

Кто взглянет на него, поймет, что он
Разбойник величайших всех времен.

То он ученостью похвастать рад.
То — бесноватым дервишам он брат.

То грозный стражник, то военный он,
Но всюду грешник неизменный он.

На пиршествах сидит в кругу вельмож,
И даже к хану самому он вхож.

К паломничеству охладив свой пыл,
Газель он в муках тяжких породил:

ГАЗЕЛЬ ХАДЖИ НИЯЗА О САМОМ СЕБЕ

Обширен неба круг, и все ж он тесен для моих дорог.
Я — блеск луны, я солнца свет, звезды далекий огонек.

Немало стран я исходил, немало в жизни видел я,
Я создан богом, чтоб съедать уже обглоданный кусок.

Пусть я простак, пусть я глупец, пусть я безумен,
Пусть буду палками побит, я в Мекке был —
бесноват,
свидетель бог.

Греха такого в мире нет, которого я не свершил,
Я — мерзкий грешник, и любой мне свойственен земной
порок.

Меня назвали гордецом, что пьет навозную бузу,
Разбойником и подлецом меня любой назвать бы мог.

Я из-за студия в драку лезть готов с бродягою любим,
Увижу старую чалму, стащу — пусть прячут под замок.

Паломничество продал я, от страха, что в пути умру,
Я признаю свою вину, — что делать, — в Мекку путь далек.

Хоть суфий я, но у меня корзина целая грехов,
Разврата полная кошма, навоза полный кошелек.

Я рад тому, что точно пса, меня с доукою моей
И шах и шейх к себе пока еще пускают на порог.

Несчастен я и нечестив, я жадности, корысти раб,
Я мастер кланчить: я еду себе выпрашиваю впрок.

Съев творога корзины три, я утром глажу свой живот,
Я съел бы тута семь мешков, чтоб съесть потом восьмой
мешок.

Порой в Коканде я миршаб, порой искатель правды я,
Порой я в нужниках вельмож — вонючий глиняный комок.

Газель кончается, пойду грехи обычные свершать
И кланчить, может, кто-нибудь плеснет похлебки мне
в горшок.

Вот я пред вами весь как есть, рожденный временем своим.
И вероломства своего могу вам преподать урок.

СТИХИ ИЗ УСТ КАЗНЯ — ЛЮБИТЕЛЯ СОБАК

Я ваш покорный раб, о государь,
Ничтожество, но знаменитый псарь.

Я казнем считаюсь — это так,
Но казий я среди борзых собак.

И выводить собак, и обучать
Меня учили мой отец и мать.

Тем даже прадед жил — не только дед,
Тем род наш славится десятки лет.

Я в мире самый лучший из псарей,
По праву мог бы стать псарем царей.

Собачья свора — вот моя семья,
Я — их вожак, их знаменосец я.

Не называй дворнягой пса того:
В нем вся надежда сердца моего.

Всегда мой пес за пазухой моей —
И хвост, и нос за пазухой моей.

Из одного горшка едим мы с ним,
И на одной подстилке грязной спим.

Зимой и летом мы всегда вдвоем,
Одну мы корку хлеба с ним грызем.

Вся наша свора — шайка обдирал,
Беда тому, кто в лапы к нам попал.

Все говорят о нас: «Бродячий сброд»,
Все жалуется: «Смерть их не берет».

Псы без меня не могут жить и дня,
Скулят, не знают, где искать меня.

С душой собачьей связана моя,—
Они завоют — лаять стану я.

И сколько в этом мире есть собак,
Все мне родня: не дядька, так свояк.

Тот пес — дворняга — мне отец родной,
И тот борзой щенок — племянник мой.

Вот тот — Турткуз — родня моей жене,
А сука та — свояченица мне.

Мои друзья из племени дворняг,
Со мною их не разлучить никак.

У хана — повелителя людей,
У мудрого властителя людей

Все слуги вес приумножают свой,
Лишь я один не сытый и худой.

Переженились все — вновь мука мне:
Им женщины достались — сука мне!

Хоть и поганый, но доходный брак,
С женой мы будем разводить собак.

О МУЗЫКАЛЬНОМ СОБРАНИИ, СОСТОЯВШЕМСЯ В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

О, златоусты средь красноречивых,
Бесценный жемчуг в море свойств счастливых,

О, скачущие по тропе науки
Мужи, чьи кони — знания и звуки,

Я вам мечтаю бусы подарить:
В них рифмы — бусинки, рассказ мой — нить.

Итак, я свой рассказ пачать могу ли?..
Год девяностый; первый день в июле.

По русской части города-столицы
Я вышел погулять, чтоб освежиться.

Большое зданье средь высоких зданий —
Для русских место празднеств и собраний.

В тот вечер было людно в зданье этом.
Я взял билет и в зал прошел с билетом.

Увидел я великолепье зала,
Где все огнями яркими блистало.

Оглядывал я восхищенным взором
И фонари, и занавес с узором.

Мне зал казался освещенным садом.
Там стулья разместились ряд за рядом.

Те ближе, эти далее от сцены —
Здесь на места различны были цены.

Рассаживались дамы и мужчины.
Вперед шла знать, назад — простолюдины.

Здесь, кроме русских, были иностранцы:
Мне встретились французы и германцы.

Нетерпеливо ждали все начала,
Свободных мест совсем уже не стало.

Артист с одной артисткою вначале
Пред зрителями спели и сыграли.

Они ушли, и вышла к нам певица,
О, как была она прекраснолица!

Глядели мы, глазам своим не веря,
Она была прекраснее, чем пери.

Наряженная в платье голубое,
Она листок держала пред собою,

Два музыканта петь ей помогали:
Играли на гитаре и рояле.

И пенье, и его сопровожденье —
Все людям приносило наслажденье.

И после отделило лишь мгновенье
Звук музыки от грома восхищенья.

Я поглядел налево и направо —
Все хлопали, кричали громко «Браво».

Певица улыбнулась, поклонилась
И, будто бы звезда за тучи, скрылась.

Но вскоре, повинясь воле зала,
Пред зрителями вновь она предстала.

И снова к людям песнь ее летела,
И вновь восторгу не было предела.

Потом певец зачаровал нас песней.
Он пел не соловьем — еще чудесней.

Мы все и это сказочное пенье
Вознаградили громом восхищенья.

Но вскоре снова все затихло в зале.
Две женщины пред нами выступали.

Одна запела песню, а другая
Склонилась над роялем, в лад играя.

От чудных звуков люди замирали
И забывали про свои печали.

Но вскоре отделил нас от актеров
Шелк занавеса с множеством узоров.

Был перерыв, а после перерыва
Все по местам расселись торопливо.

И только занавес успел подняться —
На сцену вышло девушек пятнадцать.

И замер зал от чудных звуков хора,
Послушного движеньям дирижера.

То разводил, то поднимал он руки —
Иплыли в зал чарующие звуки.

То опускали головы певицы,
То шейки вверх тянули, словно птицы.

Их голосов божественная сила
Сердца всех, кто их слушал, покорила.

И, пораженный мастерством великим,
Окаменел и стал я безъязыким.

Подобного я не слышал доселе.
Восторг и радость мною овладели.

Хотелось мне рвануться к музыкантам,
Хотелось крикнуть: «Слава их талантам!»

Одиннадцать часов; ушли певицы,
С концерта люди стали расходиться.

Но, как во сне, очнулся я не разом,
Казалось мне — меня покинул разом.

Я шел, как пьяный, в тишине и думал:
«Прийти в себя скорей бы мне!» — я думал.

Я в эту ночь, признаюсь вам, о братья,
Не спал: не мог с собою совладать я.

Все, что я видел, мне б увидеть снова! —
Нет у меня желанья иного.

О ВЫСТАВКЕ В ГОРОДЕ ТАШКЕНТЕ

I

Я выставку осматривал три дня.
Здесь удивило многое меня.

Тот вкус, что каждому дала природа,
Успешно заменял экскурсовода.

Сначала я осматривал дары
Счастливой, благодатной Бухары.

Я видел множество предметов ратных,
Для сердца мне особенно приятных.

Блистали шлемы, стрелы и щиты,
Кольчуги несказанной красоты.

И сабля исфаганская блистала,
И сабля ардаванского металла.

Я любовался, может, больше часа
Вещами из адраса и атласа.

Я любовался бархатом, парчою,
Блестевшей вышивкою золотою.

Потом в ургенчском видел я отделе
Немало удивительных изделий.

Ковры и ткани, горы белой пряжи.
Арбу большую, полную поклажи.

Залюбовался я ткачом умелым —
На выставке он занимался делом.

Потом пошел я в тот конец, откуда
Услышал крик осла и рев верблюда.

Храпели кони, ржали кобылицы.
Глядели — не могли мы надивиться.

Кашгарский конь, чей рост два с лишним вяза,
Был радостью для сердца и для глаза.

Коня торгую, публика кричала.
Сто пятьдесят рублей давали... Мало!

Я видел лошадь русского завода.
В ней чувствовались сила и порода.

И жеребцы и матки продавались,
Вокруг купцы толкались, торговались.

Здесь были кони пегие, гнедые,
Каурые, седые, вороные.

Есть на земле коней немало царских —
И русских, и текинских, и бухарских.

Ослы здесь были и тяжеловозы,
Бараны и диковинные козы.

И в виде чучел барсы и медведи
Стояли здесь, как добрые соседи.

Лиса была такая, что сперва я
На чучело сказал: «Лиса живая!»

Я видел уток чинных, цапель длинных,
Фазанов, куропадок и павлинов.

И попугаи с горлинками вместе
Сидели за решеткой на насесте.

Здесь был обыкновенный серый сокол
И белый сокол — гость земли далекой.

Мы и борзыми восхищались, глядя
На уши их, длиною больше пяди.

И тонконоги, как в горах газели,
На нас из клеток гончие глазели.

Хоть мой рассказ и краток и невнятен,
Но умным людям и такой понятен.

Коль осенит язык мой вдохновенье,
В газете вы прочтете продолженье.

II

Да будет пищею для вдохновенья
Все то, что увидал на третий день я.

Немало здесь диковин я увидел,
Неведомых штукovin я увидел.

Из тех вещей, что открывались глазу,
Про большинство я не слыхал ни разу.

Здесь побывало мудрецов немало,
Но многое и мудрых удивляло.

На белом свете не хватило б злата,
Чтоб все купить, чем выставка богата.

Здесь были, например, два фонаря
Горевшие, как яркая заря.

Светильники, что не пуждались в масле,
По мановенью проволоки гасли.

И свет их был отличен от дневного:
Был ярче он и цвета был иного.

Чудесный свет — могли бы мы сказать —
Уму изобретателя под стать.

Один фонарь считали тульским глазом,
С искусно скрытым дорогим алмазом.

Иные говорили: «Это медь,
Что порохом сумели натереть!»

А мне казалось — может, я неправ,—
Что это — тот же самый телеграф.

Что по столбам откуда-то сюда
Стальные протянули провода.

Чтобы по ним пороховая сила
Пришла б сюда и лампы засветила.

Но чем бы это ни было явленье,
Кусали руки все от удивленья.

И говорили, что сие творенье
Достойно похвалы и одобренья.

Теперь, встречаясь,— двое или трое,—
О выставке толкуют меж собою.

Смотрели б год, и то б не надоело.
Могуществу людскому нет предела.

Да будет — дай мне, небо, вдохновенье —
У моего рассказа продолженье.

ОБРАЩЕНИЕ К ВЕТРУ

Когда дарует бог, как милость, ветерок,
Прекрасен этот сад, где льнет к цветку цветок.

Благоухает сад, как мускус и мускат,
Вдыхаю аромат, но я ему не рад.

Я — жертва зла небес, познал я лживость их,
Меня сожгла дотла несправедливость их.

Я думал, что в саду от горя исцелюсь,
Хотел забыть беду, печаль свою и грусть.

Все веселы в саду, все, как бутоны роз,
А я один бреду — глаза красны от слез.

Когда увидел я тех, кто не знает бед,
Мне вспомнились друзья, кого со мною нет.

Я очень одинок в обители земной.
О добрый ветерок, лишь ты один со мной.

О добрый ветер мой, мир облетаешь ты.
Быстрее молний пыль, что поднимаешь ты.

Спеши в ташкентский край, найдя порог ее,
Влети, облобызай подошвы ног ее!

Но в первый миг, когда увидишь ты ее,
Рассудка не лишись от красоты ее.

Есть у тебя глаза — пусть кровь стекает с них,
Есть грудь — пусть будет вздох предвестьем слов твоих.

Скажи ей, преклонясь: «Будь вечно юной ты —
Владычица владык в султанстве красоты.

Знай, что в краю чужом живет невольник твой —
Измученный судьбой Фуркат, едва живой.

Знай, что не от нужды, страдая, плачет он,
Но от другой беды: с тобой он разлучен!

Он зренья потерял от горьких слез своих.
Он сердце обмотал обрывком кос твоих.

Он сердце обмотал, как в крае мусульман
Веревкою кяфир обматывает стан.

Он мрачен, нелюдим, всегда рыдает он,
И к небесам глухим его взлетает стон!

С ней, ветер мой, простись, как я простился б сам,
И в дом другой несишь и там скажи: «Салам!»

В дом, где Ишанходжа — учитель мой живет;
Чье слово и теперь мне силы придает.

Мне было легче с ним, чем с прочими людьми.
Мой передав привет, его привет прими.

Прими его привет и дальше полети,
В то место, где живет сам Ходжахан-муфти.

Сказав ему: «Салам, почтенный Ходжахан!»
Сядь, как бывало я, к нему за дастархан.

Скажи ему, что все проходит под луной.
Нет верности в любви, нет верности иной.

Нас небо предает, несправедлив наш век,
И правды на земле не видит человек.

Скажи, что счастьем бог не одаряет нас.
Миг короток, а жизнь короче во сто раз.

И, попрощавшись с ним, его покинув дом,
Ты вспомни о другом товарище моем.

Товарища зовут Махмуд Убайдулла,
Ты поклонись ему, спроси, как, мол, дела?

И устремись туда, откуда слышен шум,
Где Ханходжа-ишан и Джемальхан Махдум.

За шахматной доской по-прежнему сидят
И объявить хотят друг другу шах и мат.

Влети, им поклонись, пусть каждый будет рад...
На площадь устремись и брось на запад взгляд.

Там дом стоит большой — утеха он для глаз,
В нем каждое окно сверкает, как алмаз.

Там мрамор и гранит, там сводчатый айван,
Владеет тем дворцом Махмуд Ходжа-ишан.

Ты поклонись ему, потупя в землю взгляд,
Мне этот человек и друг и старший брат.

Мой передай привет, признательность мою,
Скажи: мне жизни нет, я — прах в чужом краю.

Скажи: «Грустит Фуркат, он умереть готов,
Не видя милых лиц, не слыша добрых слов!»

Ты дальше полетишь, увидишь — чайхана.
На берегу крутом раскинулась она.

Усядья на супе, где лучшие места,
Скажи, чтоб чай принес самоварчи-ата.

Как в дни мои, придет курпосый остро слов,
Наполненный вином гордыни до краев.

Он жалок и смешон, ты все прости ему.
Пусть будет рад и он, солги, польсти ему.

Потом в Шайхантаур лети; всем, кто там есть,
Удачу принеси и радостную весть.

Найди друзей моих, сны преврати их в явь.
Коль скорбь в сердцах у них, от скорби их избавь!

Потом лети туда, где мой горюет друг
На улице Дархан в лачуге средь лачуг —

Мой досточтимый друг, мудрец Мирза-ака,
В чем сердце на меня обида велика.

Но сердцем и душой не грешен я пред ним.
Как алкоран святой, не грешен я пред ним.

Он доверял весь век всем, кто к нему ходил,
Недобрый человек меня оговорил.

Пусть гнев его пройдет — исчадье суеты,
И пусть смахнет он пыль недоброй клеветы.

О ветер дорогой, лети, мой друг, спеши,
Найди Агзам-ходжу, Ахмада-юзбаши.

Скажи: «Ахмад-мудрец, умеющий в наш век
По виду узнавать, чем болен человек,

Склоняюсь пред тобой, тебя я видеть рад,
Тебе прислал привет знакомый твой — Фуркат.

Покинув свой Коканд — край, где родился он,
В турецкий Истамбул переселился он».

...От дома юзбаши направься на базар.
Мой друг Кари Садык там хвалит свой товар.

Он радовал мой взгляд, он услаждал мой слух.
Для тела моего он — животворный дух.

С приветом от меня ты к другу подойди.
Скажи, любовь к нему горит в моей груди.

Но если у него мой недруг Авлия,
Молчи, не говори, где пребываю я.

Ты с ними посиди, беседуй. от души,
И молча чай попей и дальше поспеши.

По Сакичман-куча пройди немного вниз.
Спроси, где там живет мой друг Абдулазиз.

К Абдулазизу в дом, чтоб повидаться с ним,
Заглянет Фарзинхан или Мирза Касым.

Ты передай Мирзе мой скромный мухаммас,
Что начал я давно, а кончил лишь сейчас.

...Потом опять лети в базарные ряды,
Где люди хвалят свой товар на все лады.

Найди моих друзей: Мирзу, Хаджу-Вали,
Мусу, Якуб-ходжу, Максуда, Мир-Али.

Все лавки обойди и караван-сарай,
Особый мой привет Хашиму передай.

На родине моей понравится навряд
Твой истамбульский вид, турецкий твой наряд.

Ведь там иной закон, иная сторона.
Купи по пять локтей сатина и сукна.

Купи и в тот же час пойди с добром своим
В лавчонку, где сидит портной уста Муслим.

С почтением скажи, что, мол, тебе нужны,
По моде тех краев, халат, камзол, штаны.

Скажи: «Тебе привет от мужа, кто, скорбя,
Мечтает всей душой вновь повидать тебя.

И помнит хорошо и любит всей душой
Тебя твой старый друг и собеседник твой».

А в понедельник в дом, где трудится Муслим,
Являются друзья, чтоб повидаться с ним.

С цветами ли сравнить сходящихся туда
Или сказать про них, что каждый, как звезда...

Там правила свои, и ты придешь не сам:
Тебя Абдулазиз представит всем гостям.

И оглядят тебя достойные мужи.
Ты к каждому подсядь и что-нибудь скажи,

Когда начнется пир, вставь слово **как-нибудь**,
О том, кто далеко, напомнить не забудь.

С гостями скромн будь: не шуми и не **тиж**.
Уйдя, облобызай края халатов их.

Дадут тебе письмо, ко мне с письмом **спеши**,
В пути храни его на дне своей души.

Ведь для моей души, страдающей от ран,
Быть может, то письмо — **бесценный талисман**.

О добрый ветер мой, прошу опять тебя:
Быстрее возвратись, я буду ждать тебя.

Кончается на сем прошение мое,
Но без конца к друзьям стремление мое.

ПОЭТЫ
НОВОГО ВРЕМЕНИ

ЛЮБОВЬ МАТЕРИ

Не вел я счет ее почам бессонным,
Не замечал ее тяжелых дней.
Я был, как все мальчишки, несмышленным,
И не ценил я матери своей.

Я был как все — не худшим и не лучшим,
Прости меня, родимая моя.
В густом лесу не знают цену сучьям,
Не ценят воду, сидя у ручья.

Тянулись дни голодной вереницей,
Десять лепешку на десять частей, —
«Дай бог, чтоб дом ваш полон был
пшеницей!» —

Шептала мать и гладила детей.

Всех нас она любила и жалела,
Чинила и стирала нам белье,
Ее лицо в заботе пожелтело,
И побелели волосы ее.

Мне говорила мать, а я не слушал.
Теперь она молчит, она мертва,

А мне переворачивают душу,
В моих ушах звенят ее слова.

Я поумнел теперь, я изменился,
Я поседел, я пожелтел лицом,
И мать свою ценить я научился,
Не потому ль, что сам я стал отцом?

Мы матерей своих не ценим долго
(В краю, где реки, дорога ль вода?),
Я перед матерью в долгу. И долга
Уже не оплатить мне никогда.

ДВА БЕРЕГА — ОДНА РЕКА

Течет река издалека,
Два берега — мы сами.
Едины мы, одна река
Течет меж берегами.

Одна река, одна судьба,
Добра или сурова,
Река воистину равна
Для берега любого.

Два берега одной реки.
В пей омуты и мели.
Два берега, как две строки,
И нет без них газели.

Течет река, бежит вода,
И знает берег каждый:
Река — и счастье, и беда,
И утоление жажды.

Меж берегов издалека
Течет река прилежно,
А, может, это не река,
А жизнь бежит поспешно.

Пусть кто-то утверждать готов,
Что берега безмолвны,

Но песнь безмолвных берегов
Поют речные волны.

Река течет куда-то вдаль
И песнь свою выводит.
В ней и безводия печаль
И радость половодий.

Два берега, две стороны,
И тем, что между нами,
С тобой мы соединены
Надежней, чем мостами.

Пусть мы два берега с тобой,
Но мы — две половины,
На век мы связаны рекой
И потому едины.

* * *

Пусть я не знаю: друг ты или враг,
Присяг не терпит ни вражда, ни дружба.
Коль друг ты, дружба выше всех присяг.
А если враг, в том присягать не нужно.

* * *

Коль в силе враг и не твоя взяла,
Что от врага увидишь, кроме зла?
Ждать от врага любви и состраданья —
Что ждать от света лунного тепла.

* * *

Коль стрелок пет в часах, не все ль равно,
Идут они или стоят давно?
Коль в сердце пет любви, не все равно ли,
Остановилось вль стучит оно?

* * *

Вот пиала с вином, над нею мотылек
Кружится, думая, что пиала — цветок.
И тонет мотылек, решив, что сел на розу...
Как вишневый сок всегда обманчив и жесток.

* * *

Не тот из нас воистину велик,
Кто видел мир, прочел десятки книг.
Душа людская — шире мироздания.
Тот умудрен, кто суть ее постиг.

* * *

Когда сгораешь ты и терпишь зло,
Не говори об этом с кем попало,
Расколется горячее стекло
И от одной холодной капли малой.

* * *

Иной из нас своим величием пьян,
Считает благом все свои повадки,
Забыв, что самый страшный наш изъян —
Считать себя лишеным недостатков.

* * *

Родник подроешь — утечет вода,
Подроешь корень — дереву беда.
Об этом вспоминать и сам я должен,
И ты, мой критик, должен иногда.

* * *

Мы на луне отсюда видим пятна,
А может, это чистый водоем.
А человек!.. Издалека превратно
Выносим мы суждение о нем,
И может быть в нем влагой благодатной,
Что издали нам кажется пятном.

ДЕНЬ И НОЧЬ

Тускнеет свет, уходит солнце прочь,
За днем вослед на мир нисходит ночь,
Дым — это след и следствие огня,
Ночь — следствие и след былого дня.

Что делать: в мире есть и тьма и свет,
Порой несчастье — это счастья след.
Но пусть во тьме нас тошнит мысль одна:
Ведь ночь не вечна, хоть порой длинна.

Настанет лето, а потом зима,
Мелькают радость, горе, свет и тьма.
А ночью человек ложится спать
И верит: завтра будет день опять!

УТЕШЕНИЕ

Пришел сосед мой, потерявший мать,—
Утешу ль я его хоть в малой мере?
Что мне сказать, какой совет подать,
Чтобы умерить боль его потери?

Боль неподвластна никаким словам,
Когда мы матерей теряем милых.
Давно все это пережил я сам
И до сих пор утешиться не в силах.

Утратив, все же можно иногда
Вернуть богатство, честь, любовь любимых.
А матери уходят навсегда,
И это никогда невозвратимо.

Так что ж, сосед, тебе сказать сейчас
Такого, в чем найдешь ты облегченье?

Опа была стара, всему свой час.
Но разве это сыну — утешенье?

Мы потеряли наших матерей,
И нам теперь утешиться едва ли.
Но проживем давай остаток дней,
Как наши матери в мечте своей,
В своей ночной молитве нам желали.

* * *

Любовь в сердцах как на стекле узор:
Счищай, скреби, травн — он не сотрется.
Он остается явным до тех пор,
Пока само стекло не разобьется.

ЗАБОТА МАТЕРЕЙ

Я знаю, мама, с первого же дня
Ты слез горючих пролила немало.
Ты не спала, молилась за меня,
Удачи, счастья, славы мне желала.

Я рос и прибавлял тебе забот,
Я взрослым стал, и ты молила, плача:
«Сыночек, пусть судьба тебя спасет,
Пусть за тобою вслед идет удача».

И в дин, когда успех мой был далек,
Когда писать стихи я лишь учился,
Молилась мать: «Дай бог, чтоб ты, сынок,
Не возгордился и с пути не сбился».

Я понимал ее боязнь и грусть.
Я не для славы тидился дин и почи
Стихи писать, а слава, думал, пусть
Со мною обойдется, как захочет.

Чиста молитва наших матерей,
Они нам не желают горькой доли
И все же легкой славы сыновей,
Чем неудачи их, боятся боле.

И ты, судьба, наш путь не золоти,
Ведь матери в своей тревоге правы:
Не страшно славы нам не обрести,
Страшнее во сто крат сойти с пути
И возгордиться вдруг, достигнув славы.

ЗУЛЬФИИ

В том цветнике, где все мы расцветали,
Ты ярче всех была в расцветный час,
Хоть, как печаль твоя, такой печали
Я не желаю никому из нас.

Как много говорим, как много спорим
Мы, ненавидя — это, то — любя.
Я всем желаю, чтобы у тебя
Учились разделять чужое горе.

ТИГРЕНОК

Лежит тигренок на траве примятой,
Он жмурится, теплу и жизни рад,
Халат его лоснится полосатый,
Игрив и добр его лукавый взгляд.

Кладет на лапы голову тигренок.
Лежит, блаженно щурясь на жаре.
Лежит тигренок, он еще ребенок,
Готовый к ласке и любой игре.

С улыбкой доброю проходят люди,
Но знаю я: пройдет немного дней —
Он станет тигром, сменит шерсть и будет
Еще красивей и еще сильнеей.

Наверно, был бы очень я счастливым,
Коль знал, что, став сильнее во много раз,
Остался он таким же незлобивым,
Совсем не кровожадным, как сейчас.

ОПОРА

Наш окрик «хайт!» — опора всякий раз
Верблюду, если кладь он тащит в гору.
Так в чем же, вспоминаю я сейчас,
Я находил подмогу и опору?

Аркану каждый лишний волосок,
И топенький, — изрядная подмога.
Когда передо мной был путь далек,
Стоял отец и мне светил с порога.

В тот вечер под навесом южных звезд,
Мерцавших над землею в отдаленьи,
Шел мой отец, в руках светильник нес
Со мною вместе до конца селенья.

С тех пор уже прошло немало лет.
Удач и бед хлебнул всего помногу,
А тот давно уже погасший свет
Поныне озаряет мне дорогу.

Могильный холм отца за далью гор
И молодость былая за горою,
А прежний тот светильник до сих пор
Горит и помогает мне порою.

И в черные, глухие вечера,
Когда, казалось, плохо было дело,
Вдруг слышалось, как с отчего двора
Чинара в утешенье мне скрипела.

Когда вдали от стороны родной
Я замерзал или стонал от боли,
В сознании вставало предо мной,
Как знак надежды, хлопковое поле.

Судьба, куда меня ты ни бросай,
Куда ни уводи меня, дорога,
Есть память, мой отец, родимый край —
Они моя опора и подмога.

* * *

Я молод был, и сила бушевала,
Мечтал лететь. Куда?

Куда-нибудь.

Влюблялся, страсти мне теснили грудь,
Ночами я не мог уснуть бывало.

Кто знает: я постиг ли жизни суть?
Но знаю: срок пришел угомониться.
Чему случилось сбиться иль не сбиться,
Жизнь рассудила.

Я вершу свой путь.

Так почему же мне опять не спится?

О молодости, что не повторится,
Я думаю и не могу уснуть.

* * *

Я вижу, волны, вашу красоту,
Я вижу, как блестит морская пена.

Вы хрусталем горите на свету.
Заходит солнце — блекнете мгновенно.

Мне молодость напомнила волна,
Любовь мою, что в руки не давалась,
Как пена волн, то хмурилась она,
То вдруг искрилась, пела, улыбалась.

ЦВЕТOK И ПЕЧАЛЬ

Не повидав наш край, ты не вини
Тех, кто цветы стихами воспеваеТ,
Как их не воспевать, когда они
Цветут везде и все благоухает?

Конечно, кроме веток и цветов,
Здесь беды и печали — все бывает.
И все же красота родных садов
Порою беды наши исцеляет.

Здесь светит солнце, здесь цветут цветы,
В беде нас утешает их цветенье.
Взгляни на эту землю, здесь и ты,
Быть может, сам отыщешь утешенье.

ДОСТОИНСТВО ВЕСНЫ

В чем главное достоинство весны?
Не в обещаньи ли, что в ней таится?
Не потому ль бутоны так ценны,
Что суждено в цветы им превратиться?

Вспою я гляжу — не нагляжусь
На лозы моего родного сада,
Уже весной я ощущаю вкус
Осеннего ви́па и винограда.

Восходит всход из хлебного зерна,
В листочках хлопка набухает сила,
И все ж не дорога была б весна,
Когда бы нам надежды не дарила.

Пусть в мире нашем, где весна не сплошь,
Есть и беда, и горе, и забота,
Земля прекрасна наша, мир хорош,
Покуда верим мы и ждем чего-то.

ДРУЗЬЯ

Был у меня дружок,
Я с ним гулял бывало,
Пил более чем мог,
А я и мог немало.

Был друг еще другой,
Мы, что ни день, встречались.
Болтали и порой
От смеха надрывались.

Не ведая греха,
Пусты от празднословья,
Мы все: «хи-хи, ха-ха!»
Да: «За твое здоровье!»

Бродили тут и там,
Нас люди избегали,
Вослед глядели нам
И головой качали.

Но вот однажды вдруг
В дверь постучался кто-то:
Пришел мой третий друг,
По имени РАБОТА.

И понял человек,
Я, пьющий и курящий,
Что третий друг — навек,
Он — друг мой настоящий.

А прежних два дружка,
Которые все те же,
Не рвут со мной пока,
Но видятся все реже,

Мне кисло их вино,
То, чем я озабочен,
Для них всегда смешно,
А для меня не очень.

Я понял, что ценна
На свете лишь работа:
Она пьяней вина.
Приятней анекдота.

И стало то ясней,
Что было нам неясно,
И очень жалко дней,
Потраченных напрасно.

СОВЕТ

Ты правду скажешь вдруг неосторожно,
И кто-нибудь обиду затаит,
Нам все равно не избежать обид,
Поскольку всем потрафить невозможно.

Солгать? Но счастья не прибавит ложь,
Когда, чтоб угодить кому-то снова,
Хорошего плохим ты назовешь
Или хорошим назовешь плохого.

Как ты ни изловчишься, ни схитришь,
Каким ни прослывешь судьбою строгим,
Кому-то правдой ты не угодишь,
Но ведь и ложью угодишь не многим.

На свете существует честь и стыд,
И существует истина простая:
Ты говори то, что душа велит,
Не нам, не им, а Правде угождая.

* * *

Певец, строитель ты иль хлопкороб,
В твоих руках пусть не иссякнет сила,
А более всего желаю, чтоб
Тебе работа счастье приносила.

Пусть будет так и пынче и всегда,
А кроме этого тебе желаю
Дожить до завершения труда —
Поэмы, здапья, сбора урожая.

КАРАГАЧ

От ветерка листва карагача
Дрожит, как борода бородача.
Слегка дрожит листва в погожий день,
Вокруг ствола свою бросает тень.

Ему лет сто, а может, двести лет,
Сюда отец мой приходил и дед,
Чинар всегда их тенью укрывал,
Он в знойный день своей листвою шуршал.

Его листву благословляет весь
Люд благодарный местности окрестной,

Будь славен добрый человек безвестный,
Когда-то карагач взрастивший здесь.

ТАК УСТРОЕН МИР

Порой я в жизни попадал впросак,
Нередко руки опускал в бессильи.
«Что, брат, поделатъ, мир устроен так», —
Участливо мне люди говорили.

Кого-то бьют, а он не виноват,
Кого-то в чем-то ложно уличают.
«Так мир устроен», — люди говорят.
«Что можем мы поделатъ!» — добавляют.

И если по случайности дурак
Пост получил и суд вершит пад нами,
«Так мир устроен, свет устроен так», —
Мне объясняют, разводя руками.

И если недостойный наш сосед,
Хоть жив, а сына сделал сиротою,
Все ту же фразу: «Так устроен свет», —
Мне говорят, качая головою.

«Так мир устроен», — люди говорят,
Но так не говорю я с ними вместе.
Я понимаю: мир не виноват
В том, что забыл ипой из нас о чести.

Все создал человек: и свет, и мрак.
Ты, человек, смеешься здесь и плачешь,
И если в мире что-нибудь не так,
То только ты его переиначишь.

Мир этот людям не в подарок дан,
Мы потом платим за него и кровью,

Так неужель его иной изъян
Мы не исправим честью и любовью?

«Так свет устроен!» — слышу я в ответ,
Когда на что-то жалуясь порою.
Но если, правда, так устроен свет,
Ты виноват, что свет не так устроен.

Ты, человек, меняешь русла рек.
Ты сам наносишь, сам врачуешь раны,
За сладость мира слава, Человек,
Позор тебе за все его изъяны.

ГОРЕНИЕ

Я долго не писал, и все вокруг
Притворно, нет ли, выражали горе,
Как будто, если море стихло вдруг,
То это значит, что иссякло море.

Огонь Поэзии, зажги меня.
А впрочем, не всегда нам уловимо
Различие между дымом без огня
И подлинным огнем с клубами дыма.

Жгла и меня обманная беда.
Я тоже извергал огонь бывало,
Но это пламя ложное всегда
На строчках только сажеей оседало.

Случалось так, что слава и хвала
Мешали делать истинное дело.
Была не от горения зола,
Была зола, хоть пламя не горело.

Меня порой презренный влек металл,
Порой мешала легкая удача.

Я блеск ее за пламя принимал,
Писал о чьем-то горе, сам не плача.

И все ж не соболезнуйте: как знать,
Случится, и настанет вновь мгновенье,
Мне боль и счастье принесет опять
Былое настоящее горенье.

ПОСОХ МОЕЙ МАТЕРИ

Когда я вдруг однажды захворал,
Взял посох матери и сжал рукою,
Как будто мало я ей досаждал,
Что не даю и посоху покоя.

Служил он честно матери моей.
Я, помню, слышал стук ее спросонок,
И словно стан ее на склоне дней,
Был этот посох искривлен и тонок,

И кто-то пошутил — не помню кто —
Со смехом мне перебежав дорогу:
«Брось эту палку старую, не то
И на другую охроеешь ногу».

Не мог он знать, случайный тот шутник,
Своей обрадованный шуткой свинской,
Что суковатый посох мой велик,
Поскольку это посох материнский.

Я шел, не чувствовал себя хромым,
Казалось, мать меня сопровождает
И даже после смерти исцеляет
И помогает посохом своим.

На мысли запоздалые мастак,
И слишком добрый добротой не скорой,

Я думаю: для матери хоть так,
Как посох этот, был ли я опорой?

ПОМОЩЬ

Приходят к нам за помощью подчас,
А мы — да то, да се, да нету средства...
Мы, к сожалению, не всякий раз
При этом вспоминаем пору детства.

Пусть все прошло давно. Когда? Бог весть.
Цветы мы рвали, сливы воровали
И чтоб товарищу на крышу влезть,
Как лестницу, мы спину подставляли.

Мы, дети, были слабыми еще.
Друг другу не могли помочь помпогу,
Но все же спину друга и плечо
Всегда могли мы взять себе в подмогу.

Потом в траву валялись мы ничком,
На солнце грелись, вольны и счастливы,
И говорил мне друг: «Будь я царем,
Тебе б я отдал все сады и сливы».

Мы сделать можем многое сейчас,
Хотя с тех пор царями и не стали,
Мы стали взрослыми, мы сил набрали,
Но сто причин мешают каждый раз
Помочь кому-то в час его печали.

Как жаль, что годы детства далеки,
Что жизнь не возвращается по кругу,
Что мы теперь, коль руки коротки,
Не подставляем спин своих друг другу.

Где ж ныне доброта, что в нас была,
Где то, что мы считали самым важным?
Или, как лодка с парусом бумажным,
Она давно куда-то уплыла?

Кто хочет нам помочь, пути найдет,
Все это сделав с чуткостью предельной.
Из глаз слепых и то слеза течет,
Коль рождена бедою неподдельной.

* * *

Была жива твоя старуха-мать,
Не приезжал ты из столицы дальней.
Ты даже не приехал провожать
Ее в последний путь в день погребальный.

Ужель теперь, раскаявшись, постиг,
Что был ты сын плохой и недостойный,
И вот плиту из мрамора воздвиг
Над прахом матери своей покойной.

Увы, понять тебя не мудрено:
Тебе не стало больно или стыдно.
А памятник? Но так заведено.
Да, имя с матерью у вас одно,
Его ты крупно выбил, очевидно,
И золотом покрыл, чтобы оно
Всем проходящим людям было видно.

* * *

Нашей юности нету возврата,
Что уйдет, не вернется потом,
А меня принимают за брата,
Если с сыном мы рядом идем.

Как весной, мне хочется змея
Смастерить и пустить в высоту.
Я на сына гляжу и робею
И в себе подавляю мечту.

Жизнь не может начаться сначала,
Но я вижу невест, и пет-нет
Да и хочется мне, как бывало,
Посмотреть восхищенно им вслед.

Хоть давно я не ветреный парень,
Седина в бороде не блестит.
«Только дети родителей старят»,—
Так узбекская мудрость гласит.

Старюсь я иль ума набираюсь,
Я степеннее стал и сейчас
Всякий раз на детей озираюсь,
Хоть хочу — не пускаюсь я в пляс.

Может быть, и похож я на брата,
Если с сыном на нас поглядеть,
Но могу ли я так, как когда-то,
Как мой сын, веселиться и петь?

Я себя стариком не считаю,
В бороде моей нету седиц,
Но как грустен порою бываю,
Если в сыне печаль замечаю.
Озабочен я тем, что мечтаю,
Чтобы был беззаботен мой сын.

Когда от нас уходит человек,
Нам в утешение года считают.
Нам говорят: «Он прожил долгий век».
И думают, что горе облегчают.

Зачем нас утешать, зачем считать,
Ужель мы арифметике поверим?
Как ни стара была, мать — это мать,
И числа нам не облегчат потери.

ИТОГ ЖИЗНИ

Грешат иные слабостью подчас,
Мечтают многие себя прославить,
А впрочем, все мы грешны: кто из нас
Не хочет славу по себе оставить?

И для того, чтобы оставить след,
Придумывают каждый путь посильный.
От некоторых след на много лет
Останется лишь на плите могильной.

Иной тщеславный выбился из сил.
А славы не обрел, хоть ей служил,
И долгий век на белом свете прожил.
Живет сто лет и больше крокодил,
Но чем и как себя прославить может?

Ты жил недаром, если кто-нибудь
Пойти мечтает по твоей дороге
И жизнью повторить твой скромный путь
И по себе оставить след в итоге.

Всего одну весну, короткий срок,
Живет на белом свете шелковица,
Но, надевая платье иль платок,
Не могут люди наблагодариться.

Она вовек тщеславной не была
И, сделав что могла и что умела,
Она себя прославить не хотела,
И никому не причинила зла
И в яркий шелк красавицу одела.

ПЛАНЕТА-МАТЬ

Заснятая со спутника луны,
Вот мать-земля, округла и щербата.
Она не больше кувского граната.
На ней хребты и те едва видны.

На ней моря большие — со слезу,
На ней вершины гор — с зеринку хлопка,
И страны — эти сверху, те внизу —
Комками глины прилепились робко.

Не разглядеть, малы иль велики
Все эти земли, близки иль далеки?
Но там живут вожди, певцы, пророки,
Младенцы, юноши и старики.

Там раздаётся цоканье копей,
Там над горами слышен клич орлиный,
Там в отблеске пастушеских огней
По вечерам на склонах тени длинны.

А поутру с кувшином на плече
Идет красавица, мечтающая тайно
Джигита, отраженного в ручье,
С собою рядом увидеть случайно.

Планета, мать моя, моя святыня,
Хоть нет тебе ни края, ни конца,

Твой сын, я на тебязираю ныне
Впервые в жизни с нежностью отца.

Мала ты иль бескрайна, я не знаю,
Но вижу я, что ты спешшь вперед,
К своей груди с тревогой прижимая
Людских детей, как собственных сирот.

Не все тебе приносят счастье дети.
Не все они живут, тебя любя.
Как много крови пролито на свете,
Чтоб поделить иль защитить тебя.

В одном твоём краю — садов цветенье,
В другом твоём краю — огонь и прах.
А ты вершишь обычное круженье,
Ты все выносишь на своих плечах.

Накалены пески под солнцем юга.
На севере от льдов белым-бело.
Все рождено тобой: жара и вьюга,
Болота и сады, добро и зло.

Как разные цветы, на белом свете
Неповторим и каждый край земной.
И, может быть, прекрасней всех соцветий
Земля моей Отчизны, край родной.

Но верю я, что мир и справедливость
Когда-то в каждом расцветут крае,
И чтоб быстрее это совершилось,
Возьми, моя планета, жизнь мою!

Я жив твоей тревогой, болью, страстью,
И мне не надо в жизни ничего.
Пусть никогда твое не меркнет счастье,
Неотделимое от моего!

ПОЭТ

• Не думай, что поэт
Земного сторонится.
Он не обходит зол
И не таит добра,
На то он и поэт,
Что легок, словно птица,
Хоть груз его тяжел,
Как снежная гора.

У МОГИЛЫ ПАХЛАВАН-МАХМУДА

Когда мое беспомощно стило
И озаренья жажду я, как чуда,
Когда меня одолевает зло,
Я жду подмоги Пахлаван-Махмуда.

Когда мне светит яркая звезда,
На время забывается беда,
Когда ликует дух мой — и тогда
Я жду подмоги Пахлаван-Махмуда.

...Опять мое беспомощно стило,
И жду я озаренья, словно чуда.
И снова слово в строчку не легло,
Я слышу голос Пахлаван-Махмуда:
— Мне самому, брат, было тяжело,
Но помощи не ждал я ниоткуда.

КАМЫШ

Он, не ведая горя,
Красовался и цвел.
Но однажды под корень
Люди срезали ствол.

Сердцевину убрали,
Чтоб камыш умертвить,
Подрезали, строгали,
Перед тем как сверлить.

И конец заостряли,
Подгоняли хитро,
На огне обжигали,
Продували нутро.

Было горько и больно,
И, униженный, он
Вдруг заплакал невольно,
Тяжкий выдавил стон.

О своих неудачах
Он, который уж год,
Не поймешь, то ли плачет,
То ли песню поет.

Слышу: дудочка тяжко
Стопет, песню запев...
Чем больней ей, бедняжке,
Тем красивей напев.

И я мыслю невольно
Об уделе певца.
О поэте, чьей болью
Услаждают сердца.

* * *

Давно я не бывал в родном селенье,
Домой пишу я редко, к сожаленью,
Там плачет мать моя, встает чуть свет
И, заглушая вечную тревогу,

Ждет письмоносца, смотрит на дорогу,
А писем от меня все нет и нет.

Она с надеждой смотрит на дорогу
И молится неслышащему богу,
Ждет моего приезда иль вестей.
А я, чудак, сижу, пишу в потемках,
Ищу слова в заботе о потомках,
Хоть матери мой слова пужней.

ОРЕЛ

Летит и крыльями дасквозь
Он облака пронзает.
Орел, он в небесах не гость.
Он в небесах хозяин.

К скале он в утреннем дыму
Летит над облаками,
Но что он ей и что ему
Ее холодный камень?

В отличие от прочих птиц
Не ищет он чего-то.
Летит орел, и нет границ
И нет конца полета.

Но долетит и, как всегда,
Вокруг он оглядится.
И вновь неведомо куда
Внезапно устремится.

Я думаю:
 создав орла,
Природа, неужели
Найти ты в мире не могла
Ему достойной цели?

ЛЮДИ

И сходятся и расстаются люди.
Что встретятся опять, кто даст зарок?
Пусть остается путник, гостем будет,
Смеркается уже, а путь далек.

Гость остается; подождет дорога.
Дает хозяин пить ему и есть.
Не всякий раз еды бывает много,
Но всякий раз все то, что в доме есть.

Хозяин гостю изливает душу,
И гостю тоже есть что рассказать.
Не надоест им говорить и слушать,
И замолкать, и начинать опять.

Речь сладкая течет и чай нежидкий,
Но в мире почь, и надо отдохнуть,
А утром сложит гость свои пожитки
И вновь отправится в свой дальний путь.

И друг у друга, чтя обычай свято,
Имен они не спросят, встав чуть свет.
Вновь суждено ль им встретиться когда-то?
Кто знает: может, да, а, может, нет.

* * *

— Проснись скорей, что без толку валяться?
Не надо спать иль слящим притворяться.
Играют блики солнца на стене.
Что ты молчишь, не отвечаешь мне?
И слезы на ресницах серебрятся.
Ты почему не хочешь просыпаться?
— Я спал, я видел молодость во сне!

БЕСКРАЙНОСТЬ

Мир ни одной не ограничен гранью.
Он непостижен моему уму,
Поскольку нет предела мирозданию,
Но есть предел сознанию моему.

Порой, не чувствуя его границы,
Как капля в море, затерявшись в нем,
Я от его бескрайности укрыться
Мечтаю в тесном домике своем.

* * *

Стал зрелым юношей подросток хилый.
Он рослым стал и крепким как-то вдруг,
И ныне нет преграды перед силой
Его налитых мускулами рук.
Пред ним открыты все пути земные,
Ему подвластны в мире все стихии,
И стала сильная его рука
Настолько грубой, чтоб теперь впервые
Погладить нежно пряди золотые
Его любимой, что нежней цветка.

* * *

Ты плакала, ты мой ловила взгляд.
Ты так искала этого свиданья,
А я глядел, как небеса горят,
И думал о величье мирозданья.

Сегодня я один в своем дому,
Ты далека, я сам все смял и спутал.
Что мирозданье мне, что я ему?
Пришла бы ты ко мне хоть на минуточку.

* * *

В огне грозы иль под горящим кровом
Я ни сегодня не сгорю, ни впредь.
Я возвращусь к тебе живым-здоровым,
Чтобы от взгляда твоего сгореть.

И в бурю, что ломает пароходы,
Не утону, останусь я в живых.
Я возвращусь, пройду огонь и воды,
Чтоб утонуть в пучине глаз твоих.

* * *

То громче о любви он пел, то тише.
Пел весело, он в пенье был умел.
И радовались все, кто песню слышал,
За исключением той, о ком он пел.

Пел о любви певец, пел о печали,
Он упивался тем, что петь умел.
Все слушавшие слезы утирали,
За исключением той, о ком он пел.

Но вот он песню спел не столь умело,
Спел песню о любви, что сердце жгла.
Он людям пел о том, что наболело...
Тогда к певцу любимая пришла.

ОСЕННИЙ ПЕЙЗАЖ

Меня влечет в сады, влечет к природе,
Туда, где от осеннего огня
Уже пылают листья, что походят
На жар, горящий в сердце у меня.

В сады, где паутина, словно тина,
Где меж ветвей блестят ее слои.
А может, это и не паутина,
А мысли бесконечные мои...

Давно уж солнце не сжигает кожу,
А холодно мерцает меж ветвей,
Как будто на любовь оно похоже,
Оставшуюся в юности моей.

МАТЬ

С небес звезда падучая упала,
И кажется, что прекратилась связь,
Нарушились какие-то начала
И, может, чья-то жизнь оборвалась.

О мать моя, с той роковой минуты,
Как в горе осознал я твой уход,
Все думаю, все жду я почему-то,
Что звезды упадут
И рухнет небосвод!

* * *

С соседями часов он не сверяет,
Курантам он и то не доверяет.
Ждет радиосигналов позывных
И, слыша их, чуть стрелки поправляет
Давно проверенных часов своих.

Чтоб точно шли его часы, он хочет;
Стремлюсь постичь, но непонятно мне:
Зачем он временем так озабочен,
Когда — я знаю — он с утра до ночи
Сидит, зевая, в нашей чайхане.

Твердят на сотнях разных языков:
«Эй, сыновья, не будьте так беспечны,
Жалейте, берегите стариков,
Мы старики, а старики не вечны».
Они мудры, и в правоте своей
Достойны нашей доброты.

И все же

Скажу я: «Берегите сыновей,
Поскольку сыновья не вечны тоже!»

ПАМЯТЬ

Уже лет десять или даже боле
Не видел я родимого угла.
Мои следы песок засыпал в поле,
Моя тропа травкою поросла.

Я на стволе чинара молодого
Свое когда-то имя начертил.
Но, словно рана, затянулось слово,
И ствол окрепший слово позабыл.

За этот срок мой край переменился.
Наш старый мост разрушила вода,
Из земляков кто умер, кто женился,
Кто прочь ушел неведомо куда.

Смешно несправедливость видеть в этом,
Никто не остается молодым.
Закон извечный движет белым светом,—
Кто отжил век, сменяется живым.

Но неужели запесло пескам
Все прошлое мое, как в поле след,

И поросло сплошными сорняками
Все то, что сделал я за много лет?

Ужели место занято другими,
И позабыт я в отчей стороне,
И, словно на чинаре, стерлось имя
В сердцах людей, поныне милых мне?

Ужель от юности моей зеленой
На свете не осталось ничего,
И рухнул мост, когда-то наведенный
К сердцам людей от сердца моего?

Безжалостна и неподкупна память.
Ей нас судить своим судом. Она
Изо всего, содеянного нами,
Лишь истинное оставлять вольна.

КАНАТОХОДЕЦ

Под синим небом,
Рядом с облаками
Танцует он с закрытыми глазами.
То встанет и подастся чуть вперед,
То, как слеза на выгнутой реснице,
Висит он и паденья не боится.
То по веревке медленно идет.

Похлопайте ему!
Какой он ловкий,
Как по своей натянутой веревке
Легко скользят он в небе голубом!
Канатоходец смел, а мы-то с вами,
Бывает, и с открытыми глазами
И по земле опасливо идем.

* * *

Возможно, в этом вовсе нету чуда,
Но, правда, мир походит на базар:
За жизнь свою не встретил я покуда
Того, кто б говорил, что плох его товар.

* * *

Готовит люльку добрая рука,
Растят коня для малого сынка,
Лишь кто-то, может, самый дальновидный,
Ему строгают посох старика.

СОЛОВЕЙ

Меня не опьяняй, себя гы пожалей,
Не соловью, не внять мне горести твоей.

Не изливай мне скорбь, ведь у меня, ей-богу,
Без плача твоего достаточно скорбей.

Мне песнь людей внятна, твоя же непостижна,
Другому соловью твоя беда ясней.

Мы — люди, нам не пой своих печальных песен:
Печали соловья поймет лишь соловей.

* * *

В просторной чайхане весь день
О чем-то старики судачат,
Кружком неплотным севши в тень,
Бросают кости, ждут удачи.

Они свои прожили дни,
И скоро их родня оплачет,

Но все ж ведут игру они,
И веря, ждут еще удачи.

* * *

Хоть не спросили моего желанья,
На эту землю в свой пришел я срок
И понял что-то из того, что ране
Понять кому-то было невдомек,
И то сказал я в меру дарованья,
Что мой предшественник сказать не мог.

Как я пришел, так в свой уйду я срок,
И кто-то из моих потомков милых
Постигнет, может, то, что я не мог,
То скажет, что сказать я был не в силах.

* * *

Сиротствует средь галок соловей,
Сиротствует родник среди камней,
Познавшие любовь и мы — сироты
Среди любви незнающих людей.

* * *

Человек — вершина мирозданья,
В нем добро, и сила, и сознание,
Чудно даже в низости своей
Это совершенное создание.

* * *

Обрамлены висят портреты в ряд.
Вот Лермонтов, вот Байрон, вот Фуркат.
Они, кому был мир когда-то тесен,
На мир из рамок тесных вдаль глядят.

Они вкусили и любовь и гнев,
Они когда-то жили, все презрев,
Вовек не могут быть поэты в рамках
И входят в рамки только умерев.

ОБ УДАЧЕ

Я вновь в полночной тишине
Стихи читаю. Это значит:
Я живь покудова и мне
Еще сопутствует удача.

Печаль подстерегала нас,
Сложиться жизнь могла б ипаче,
Но слышишь ты меня сейчас,
Мы живы, значит, нам удача
Сопутствует и в этот час.

* * *

Я ждал ее, и вот весна запела.
Тьма облаков рассеялась, взгляни.
Даль просветлела, высь заголубела,
Как будто жизнь моя в иные дни.

Играют ветры где-то там, на воле.
Любимая, скорей со мной иди
Куда-нибудь: в луга или же в поле,
Чтоб суета осталась позади.

Прозрачно небо, речка серебрится,
Дождем омыты отчие края.
Но все, что есть, уйдя не возвратится,
Как сила и как молодость моя.

И листья, что сегодня так шумливы,
К ногам твоим осыпятся в свой час,

И время — этот путник торопливый —
Умчавшись вдаль, не пожалеет нас.

Любимая, все в мире быстротечно.
Так дай мне руку и пойдем скорей.
Поэты лгали нам: весна не вечна,
Ей срок дней сто и столько же ночей.

* * *

Теперь уж ни друзьями, ни врагами
Не стать нам ни в какие времена.
Что так случилось, мы повинны сами:
И я виновен в том, и ты грешна.

А впрочем, я ль виновен, ты ль повинна, —
Зачем об этом говорить сейчас,
Единое солнце и земля едины —
И больше нету общего у нас.

Так для чего ж теперь рядиться, словно
Сто лет еще на свете проживем.
Ведь все равно вину и невинность,
Покинув мир, с собой мы не возьмем.

* * *

Хотел я начертать в былые дни
Портрет влюбленного, по хватать нечем,
Хоть в неудаче нет моей вины.
Кто истинной влюбленностью отмечен,
Тот говорящему во сне сродни:
Ни сам, ни кто-то из его родни
Понять не может той невнятной речи.

* * *

Вздыхая тяжко, пролетает ветер,
Стремясь извечно вдаль издалека,
Быть может, он несчастней всех на свете,
Застыть мечтает он, как горы эти,
В безмолвьи и покое на века.

Но почему печальны горы эти?
Безмолвье и покой — вот их беда;
Они несчастней всех на белом свете,
Они мечтают вдруг вспорхнуть, как ветер,
И полететь неведомо куда.

* * *

Мой верный друг, давай наполним чашу,
Не расплескав их, поднесем к губам
И выпьем за здоровье близких наших,
За солнце, что так щедро светит нам.

Верь, ничего не надо мне иного,
Заглядывало б солнце к нам в окно,
Родня моя была б жива-здоровая,
Текли б стихи ручьем и ручейком вино.

* * *

Быть может, от земли своей родимой
И я уйду, дорогою влеком.
И после, проходя однажды мимо,
Украдкой ты в мой заглянешь дом.

Быть может, из других жильцов кому-то
Случится в эту самую минуту
Склониться над моим столом былым,

Ты, может, ошибившись почему-то,
Его окликнешь именем моим.

И может, удивишься ты впервые,
Появ, что нет меня с тобой давно.
Или тебе уж будет все равно:
Я за столом сижу или другие.

Я знаю сам: случается подчас,
Что от любви дано нам излечиться,
И некогда нам дорогие лица
Стереться могут в памяти у нас.

Что все не вечно в мире, и в начале
Уже с тобой мы оба это знали.
И буду опечален я не тем,
А тем, что после слов, что мы сказали,
В нас вовсе не останется печали
И даже память сгладится совсем.

ИЮНЬ В УЗБЕКИСТАНЕ

Восходит солнце, спины обжигая,
Его лучи земле тепло несут,
И снежные вершины, оседая,
От счастья иль от горя слезы льют.
Восходит солнце, спины обжигая.

Весь день желтеет солнце в небе сонном,
Дни медленны, как желтые волю,
И только почи на беду влюбленным
И коротки, и звездны, и светлы.
Весь день желтеет солнце в небе сонном.

Все на земле успело распуститься:
В пизине васильки, в горах душица,
На склонах гор уже созрел ячмень,
И надо косарю поторопиться,
И песней он встречает летний день.
Все на полях успело распуститься.

И старый человек в халате синем
Идет по полю, улыбаясь дыням:
«Кому дожить случится, тот поест!» —
Так шепчет обитатель этих мест.
Тот старый человек в халате синем.

Июнь — вершина, середина года,
Как жизнь людская к сорока годам.

Не в эту ль пору так щедра природа?
Не в эту ль пору все под силу нам?
Июнь — вершина, середина года.

СТИХИ О ПАМЯТИ

Один твердит: «Напрасно день я прожил!»
Другой твердит: «Не зря я прожил год».
На свете все проходит, все течет
И не становится никто моложе.

Проходит день за днем, за годом год.
И что мы ни свершаем, как ни судим,
Все позади останется, пройдет,
Но хоть пройдет, быльем не порастет,
Покудова присуща память людям.

Чтоб ты ни сделал на веку своем,
О том когда-нибудь напомним память.
Что было, то не порастет быльем,
Оно или кольнет тебя шипами
Или одарит розами потом.

Быть может, ты разъедешься с соседом,
И друг уйдет в один прекрасный день,
А память всюду за тобою следом
Пройдет, как суть твоя, а не как тень.

Все будет: свет и тьма попеременно,
Пройдет тревога, и придет покой,
Но все, что было бренно иль небренно,
Когда-нибудь вернется непременно,
И может, стапет песенной строкой,
А может, нашей болью ночеденной.
И это — свойство памяти людской,
Проклятой равно, как благословенной.

КОГДА ДЕВУШКАМ СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ

Красавицы на берегу Анхора
Сидят, от волн не отрывая взора.

Течет вода поспешно и привычно,
Не унося с собою дум девичьих.

Что делать, если повзрослели дети
С семнадцатой весной на белом свете,

Что к ним идет весна, спускаясь с гор,
Не так, как те шестнадцать, до сих пор?

Что делать, если гложет их забота,
И сладостно предчувствие чего-то.

В семнадцать лет они взрослые, и дело
В том, что душа их для любви созрела.

Так что ж весна им принесет из дали —
Любовь, что не бывает без печали,

Иль тщетное волнение в крови
Печали, что бывает без любви?

Коль для любви уже открыто сердце,
В свой час любовь придет, куда ей деться?

Как ни загадочны ее пути,
Она придет, коль время ей прийти.

ШАРИФА

Тебя молвою злою очернили,
Тебя оговорили, Шарифа,

Каких напраслин ни нагородили
И сплетню повторили, Шарифа.

А ведь еще не так давно не мы ли
С тобой едины были, Шарифа?
Повсюду вместе об руку ходили,
Друг друга мы любили, Шарифа.

Но дни летели, и ложились тени,
И увядало бывшее в цвету,
И озарявшее тебя смущенье
Твою лишь оттеняло красоту.

Я не пойму и ныне что случилось,
В чем провинились мы с тобой потом,
И как, творя свою несправедливость,
Весь мир не опрокинулся вверх дном?

И как произошло, что ниоткуда
Я вести о себе подать не мог.
И почему судам и пересудам,
Людской молве не встал я поперек?

Дни пролетели, отмелькали тени,
Что было, то прошло, но до сих пор
Мне видится порой твое смущенье,
И это — твой укор и мой позор.

На осуждение люди тароваты,
Им осуждать не внове, Шарифа,
Но перед ними мы не виноваты.
Я пред тобой виновен, Шарифа.

ПЕСНЯ ПАСБЫ

Мой братишка ночью поздней все не спит.
«Полечу я в небо, к звездам!» — говорит.

Ай-ай, читтигуль,
Ай-ай, читтигуль!

«Где небесное приволье,— говорит,—
Будет там и сад и поле!» — говорит.

Ай-ай, читтигуль,
Ай-ай, читтигуль!

«В дальний звездный край пробьюсь я,—говорит,—
По к тебе, сестра, вернусь я!» — говорит.

Ай-ай, читтигуль,
Ай-ай, читтигуль!

КРАСАВИЦЕ БУХАРЫ

Красавица — цветок, успевший чуть раскрыться.
Глаза — что небеса, как молнии ресницы.
Что полюбить ее, что волю потерять,
Ибо ее душа — бухарская темница.

ДВУСТИШЬЕ

Неограничен солнца век, но не об этом речь.
Свою свечу, о человек, сумей зажечь.

* * *

Кто говорит, что нет вины на нас?
Кто говорит, что мы чисты и святы?
Льет кто-то в мире слезы и сейчас.
А если так, мы тоже виноваты.

Земля всеобща, не расторгнуть уз,
На свете сердце всех людей едино,
И чей бы ни был непосилен груз,
Он каждому из нас сгибает спину.

Как совесть ни была б твоя чиста,
Ты виноват, что в мире зло творится,
И кровь людей, что где-то пролита,
Пятнит собою все на свете лица.

И там вдали сгустившаяся тьма
И наш с тобою свет чернит и застит,
На свете есть тюрьма и есть сума,
И счастья нет, покуда есть несчастье.

Чужое горе, может, за бугром,
Но за него и к нам придет расплата.
Я слишком мало думала о нем
И уж хотя бы этим виновата.

Вновь кто-то слезы льет, не зная сна,
И вдаль бредет, наевшись недосыта,
В том есть моя и есть твоя вина,
Не знаю чем — она должна быть смыта.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Народная поэзия

Песни любви	5
Социальные, трудовые, бытовые песни	39
Назидания, обрядовые песни	60
Игровые, шуточные песни	83
Четверостишия	96
Пословицы	123

Классическая поэзия

Юсуф Хас-Хаджиб Баласагунский.	
Наука быть счастливым	181
Бабур.	
Четверостишия	238
Отрывки	253
Двустипшия	259
Месневи	262
Турды.	
Мухаммасы	
«Все горести людей аллах собрал в одно...»	267
«Кто вспомнит обо мне? А были времена...»	268
«Печален и тернист и труден путь земной...»	270
Мухаммас на газель Саади	274
Газелл	274
О задержке пожалованного коня и награды	278
Таджикские стихи	278
Махмур.	
«К тебе, чьей красотой в ночи светильники горят...»	280
«Не возлагай своих надежд на встречу с ней, о по- пугай...»	280

Мухаммас	281
Сатира на поэта Фазли из Намангана	282
Сатира на Махдума Курама	284
Сатира на казия Мухаммеда Раджаба	285
Газель казия Мухаммеда Раджаба, написанная им о себе	287
Сатира на Хаджи Нияза	288
Газель Хаджи Нияза о самом себе	288
Стихи из уст казия — любителя собак	290

Фуркат.

О музыкальном собрании, состоявшемся в городе Ташкенте	292
О выставке в городе Ташкенте	296
Обращение к ветру	300

Поэты нового времени

Куддус Мухаммади.

Любовь матери	309
-------------------------	-----

Хамид Гулям.

* Два берега — одна река	311
------------------------------------	-----

Шукрулло.

«Пусть я не знаю: друг ты или враг...»	313
«Коль в силе враг и не твоя взяла...»	313
«Коль стрелок нет в часах, не все ль равно...»	313
«Вот пшала с вином, над нею мотылек...»	313
«Не тот из нас воистину велик...»	314
«Когда стораешь ты и теришь зло...»	314
«Иной из нас своим величьем пьян...»	314
«Родник подроешь — утечет вода...»	314
«Мы на луне отсюда видим пятна...»	314
День и ночь	315
Утешение	315
«Любовь в сердцах, как на стекле узор...»	316
Забота матерей	316
Зульфии	317
Тигренко	317
Опора	318
«Я молод был, и сила бупевала...»	319
«Я вижу, волны, вашу красоту...»	319
Цветок и печаль	320

Достоинство весны	320
Друзья	321
Совет	322
«Певец, строитель ты плъ хлопкороб...»	323
Карагач	323
Так устроен мир	324
Горепье	325
Посох моей матери	326
Помощь	327
«Была жпва твоя старуха-мать...»	328
«Нашей юности нету возврата...»	328
«Когда от нас уходит человек...»	330
Итог жизни	330
Абдулла Арипов.	
Планета-мать	332
Поэт	334
У могилы Шахлаван-Махмуда	334
Камыш	334
«Давно я не бывал в родном селенье...»	335
Орел	336
Люди	337
«— Проснись скорей, что без толку валяться?...»	337
Бескрайность	338
«Стал зрелым юношей подросток хилый...»	338
«Ты плакала, ты мой ловила взгляд...»	338
«В огне грозы плъ под горящим кровом...»	339
«То громче о любви он пел, то тише...»	339
Осенний пейзаж	339
Мать	340
«С соседями часов он не сверяет...»	340
«Твердят на сотнях разных языков...»	341
Память	341
Канатоходец	342
«Возможно, в этом вовсе нету чуда...»	343
«Готовит люльку добрая рука...»	343
Соловей	343
«В просторной чайхане весь день...»	343
«Хоть не спросили моего желанья...»	344
«Сиротствует средь галок соловей...»	344
«Человек — вершина мирозданья...»	344
«Обрамлены висят портреты в ряд...»	344
Об удаче	345
«Я ждал ее, и вот весна запела...»	345
«Теперь уж ни друзьями, ни врагами»	346

«Хотел я начертать в былые дни...»	346
«Вздыхая тяжело, пролетает ветер...»	347
«Мой верный друг, давай наполним чаши...»	347
«Быть может, от земли своей родимой...»	347

Мухаммад Али.

* Июнь в Узбекистане	349
* Стихи о памяти	350
* Когда девушкам семнадцать лет	351
* Шарифа	351
* Песня Насибы	353
* Красавице Бухары	353
* Двустышие	353

Халима Худайбердыева.

* «Кто говорит, что нет вины на нас?»	354
---	-----

Наум Исаевич Гребнев

ИСТОКИ И УСТЬЯ

Переводы из узбекской поэзии

Редактор *Р. Москалева*

Художник *П. Воронкин*

Художественный редактор *А. Бобров*

Технический редактор *Т. Смирнова*

Корректор *Т. Красильникова*

ИБ № 1895

Сдано в набор 10.10.82. Подписано в печать 17.05.83. Формат 70×108¹/₃₂.
Бумага тип. № 3. Обыкновенная новая гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л.
15,75. Усл. кр.-оттисков 15,75. Уч.-изд. л. 12,22. Тираж 10 000. Заказ № 1579
Цена 1 р. 60 к.

Издательство литературы и искусства имени Гафура Гуляма. 700129,
Ташкент, ул. Навои, 30.

Набрано и отматрицировано в типографии изд-ва «Таврида», г. Симферополь,
ул. Генерала Васильева, 44.
Г.П. ТППО «Матбуот» Государственного комитета УзССР по делам изда-
тельств, полиграфии и книжной торговли Ташкент — 700129, ул. Навои, 30.